

МАРГАРИТА ВОЛЬНАЯ

ЗАРЯ КОММУНИЗМА

Маша Иванова — трудный подросток. Нелюдимая, дикая, гордая. Она вынуждена жить с бабушкой в деревне Аничкино и отказывается следовать местным правилам. Но всё меняется, когда однажды ночью она сталкивается с вампиром, который обещает превратить её жизнь в сплошное удовольствие...

Глава 1

Люда из 9 «Б» лежала на невысоком стоге сена, а над ней старался Константин Петрович. Он стонал и вздрагивал от удовольствия, а она безвольно смотрела в небо. Неужели это всё? Неужели её мечты о светлом будущем, где каждый будет уважать друга и стремиться к общему благу пошли прахом? Но ведь в школе её учили быть храброй, доброй, помогать другим, отдавать всего себя служению обществу! И она отдавала... В прямом смысле этого слова. А как же общество? Разве оно сделало хоть что-нибудь, чтобы она, Люда Новосёлова, не оказалась здесь, на краю колхозного поля на колкой подстилке мёртвой травы?..

***

10 июня 1979, воскресенье

— Мы что, будем жить *здесь*? — Маша Иванова, симпатичная девочка с длинной тугой косой и всегда ошеломлёнными глазами, опустила огромный кожаный чемодан на пол.

— А по-моему, миленько! — проскочила мимо неё Ириша Сидорова, бойкая, задорная, от которой так и веяло настоящим пионерским духом. Только вот пионером она никогда не была.

В небольшой комнате, выкрашенной в грязный зелёно-синий цвет, стояло шесть железных кроватей: четыре у окон и две у стены. Рядом громоздились тумбочки, старые, высокие, местами с облупленной краской.

— Веселее, Маша, веселее! — зашла следом Люда Новосёлова, и от её слов у Маши нахмурилось лицо. — Почувствуешь, какова на вкус жизнь колхозников! Это не у вас там в городе — в комфорте да праздности!

— Что ты несёшь... — покачала головой девушка, подняла тяжёлый чемодан и двинулась к кровати, что стояла в углу. Может, так новый комсорг в лице неугомонной Людмилы будет меньше её замечать?

— Это всё потому, что ты не прониклась деревенской жизнью! Но не волнуйся, здесь ты быстро всё поймёшь!

— Ага, за полгода не поняла, а тут за месяц всё осознает, — фыркнула Лида Козичева, маленькая девушка с порывистыми движениями и острыми чёрными глазами.

— Когда отца переведут обратно в Москву, я с радостью от вас уеду, — спокойно парировала Маша.

— Да его оттуда насовсем выслали, так что ты, подруга, с нами навсегда, — не смолчала Лида. Она быстро залезла на скрипнувшую кровать, встала на цыпочки и распахнула форточку. В комнату влетел свежий дух лета и яблоневого сада.

— Ты ничего не знаешь!

— Девочки! — на правах главной важно крикнула Новосёлова. — Прекратите ругань! Вы же — будущее Советского Союза, а так глупо себя ведёте!

Маша выпучила и без того округленные глаза и едва сдержалась.

— Давайте лучше решим, чем мы будем заниматься вечером, — миролюбиво предложила Ириша, у которой задорно горели глаза. — Предлагаю прогуляться по деревне! Вы-то здесь живёте, а я только в школу хожу! Ничего и не видела тут!

— Нет, девочки, все ложимся спать! — приказала Люда. — Завтра рано встаём и отправляемся на помощь колхозникам!

— А куда нас? — нехотя спросила Маша. — Навоз вывозить?

— Может быть, и навоз. А что ты нос сморщила?! Это такой же важный труд, как и любой другой!

— Лучше бы я дома осталась и книжку прочитала...

— Похвально, Маша, но людям надо помочь! Никуда не убегут твои книжки! Так, — отвлеклась на новое дело Люда, — я сейчас проверю, как устроились другие девочки и вернусь. Не разбегайтесь!

Новосёлова вышла из комнаты, и в коридоре гулко застучали крошечные каблучки сандалий — гордо, важно, с чувством собственного достоинства.

— И кто только выбирает таких комсоргов... — себе под нос сказала Маша и раскрыла чемодан.

— Уж точно не ты, — съязвила Лида.

— Куда мне до вас, до комсомольцев.

— Это ты верно сказала, — ухмыльнулась одноклассница, бросив на неё злой взгляд.

Людмила Новосёлова шла по просторному коридору интерната. В конце его темнел квадрат окна, а по бокам выделялись ровными прямоугольниками двери. Девушка поправила красный значок на груди, пожалала плечами, точно от этого что-то изменялось, и вошла в комнату. Шесть девочек спокойно заправляли кровати и без любопытства посмотрели на неё.

— Молодцы, уже застилаете, — похвалила комсорг, и тут её глаза наткнулись на плакат Ленина. Вождь смело смотрел в прекрасное советское будущее.

Новосёлова вышла, но её окликнула Варя Киселёва из Ивановки:

— Люда, а вы, кажется, устроились вчетвером?

Быстро сообразив, о чём та говорит, комсорг кивнула:

— Да, мне не повезло, нас слишком мало в комнате. Жаль отрываться от большого коллектива!

— А давай я поменяюсь с тобой местами? — с лукавством и надеждой попросила веснушчатая Варя.

— Спасибо за предложение, но всем вам лучше держаться вместе. Ложитесь, не засиживайтесь, завтра рано вставать.

Людмила поспешно ретировалась и отправилась проверять, как устроились два полных восьмых класса и девочки из девятого, а также размышлять о том, где бы достать ещё один плакат с Лениным, ведь в её комнате стены были девственно чисты.

Маша Иванова заправила постель домашним свежим бельём и вышла на крыльцо. Прохладный июньский вечер мягко ласкал кожу ветерком и утишал тоску шелестом берёзы. Девушка смотрела на двор с коротко скошенной травой, на пустынную дорогу, на школу, что виднелась за яблоневым садом и грустила. Полгода она жила и училась в Аничкино, потому что её отца перевели по долгу службы на крайний север, и он не смог взять её с собой. Маша никак не понимала, что это ещё за долг? И почему из-за него вторую половину девятого класса она вынуждена учиться в селе, которое ей не нравится, а дети колхозников... Нет,

среди них были хорошие ребята, обычные, добрые, не замороченные комсомолом и великим будущим, наверное, их было даже большинство, но все они любили рыбалку, костры, лес, не особенно слушали музыку, не видели балет и совсем не понимали, почему её не устраивает сельская библиотека, ведь там столько книжек, что за всю жизнь не перечесать!

— Маша! — окликнул дрожащий праведным гневом голос Новосёловой. — Маша, подойди сюда!

Девушка скривилась. Она не выносила Люду, которая успела надоест ей в школе, а теперь, когда ещё и стала комсоргом, не выносила вдвойне.

— Что это? — Когда девочки оказались в комнате, Люда решительно подошла к аккуратно заправленной кровати и беспощадно ткнула на белое бельё.

— Сама не видишь?

— Вижу, поэтому и спрашиваю!

Одноклассницы притихли.

— Ты разобщаешь коллектив!

— Я вас разобщаю? — Ошеломлённые глаза Маши обратились к застывшим девочкам.

— Да мне вообще всё равно, — счастливо заявила Ириша, и возмущённая комсорг развернулась к ней всем телом. — Но, наверное, лучше спать на том, что дали... — поспешно добавила Сидорова и села на кровать.

— Видишь, Маша, нехорошо использовать привилегии!

— То же мне, привилегия, бельё из дома принести, — фыркнула та.

— Пожалуйста, застели общественное.

— И не подумаяю.

Люда открыла рот, а её глаза растеряно забегали в разные стороны. Как же Маша не понимает, какую смуту сеет среди девочек! Ведь ей будут завидовать, а завидовать — значит, злиться, а зло оно ясно куда ведёт.

— Хорошо, давай я тебе помогу перестелить, — примирительно улыбнулась Новосёлова и двинулась вперёд. — Или вообще сама всё сделаю.

— Не стоит, — скрестила руки на груди упрямая Маша. — Я не хочу спать на простыни, на которой спал незнамо кто.

— Почему это незнамо кто?! Может, это я на ней спала! — вдруг встала в позу Ириша.

— Тебе не привыкать. Ты и так девять месяцев живёшь в этом интернате, считай, всё это — и так твой дом.

— Вообще-то я на выходные обратно в Ивановку уезжаю, — обижено буркнула Сидорова, но спорить не стала. Она действительно привыкла учиться в этой деревне, и интернат, в котором всегда было тепло и шумно, не вызывал у неё никакого отторжения.

Люда Новосёлова укоризненно качала головой, пытаясь надавить на совесть Маши. Но та не сдалась и продолжала упрямяться.

— Ладно вам, давайте ложиться, поздно уже, — резковато сказала Лида Козичева. — Валентина Михайловна, наверное, уже дверь закрыла.

В комнате почти всё стихло, только доносилось смутное шуршание из форточки. То ли ветер колыхал молодую листву, то ли возилась под крышей птица. Маша лежала на боку, отвернувшись к стене, и безуспешно пыталась успокоиться. Всё внутри неё ревело, клокотало, ей так и хотелось вцепиться в правильную Люду. И чего она к ней пристала? Мало того, что половину учебного года пыталась взять над ней шефство, так ещё и здесь собирается командовать — в трудовом лагере при колхозе! Кем она себя возомнила?!

Маша вздохнула и перевернулась на другой бок. Ей никак не спалось. Наконец она не выдержала, встала, осмотрела то ли спящих, то ли притворяющихся одноклассниц и осторожно вышла из комнаты.

— Ты куда? — громко шепнула Новосёлова, когда скрипнули петли.

— Спи! — грубо ответила девушка и решительно прикрыла за собой дверь.

В тёмном коридоре пахло сладковатым деревом и нищетой. Отовсюду доносился смех и шушуканье, и только в её мёртвой комнате стояла противная тишина.

— Что-то случилось? — неожиданно рядом возникла учительница Валентина Михайловна Корзухина. Эта была невысокая приятная женщина лет сорока, с маленьким пучком жидких волос и круглыми очками.

— Можно я немного постою на крыльце? — грустно попросила Маша.

— Хочешь, я пойду с тобой? — Женщина подошла ближе и с тревогой посмотрела на ученицу.

— Нет, спасибо, просто хочу побыть на воздухе перед сном.

— Не хочешь ничем поделиться?

— Нет, всё хорошо, — соврала девушка.

— Десять минут, не больше, и я буду закрывать.

Маша выскочила на крыльцо. Раздражение от вечно бдящего комсорга немного поутихло. Валентина Михайловна была на редкость приятной и мягкой женщиной, один её вид вселял уверенность и спокойствие, вот и сейчас короткий разговор немного помог девушке. Она прислонилась к перилам и заставила себя подумать о городе. Где-то там играют струями фонтаны, ездят «москвичи» и «волги», прыгают воздушные балерины и примеряют платья актрисы. Но перед взором лишь село, самое обычное, неприметное, со стареньким кинотеатром, со столовками и замшелым домом культуры... Маша вздохнула. Её лёгкий взгляд пробежался по дороге, перепрыгнул на ветви округлых и разлапистых яблонь и полетел бы дальше по затемнённым кронам, если бы не человек. Высокая фигура замерла между деревьями с застывшей рукой у ствола. По спине девушки пробежал холодок, но ясный ум быстро нашёл объяснения: «Наверное, местный алкаш не может найти себе чекушку... Или чей-то отец пришёл убедиться, что с дочкой всё хорошо... А, может, просто кому-то не спится, вот он и лазит в колхозном саду...»

Темная фигура почему-то стала ближе, но Маша пропустила момент передвижения. Она испуганно дёрнулась и больно ударилась ногой о косяк. Какой-то миг — и чёрный человек вновь оказался на несколько шагов впереди. Окончательно перепугавшись, девушка бросилась в интернат и плотно прикрыла входную дверь. Чего только не померещится в ночи... Наверное, Люда была права — лучше всего лечь спать, ведь завтра ранний подъём и добровольно-принудительная помощь колхозникам.

Глава 2

11 июня 1979, понедельник

— Встаём, ребята, умываемся и в столовую! — заглянула в комнату Валентина Михайловна. Её негромкий голос бодро разлетелся по комнате, но все лишь недовольно заворочались в кроватях. — Давайте-давайте! Не ленитесь! А вечером я сыграю на гитаре.

Как только обещание музыки проникло в сонные сознания, многие вскочили. У учительницы был превосходный голос, чистый, мягкий, он ласкал слух так же, как нежный

морской ветер, но пела она не часто, а гитару доставала и того реже.

Два девятого класса, состоящих из девчонок, и два полных восьмых, толпились перед мутными окнами двухэтажного интерната. Ребята нетерпеливо ждали, когда освободятся умывальники, а между тем шумно переговаривались между собой.

— Хорошо бы нас в столовку отправили помогать! — мечтала Варя Киселёва.

— Куда отправят, туда и пойдём, — поучительно вставила Люда, которая внимательно следила за порядком и вмешивалась, если он нарушался.

— Ей лишь бы пожрать, — зло ухмыльнулась Козичева.

— Ты, Лидка, лучше заткнись! — услышала Варя и под густыми веснушками вспыхнула красная кожа. — Чернявка подзаборная!

— Девочки! — осадила комсорг, видя, как наливаются злобой чёрные глаза Лиды. Все хорошо знали, что она дочь доярки и залётного цыгана, и не упускали случая напомнить об этом. Даже несмотря на то, что она круглая отличница и комсомолка. — Мы все ученицы школы номер один! Не забывайте, пожалуйста, об этом.

Маша стояла рядом, но особнячком. Она с интересом слушала происходящее и неосознанно радовалась, что не участвует в этом. Когда Людмила закончила читать нотации нерадивым ученицам, её внимание обратилось на Иванову.

— Маша, — аккуратно начала комсорг, — ты видишь, к чему приводят различия?

— Ну так давай всех одинаково побреем, оденем в гимнастёрки и заставим ходить строем! — рыкнула та и немедленно отошла от Новосёловой. И чего она вечно цепляется?!

Люда не последовала за ней — подошла её очередь умываться.

Толпа школьников во главе с Валентиной Михайловной дружно направилась в контору по освещённой ярким солнцем дороге. На деревьях распевали весёлые птички, кукарекали петухи за загородками, под лопухами прятались пугливые разномастные куры, гоготали гуси, благоухали желтые и белые цветы. На длинном здании из белого кирпича развевался красный флаг, а под ним пестрели алым огромные буквы: «Правление колхоза Заря коммунизма». Железный забор, выкрашенный в ярко-синий, отделял от дороги несколько ухоженных клумб с низкорослыми растениями и смутно наводил на мысль об участке на кладбище. Рядом с конторой находилась небольшая площадка, где ребят уже ожидали. Высокий председатель Константин Петрович, от которого замирали сердца всех молодых женщин в округе, да и не молодых тоже, парторг Василий Иванович — одутловатый мужчина с большими мешками под глазами, вызванными отнюдь не недосыпом, и секретарь Галина Александровна — худющая, с сероватым лицом и вечно тоскующим взглядом. Все они вытянулись в струну в строгих костюмах и изображали подобие улыбки.

— Сейчас начнётся... — буркнула Вера Исаева из 9 «А», дылда и головная боль учителей. Благо, что жила в соседней деревне Турынино и хотя бы летом не кошмарила округу.

— Здравствуйте, ребята! — несколько сконфужено сказала Галина Александровна. — Хотим поблагодарить вас за то, что вы согласились помочь нашему колхозу!

— Согласились, как же, — хмыкнула Исаева, и Люда попыталась перехватить её взгляд. Но ученица упорно не смотрела на комсорга, и воспитательное выражение лица, которое должно было указать Вере на её неподобающее поведение, затерялось в толпе.

— В этом году мы засеяли рекордное количество свёклы и без вашей помощи нам не удастся собрать хороший урожай! — тем временем вещала Галина Александровна.

А Маша не сводила глаз с председателя. Более чем привлекательный мужчина

неопределённого возраста излучал нечеловеческое обаяние. Спокойный взгляд голубых глаз, тёмные короткие волосы, немного встопорщенные и густые, естественность в движениях, лёгкая задумчивость, в смысл которой захотелось вникнуть, и потрясающая неуловимая улыбка. Девушка опустила голову, как только случайно встретилась с ним взглядом, и искоса глянула на Люду — вдруг комсорг за ней следил и скоро устроит новую головомойку? Но та и сама поддалась шарму, чем изрядно удивила Машу. Новосёлова?! Влюбилась?! Быть того не может!

Когда торжественная часть закончилась, а председатель, парторг и секретарь скрылись в конторе, школьники загудели. Валентина Михайловна призвала всех к тишине, кивнула Люде, и та радостно вышла вперёд.

— Ребята, чтобы всем нам было веселее, предлагаю разбиться на бригады! Каждая бригада придумает себе название и лозунг, в конце дня мы посчитаем, кто прополот больше всего, и запишем результаты! А перед тем, как отправиться по домам, выберем лучшую бригаду и наградим!

— Чем? Аленьким цветочком? Так у меня их и без того полно в огороде! — выкрикнула Вера и хамовато оскалилась. Сегодня она была в ударе.

— Нет, не цветочком! — улыбнулась совершенно не задетая Люда. — Но это пока секрет!

— А как быть восьмиклассникам? Мы в лагере всего на две недели, это вы тут на месяц! — спросила Сонечка Нефёдова, миниатюрная ученица из 8 «Б».

— Давайте решим вместе! — ухватила за искру чужого энтузиазма радостная Новосёлова. — Можно сделать соревнование только внутри классов, а можно устроить два! Первое будет длиться две недели и в нём будут участвовать все! А второе будет проходить только для девятого класса, потому что восьмой — уже уедет! Кто за первый вариант?

Несколько рук не очень-то бодро взметнулось вверх.

— Наверное, стоит сделать два соревнования, — вступила тихим и мелодичным голосом Валентина Михайловна. — Нечестно, если два разных возраста будут соревноваться между собой. Ребята из восьмого класса моложе, а значит, слабее, они не смогут составить конкуренцию девятому.

— Почему это не сможем?! — недовольно сказала задетая Сонечка, не понимая, как ловко обхитрила всех учительница. — Тогда мы за первый вариант! Мы не слабее!

Лавина рук показалось в воздухе, и даже девятиклассницы, с превосходством переглядываясь, проголосовали за первый вариант.

— Почти единодушно, — улыбнулась Валентина Михайловна и на секунду задержала взгляд на угрюмой Маше, которая и не думала участвовать.

— А чтобы снова не спорить, кто в какую бригаду будет входить, разобьёмся по комнатам! — с воодушевлением продолжила Люда. Сегодня она тоже была в ударе. — Моя бригада пусть называется Зарёй коммунизма!

— Так не честно! Это же наш колхоз! — подняла шум Сонечка Нефёдова, и толпа загудела с новой силой.

— Так, ребята! — хлопнула в ладоши учительница. — Идём на свёклу! По пути всё придумаете и решите!

Школьники поникли, но бурные обсуждения лозунгов и названий команд немного скрасили предстоящие труды. Люда, довольная и весёлая, бодро шагала впереди всех. Она и не думала присоединяться к девочкам из своей комнаты: безусловно, они поняли всю

важность придуманного ею плана и прямо сейчас усердно составляют лозунг. Но вопреки ожиданиям Лида с Иришей тихо обсуждали, когда же вернуться мальчики с военных соревнований, ведь без них как-то тихо и совсем неинтересно. Особенно без Васи Левина — в этом девочки сошлись единодушно. А Маша Иванова потеряно плелась в конце толпы и поглядывала на контору. Длинное здание с голубой крышей и тёмными окнами почему-то внушало ей непонятный трепет. То ли оттого, что там находилось правление колхоза, то ли оттого, что внутри прямо сейчас работал Константин Петрович. Девушка задержалась взглядом на последнем окне, где внезапно показался статный председатель. Ей почудилось, что он улыбнулся, и Маша поспешно отвернулась, гася в себе волнение.

Огромное поле с кормовой свёклой раскинулось бесконечной ширью, стоило только обогнуть блестящий колхозный пруд. На пронзительном небе не было ни тучки, ни облачка, и солнце уже распалось всей своей термоядерной мощью. Большинство школьников помрачнело, но старалось не показывать вида, и только Люда Новосёлова бросилась в сплошную траву с рвением, незнакомым другим ученикам.

— Да тут свёклы-то не видно... — растерялась Маша, и её большие изумлённые глаза с ужасом окинули бескрайний фронт работы.

— Ну, давай, Лидуха, как мать! — загоготала Вера и отклянчила зад. — Жопу поднимай!

— Как тебе не стыдно! — оторвалась от грядки вездесущая Новосёлова и поспешила на выручку.

— Отвали, Людка, — прошипела Исаева, и её глаза опасно сузились. — А то я тебе твой ВЛКСМ знаешь куда затолкаю? — она кивнула на красный значок на груди комсорга.

— А ты не приставай, — чуть менее уверенно ответила та, хотя знак комсомола и давал ей некоторое чувство власти.

Лида Козичева мрачно опустила на корточки и принялась рвать молодую, но густо усеянную траву, освобождая маленькие симпатичные кустики свеклы. Совсем скоро рядом с ней выросла небольшая кучка сорняков, которые она вырывала так яростно, что из-под рук летели крошки земли. Новосёлова пристроилась рядом, но до этого внимательно осмотрела всех ребят, которые нехотя выбирали себе гряды.

— Лида, не обращай внимания... Родителей не выбирают... — попыталась тихо утешить Людмила.

— С чего ты взяла, что я стесняюсь маму?! — вскинулась та и случайно вырвала свёклу. Она с досадой отбросила её в сторону и вновь наклонилась к земле.

— Да я не это имела в виду...

— Я люблю её и горжусь ею! Мало кто отважится родить без мужа да ещё от цыгана! — с каким-то остервенением продолжала Козичева. — Она сильная женщина! Смелая! А я — отличница и комсомолка! Мне вообще плевать, что обо мне говорят! Тем более эта дылда!

Маша вполуха слушала разговор и едва не хмыкала — как же, плевать ей, ага! То-то она случайно отличница и комсомолка, во всём участвует и ни от чего не отказывается.

— Уши греешь, белоручка?! — заметила что-то на лице Ивановой Лида. — Делом займись! Или боишься импортный костюмчик заляпать?

Чёрные злые глаза Козичевой резали без ножа. Цыганская кровь бурлила в её венах, и связываться с девушкой Маше не хотелось. Она смущённо осмотрела свои сине-зеленые штаны и кофту, чистые и опрятные, не похожие на одежду других, вздохнула, в очередной раз вспомнив отца, который сейчас служил на крайнем севере, и нехотя потянула руки к

сорнякам.

— Ты что делаешь?! — сдавленно завывала Люда, и Маша с трудом удержалась, чтобы не бросить ей в лицо охапку травы. Как же она её достала... всезнайка, правдорубка, комсомолка несчастная!

— Отстань... — только и выдавила Иванова.

— Ты же дёргаешь свеклу вместе с травой!

— Что ты орёшь! — девушке стало стыдно, а когда несколько девочек обратили на них внимание, её щёки заалели.

— Ты же так всё изничтожишь... — едва слышно пропищала Люда. — Ты что, свёклу никогда не видела?!

Девочки встретились глазами, и Новосёлова притихла. Она многое прочла в испуганном, смущённом и взбешённом взгляде, и осторожно прошептала:

— Поли пока между грядок, а сама смотри на меня. Я покажу тебе, где свёкла. И никто ни о чём не догадается.

Людмила стала работать медленнее. Она не спеша рвала мокрицу с крохотными листиками, выдирала крепкий выюнок — в народе повилика, ещё не слишком колючий бодяк, тоненькие одуванчики, и оставляла крохотные кустики нежного зеленого цвета. Сперва Маша не смотрела и яростно драла междурядье, от чего вскоре слегка онемели пальцы. Но затем буря в душе стихла, успокоилась, подули мягкие ветра, и глаза сами повернулись к закалённым рукам Новосёловой. Та делала вид, что ничего не замечает, и в душе Ивановой дала первые всходы благодарность.

Жара медленно пронизывала воздух невидимыми нитями, так что скоро они накалились и завибрировали над бескрайним зелёным полем. Ребята устали. И если с одной стороны слышались шутки, смех, веселые истории — там была Валентина Михайловна, а с другой — подколы, перепалки, ссоры — вотчина Верки Исаевой, то теперь все притихли и на каком-то отчуждённом автомате дёргали и дёргали бесконечные сорняки.

Первой сдалась Ириша Сидорова. Она выгнула спину дугой, подперев её ладонью, и застонала, точно столетняя бабка:

— Может хватит уже?.. У меня пальцы ничего не держат!.. Валентина Михайловна! — неожиданно прорезался звонкий голос. — Когда мы на речку пойдём?

— Ира! — оборвала её раскрасневшаяся на жару Люда, которая всегда всё видела, слышала и знала лучше всех. — Когда учительница скажет, тогда и пойдём!

— Да это невозможно столько полоть... В прошлом году хотя бы тяпки были, почему в этом их не выдали? — закончила девушка, но всё-таки нагнулась и нехотя продолжила дёргать ненавистные сорняки.

— А помнишь, какие в прошлом году мозоли были от тяпок?

— Так, ребята! — воскликнула Валентина Михайловна, и комсорг разочарованно обернулась. Вся её нравоучительная лекция откладывалась. — Все молодцы, идём на обед!

Ириша победоносно улыбнулась, смахнула со лба прилипшие светлые волосы и первая побежала с поля. Увидев, что кто-то вырвался, школьники быстро бросили грядки.

— Девочки! Подождите! Ребята! Мы же ещё не посчитали, кто столько успел! — испуганно выкрикнула Людмила и пошатнулась.

— Тебе сейчас голову припечёт, — поравнявшись с ней, негромко сказала Маша. — Ты без панамки.

— Панамка мне ни к чему! — задрала нос Новосёлова, как будто и не было между ними

никакой оттепели. — Ты запомнила свою грядку?

— Зачем?

— Чтобы потом...

— Никто не хочет этим заниматься, почему же ты не понимаешь... — без вопросительной интонации с досадой проговорила Маша. — Оставь всё, как есть.

— Но пока мы шли сюда, все придумывали названия бригад и лозунги... Так же веселее.

— Значит, кому-то нет.

Иванова не стала разводить демагогию и поспешила за остальными. Надо скорее убраться от Новосёловой, пока она не привязалась к чему-нибудь ещё!

Уставшие ребята под предводительством Валентины Михайловны возвращались обратно. Жёлтая просёлочная дорога разветвлялась в две стороны. Один её рукав огибал озеро и уводил в деревню, а другой шёл в коровник, рядом с которым огородили высоким забором большую площадь.

— Я точно знаю! — долетел обрывок разговора до Маши, которая случайно оказалась около Лиды. Лицо черноглазой девочки внезапно потеплело, а в зрачках, что сливались по цвету с радужкой, плясало лукавство.

— Слышала, о чём они говорят? — спросила Козичева одноклассницу.

— Нет, не слышала.

— О бешеном быке! — понизила голос та.

— И что с ним? — не смогла унять любопытство Маша.

— Он насмерть забодал несколько человек, сбежал и бродит где-то в колхозном саду... — перешла на шёпот Лида, а Иванова вдруг расслабилась и улыбнулась.

— Очередная глупая страшилка.

— Не веришь?

— Конечно, нет.

— Но ты же знаешь, кто такие быки-производители?

— Что-то слышала...

— Знаешь, какие они злые?

— Не злее обычных животных, — не согласилась Маша. Испугать её такой ерундой было невозможно. В жизни она видала и пострашней...

— Хочешь, я тебе его покажу? — с деланной лёгкостью спросила Лида, а у самой едва сдерживалась улыбка.

— Да не очень...

— Испугалась, городская фифа? — зло ухмыльнулась одноклассница, и Маша с тоской поискала в толпе Новосёлову. Вот где она, когда так нужна?!

— Ничего я не испугалась. Просто мне это не интересно.

— Испуга-а-а-алась, я же вижу! — подзадоривала Козичева.

— Можешь думать, как тебе хочется.

— А Машка у нас трус! — во весь голос заявила Лида, и все вокруг стали с любопытством оборачиваться и прислушиваться, ожидая продолжения. — Она боится идти смотреть бешеного быка!

— Фу-у-у! Тру-у-у-ус! — подхватила Вера Исаева, и кто-то рядом с ней загоготал.

— Да пожалуйста, показывай своего быка! — не вытерпела Маша, у которой уже неистово колотилось сердце.

— Нет уж, ещё помрёшь со страху! А мне потом отвечать! — язвительно улыбнулась

Лида и ускорила шаг, чтобы нагнать Иришу.

Сконфуженная, разочарованная и разозлённая Маша отстала и волочилась позади всех. Нет, она никогда не найдёт своего места в Аничкино, да и не хочет находить. Она хочет домой, в город, в свою комнату с пожелтевшими обоями, к письменному столу и зеленой настольной лампе, к книжному шкафу и маленькой кровати у стены. Чтобы папа возвращался с работы, а она разогревала ему суп, который неумело сварила вчера, а потом они немного поговорят о школе, о делах, вспомнят маму... Сердце Маши болезненно ёкнуло, глаза защипало, и она настойчиво отогнала грустные мысли. Не сейчас, не время и не место предаваться горю.

Проголодавшиеся и оттого разбуянившиеся школьники ввалились в колхозную столовую, просторную, но душную, со множеством светлых столов и стульев. На широкой стене между окнами висело два плаката. На одном краснолицая девочка зазывала за собой, а над ней горели красным буквы: «Полевые работы не ждут!». На другом усатый дядька спрашивал, как ты сегодня поработал, а в глазах стоял такой укор, что аппетит едва не улетучился. К счастью, остальные стены не воспитывали, не взывали к чувствам стыда и вины и не отвлекали от насущных потребностей организма. Ребята выстроились в очередь. У раздачи стояла дородная женщина в поварском колпаке, с носом-картошкой и шустрыми глазами. Она с готовностью подняла тарелку для первого и шмякнула туда нечто красное, с торчащей во все стороны соломкой.

— О, борщ! — довольно и очень быстро потёр ладошки Толик Карпов. Он локтями продрал себе дорогу к поварихе, а если кто-то не хотел пропускать, то показывал два маленьких, но очень крепких кулака.

Люда Новосёлова незаметно вздохнула и покорно приняла свою порцию, когда подошла её очередь. Она выбрала крайний столик с четырьмя стульями, нашла глазами своих девочек и кивнула на найденное место. Как только все оказались в сборе, Ириша, с аппетитом прихлёбывая борщ, тайно поделилась:

— Вы слышали, что Тоня Харитонова из 10 «А» отказалась идти в колхоз? А за ней и весь класс...

Людмила перестала дышать. Она удивлённо посмотрела на одноклассницу и сказала:

— Не может быть.

— Да может! Мне только что девчонки рассказали.

— Она поступила не подумав.

— Почему не подумав? — вмешалась Иванова, так и не притронувшись к борщу.

— Ты задаёшь странные вопросы, Маша! Колхозу нужны новые люди! — поспешно отгарабанила Люда. — А Тоня всех подвела!

— А это случайно не та девочка, которая шла на золотую медаль?

— Да, это именно она, поэтому ей должно быть стыдно вдвойне! — не унималась комсорг.

— То есть человек, который прекрасно учится и который может стать даже учёным, обязан терять целый год и идти доить коров? — резанула Иванова. Лида оторопело уставилась на неё, а потом криво улыбнулась и опустила глаза.

— Так пусть сначала отдаст долг...

— А кто сказал, что она должна отдавать долг? Да и кому? Колхозу? А даже если и должна, то почему именно так?

— Человек должен трудиться, Маша. Это правильно и почётно, — нахмурилась

Новосёлова.

— Не спорю. Но почему он должен трудиться там, где не хочет?

— Он обязан хотеть.

— Ну а ему не хочется.

— Нет, хочется!

— Нет, не хочется, — твёрдо, но раздражённо сказала Иванова и чтобы чем-то себя отвлечь, поводила ложкой в борще.

— И ей дали плохую характеристику... — подкинула дров в огонь Ириша и наивно захлопала глазами.

— Ну и гады, — тихо произнесла Маша. — Человек всё равно не сможет проявить себя там, где ему плохо.

— Но в колхозе не плохо, — парировала Люда и с трудом проглотила последнюю ложку борща, от чего её лицо тошнотворно перекошило. — Просто нужно понимать, что ты делаешь полезное дело, на благо всех, тогда и желание появится. А она не понимает.

— А разве Тоня не принесла бы больше пользы, если бы пошла учиться, например, на врача? Сразу, после школы! И лечила бы твоих колхозников гораздо лучше, чем доила бы коров?

— У тебя в голове одна каша, — мягко, но всё же свысока ответила Новосёлова.

— А по-моему, не у меня.

Комсорг уже открыла рот, как повариха позвала получать второе неожиданно звонким и добродушным голосом, который никак не вязался с боевитой внешностью. Школьники вновь потянулись к раздаче, выстроив башню тарелок из-под первого.

Когда девочки вновь вернулись за стол, Маша расстроилась ещё больше. В серой тарелке лежала тушёная капуста с морковкой... Опять ненавистная капуста! Хорошо хоть не одна... Девочка откусила чёрный хлеб и разломил вилкой котлету.

— Тоня совершенно безответственный человек, — вдруг выдала мрачная Люда и в упор посмотрела на Иванову. — Она думает только о себе и совершенно не понимает, что благо всех зависит от каждого.

Маша решила промолчать и усиленно жевала котлету — так, на всякий случай, если язык решит сам заговорить.

Обед прошёл довольно быстро. Разомлевшие от сытости и жары школьники лениво поплелись на выход. Идти в поле никто не жаждал, и хотя ещё оставалось время на отдых, зелёная ширь из сорняков и кормовой свёклы настойчиво лезла в глаза.

— Валентина Михайловна, а можно на речку сходить? — громко попросила Ириша Сидорова, ожидая, что её поддержат другие.

— Вода ещё не прогрелась, — уклончиво ответила та.

— Ну Валентина Михайловна... Мы с ребятами уже на прошлой неделе ходили! Хорошая там вода!

Женщина колебалась. Множество горящих глаз взирало на неё с такой надеждой, что бедное сердце учительницы дрогнуло, она улыбнулась и согласно кивнула.

— Ур-р-ра! Идём на речку! — выкрикнули мальчишки из восьмого класса и гурьбой ломанулись по дороге.

— Только недолго! И подождите меня! Без меня никто в воду не заходит!

Неширокая речка Звонарёвка растеклась за невысоким холмом в стороне от колхозного поля. Она убегала вдаль за деревню, сужалась и терялась где-то на обочине леса. Её берега,

местами густо поросшие рогозом, местами вытопанные до жёлтой глины полого уходили в глубину. Кое-где росли бледные ивы с длинными изящными ветвями, кое-где застыла ярко-зеленая ряска, уходящая в осоку, а где-то круто обрывалась земля. Ребята кинулись к широкой полосе берега, как будто эта часть суши специально предназначалась для купаний, и резво поскидывали кто штаны, кто шорты, кто рубашки. Затем они гурьбой, с криками и хохотом, бросились в холодную речку. Девочки были поскромнее. Кто-то остался на берегу и смотрел на шалости хулиганов, кто-то устроился под ивой от палящего солнца, кто-то переоделся в заготовленный купальник и осторожно заходил во взбаламученную воду. Симпатичная фигуристая Ириша относилась к последним. Яркий купальник из оранжевых и жёлтых лоскутов красиво сидел на бледноватом теле. Толик Карпов, маленький юркий парнишка, сразу заметил девушку, и хотя он беззаветно плескался с друзьями, не выпускал Сидорову из бокового зрения. Наконец он дождался и, когда та оказалась по колени в воде, с диким смехом облил её настоящей волной.

— Ах! — вдохнула не ожидавшая шалости Ира и тут же бросилась догонять хулигана. Но куда там! Толик был рыбой в воде, и поймать его мог разве что такой же, как он сам.

Маша Иванова стояла на небольшом возвышении, сложив руки на груди. Радости плескания её не вдохновляли, и она просто ждала, когда выйдет время. Новосёлова куда-то пропала, но это не обрадовало девушку. Теперь ей придётся быть настороже, чтобы случайно не попасться на глаза комсоргу. Было бы гораздо лучше, если бы она, Маша, могла видеть ту издалека и следить за её перемещениями.

— Ты не против, я тоже здесь постою? — проговорил мягкий голос учительницы. — Отсюда хорошо всех видно.

— Конечно.

— Нет-нет, не уходи! — торопливо попросила Валентина Михайловна. — Я не буду тебе мешать.

— Этояпомешаю вам...

— Да нет, что ты. Наоборот. Можешь помочь мне проследить за ребятами? Я одна, а вас вон сколько...

Маша согласилась и ощутила незнакомое приятное чувство в груди.

— Скажите, — осмелела девушка, когда прошло несколько минут, — Тоня Харитоновна правда отказалась идти в колхоз?

— Отказалась, — без эмоций подтвердила женщина.

— И что теперь с ней будет?

— Не знаю.

— А у неё правда золотая медаль?

— Она на неё шла...

— Значит, она может поступить в Москву?

— Шансы неплохие...

Односложные ответы несколько насторожили Машу, но она продолжила:

— А вы считаете, это правильно — отправлять всех без разбора в колхоз? Разве люди не должны заниматься тем, к чему есть способности?

— Это очень сложный вопрос, — прозвучал ответ, и девушке показалось, что в тоне засквозила настоящая грусть. — Чаще бывает, что в какой-то сфере люди нужнее...

— Значит, колхозники сейчас нужнее?

— Возможно, что так.

— Но она не хочет быть дояркой! Она же умная! Что она забыла в коровнике?! Это несправедливо! И как потом сложится её жизнь?!

— Я, конечно, многого не знаю и не понимаю, — медленно и тихо проговорила учительница, — но скоро олимпиада, а желающих поступать в Москву очень много. Они будут мешаться под ногами...

— Олимпиада в следующем году!

— Но население станет больше, если многие поступят в этом.

— Так значит, можно ломать человеческие судьбы просто потому, что кто-то решил почистить Москву?!

— Почему сразу ломать?

— Потому что! — В Маше боролись противоречивые чувства. Она так долго обо всём молчала, так долго терпела, приспособливалась, что в какой-то миг совершенно перестала понимать смысл своих действий.

— Что у тебя случилось с Новосёловой? — перевела тему Валентина Михайловна.

— Она просто ду... — едва не выдала Иванова, но вовремя вспомнила, с кем говорит. — Она вечно везде лезет. А когда стала комсоргом, так вообще как с цепи сорвалась... Значок свой не снимает. Везде пихает его. Даже на прополку нацепила!

— Люда неплохая, просто она ещё молодая и неопытная. Она многого не понимает. Прости ей это, — тепло проговорила учительница, и девушка подумала — а вдруг она и правда несправедлива к Новосёловой?

— Только если она от меня отстанет...

— Она не отстанет, — с печальной улыбкой покачала головой Валентина Михайловна. — У неё мама секретарь сельсовета. Люда не имеет права опускать планку.

— Да кто её заставляет? — ошеломлённо повела глазами Маша.

— Сама Люда и заставляет. Ты пойми, она действительно хочет как лучше. Ей нравится быть частью большой системы, коллектива, она верит, что если приложить усилия, все люди исправятся, станут добрыми, честными, правильными...

— А вы тоже так думаете?

Учительница вдруг очнулась и смутилась:

— Не слушай меня, Маша. Я ничего тебе не говорила.

— Я никому не скажу, — чувствуя родственную душу, поспешно заявила Иванова. Она внимательно посмотрела на женщину и не без горечи заметила — Валентина Михайловна такая же, как она, только сломленная, подчинённая, позабывшая о собственном я. Но даже так ей удалось остаться прекрасным человеком, который всегда поддержит, утешит, поймёт, и не только её — Машу, — но даже и Люду Новосёлову.

— Толик! — закричала учительница и строго покачала головой. Мальчик невинно замер, сжимая в руках большую массу ряски рядом с головой ничего не подозревающей Ириши Сидоровой.

— А я ничего, Валентин Михална! — заискрилось лицо Толика, а зеленоватая копна булькнула под воду.

— Вот паразит! — добродушно усмехнулась женщина.

Маша Иванова оглядывала залитую солнцем речку, далёкий лес, кусты и траву и случайно заметила человека, который стоял на другой стороне реки. Высокий рогоз хорошо скрывал лицо, оставляя на виду лишь тень. Наверное, рыбак? Проспал утром и не дождался вечера. Но удочки не было заметно, и девушка решила перейти на другое место, чтобы лучше

рассмотреть. Чем ещё ей заняться в эти скучные часы?

Маша побрела вдоль берега, изредка посматривая на заросли высокой болотной травы. Когда те сместились в сторону, девушка с удивлением обнаружила секретаря колхоза — Галину Александровну. Женщина неподвижно стояла на берегу и наблюдала за тем, как школьники плещаются в воде. И всё бы ничего, если бы Маша не разглядела странную тоску в лице, смешанную с жёсткой решимостью. Как будто той хочется так же поплавать в жаркий день, но она никак не может себе этого позволить и во всём винит беззаботно визжащих ребят...

— Вот ты где, — произнесла Новосёлова прямо за спиной, и девушка обречённо вздохнула.

— Чего тебе?

— Пожалуйста, не груби.

— Я и не думала.

— Маша, нам нужно серьёзно с тобой поговорить.

— Нет, я не хочу ни о чём разговаривать!

— Твоё... свободомыслие может плохо сказаться на девочках.

— Всё, я пошла, — Маша развернулась, но не успела сделать и шага, как Людмила схватила её за руку.

— Да я же помочь тебе хочу! Ты с нами уже полгода, а так ни с кем и не подружилась!

— Наверное, это потому, что я свободомыслю! — огрызнулась та.

— Ты настраиваешь других против колхоза, — на одном дыхании ответила Новосёлова и испуганно посмотрела на Машу.

— Я?!

— Зачем ты начала при всех в столовой? Все осуждают поступок Тони, а ты стала её защищать.

— Да потому что все, кто умеет думать, понимают, какая чушь здесь происходит!

— Это тебе папа такое говорит?

Маша внутренне содрогнулась. Как хорошо, что Валентина Михайловна успела рассказать о маме Люды. Мало ли, кому та может начирикать и куда это дойдёт...

— Не вздумай вмешивать сюда отца!

— Тогда откуда...

— Да потому что я жить хочу, понимаешь?! Так, как чувствую, а не так, как мне говорят, что я должна чувствовать! Есть ведущие, а есть ведомые! Так вот я — не овца! Пусть овцы идут! А я за баранами ходить не собираюсь!

— Маша...

— И если мне придётся закончить вашу школу, я тоже не пойду в колхоз! Хоть режьте меня!

— Но так нельзя... Это же предательство! — возмутилась Новосёлова.

Иванова со злобой вырвала руку и ошеломлённо сказала:

— Да ты вообще ничего в жизни не понимаешь...

— Нет, это ты не понимаешь! Если все будут думать только о себе, вот как ты, то общество превратится в настоящих диссидентов! И наша страна даже может перестать существовать!

Маша изумлённо захлопала глазами и не нашла что ответить. Она двинулась к ребятам, которые нехотя вылезали из воды и сушились под тёплым солнцем, и кипела от

негодования. Ну откуда в голове шестнадцатилетней девочки, которая живёт в како й-то деревне, такие мысли? Книжек она, что ли, начиталась? Или хочет всеми управлять? Или жаждет висеть на доске почёта и свысока смотреть на остальных? Тогда чем она лучше её, Маши? И что это даёт? Разве от этого жизнь Люды станет лучше? Да кому нужны эти передовики? Кто их любит-то?

Яростно сшибая траву, Маша добралась до всех. Её гнев немного поутих, и на поле она отправилась в своём обычном подавленном состоянии. Позже к ним присоединилась Люда со слегка опухшими глазами.

Глава 3

Небольшой костерок приятно трещал перед интернатом и освещал оранжево-алым окна, траву, умывальники, деревья. Его окружили школьники, уставшие, притихшие, в ожидании обещанного утром. На толстом пне рядом с ними сидела Валентина Михайловна. С чарующей небрежностью она держала в руках старую гитару и подкручивала струны. В круглых очках отражалось пламя и казалось, что вместе с ним горят в огне её глаза. Женщина закончила приготовления, и её пальцы со знанием дела задвигались. По яблоневому саду полетели первые нежные звуки, и ребята перестали дышать. После небольшого вступления учительница закрыла глаза и запела чистым сильным голосом, от которого даже у Толика по телу побежали мурашки:

Песни у людей разные, А моя одна на века...Звездочка моя ясная, Как ты от меня далека...

Люда сидела к учительнице ближе всех. События насыщенного дня взбудоражили её, расстроили и повергли в уныние. До сих пор она не могла поверить, что Тоня Харитоновна, отличница и комсомолка, которая активно участвовала в школьной жизни, была пионервожатой, выпускала стенгазету, даже стала комсоргом в прошлом году и вдруг отказалась выполнять решение комсомольского собрания... Не может быть, чтобы она это придумала сама. Наверняка её кто-то надоумил! Девочка повернулась влево и быстро пробежала по одухотворённым лицам школьников, пока не наткнулась на Машу. Та стояла позади ребят и смотрела в одну точку. Кто бы сомневался! Даже песня ей не нравится! Не то что всё остальное... Наверняка она тайно дружила с Тоней и успела переманить её на свою сторону. Конечно, она же городская, многое видела в своей Москве, многое знает! Вернее, думает, что знает, и распространяет своё пагубное влияние на неокрепших школьников!

Люда разозлилась. Почему-то сейчас в её голове начали вырисовываться совершенно очевидные вещи: Тоня делала стенгазету, в которой упоминалось о новой ученице Маше, звала ту в кружки, разговаривала с ней на переменах... Несомненно, во всём виновата только Иванова! Но куда смотрел весь класс! А родители?! Горевшая праведным гневом Новосёлова решила проучить Машу и заставить её не отбиваться от других. Но затем она вспомнила об отце-военном, который привёз дочь в Аничкино к бабушке, а сам отправился на север, вспомнила о том, что недавно Маша потеряла маму, что она одна и у неё совершенно нет друзей. На какой-то миг все эти мысли пронеслись ураганом в голове и затихли. Люда осторожно вышла из круга и незаметно шмыгнула в интернат. Там она ворвалась в их тёмную комнату, включила лампу и кинулась к кровати Ивановой. Она ловко сняла пододеяльник, наволочку, простынь, быстро закрутила их в ком, растерялась на несколько секунд, а затем затолкала в свою тумбочку. Из тумбочки Маши комсорг достала посеревший

интернатовский комплект и поспешно его застелила. Девушка выпрямилась, не задумываясь, как сильно в груди бухает сердце. Она гордо вскинула голову, поставила руки в бока и, с чувством удовлетворения, приправленным непонятной тревогой, вернулась к костру. А тем временем Валентина Михайловна, чей образ изменился до неузнаваемости, затянула новую песню:

Слышишь, тревожные дуют ветра? Нам расставаться настала пора
Кружится, кружится пестрый лесок...
Кружится, кружится старый вальсок...
Старый, забытый, Старый, забытый
вальсок...

Как только маленькие пальцы учительницы тронули струны и Маша уловила знакомую мелодию, всё её тело напряглось. В груди тоскливо заныло, заскребло, горло сжалось, в носу защипало, и девушка неслышно шагнула назад, в темноту.

«Нам расставаться настала пора» — болью отозвались слова песни, и школьница заспешила в почерневший от мглы яблоневый сад. Мама была такой доброй, такой ласковой, она никогда не ругала её за отметки, никогда не заставляла вступать в ряды пионеров, слушала её, понимала, водила в цирк, на спектакли, в зоопарк, на балет, всегда была рядом, когда требовалась помощь. А Маша ничего не замечала... Ни ввалившиеся щёки, ни круги под глазами, ни бледноту, ни одышку... Она слишком поздно поняла, что время, проведённое с мамой стремительно тает, и пожалела о встречах с подружками, пожалела, что так много читала — ей нравилось, что мама довольна, и она с жадностью хваталась за новую книгу! Но пора расставаться всё же настала... Маша всхлипнула и вонзила в ладони ногти. Она обошла высокую яблоню с раздвоенным стволом и прислонилась к узловатой коре. Твёрдые наросты ощутимо впились в спину и немного привели в чувства. Прошло едва ли больше полугода, как Татьяны Ивановой не стало на этой планете, но она продолжала жить в мыслях и сердце и никак не отпускала.

Где-то впереди послышался шорох, и девушка встрепенулась. Она не боялась темноты, но сейчас, когда чувства были растревожены песней, от которой не удалось сбежать, ей стало не по себе. Прекрасный летний вечер на мгновение приобрёл страшные черты, и Маша решила вернуться.

— Подожди, — сказал очень знакомый женский голос из тьмы. — Я тебя искала...

Девочка застыла, ещё не понимая, бояться ей или нет. Она тщетно пыталась вспомнить, кто к ней приближается, но, когда из-под раскидистой яблони вынырнула Галина Александровна, секретарь колхоза, Маша насторожилась. Что она здесь делает?

— Почему ты ушла от ребят? — ласково спросила женщина.

— Просто так...

— Тебе стало грустно?

— Немного.

— Это всё из-за отца?

Вопрос заставил девочку насторожиться ещё сильнее.

— Да нет...

— Ты, наверное, думаешь, что его отъезд совпал со смертью мамы не случайно?

Маша об этом никогда не думала, но подумала теперь. Едкий укол обиды всё-таки существенно отозвался в груди. А что, если...

— Мужчины не умеют горевать, — тем временем продолжала Галина Александровна. Её худющая, практически скелетообразная фигура становилась всё ближе. — Они не признают чувств и пытаются сбежать от них. Крайний север — лучшее для этого место.

— Откуда вы знаете? — стараясь говорить спокойно, спросила Маша, и от секретаря вдруг повеяло холодом. Нечеловеческим, чуждым, замогильным...

— Точно не знаю, но предполагаю. Бросить дочь, дёрнуть её из школы, привезти в деревню к матери, когда учиться осталось всего ничего...

— Он военный. Он не может решать, где ему жить и работать, — с вызовом ответила девочка.

— Всё они могут, надо только попросить.

— Ладно, я пойду, — не захотела продолжать разговор Маша, но ледяная рука крепко схватила её за плечо. — Не трогайте! — в ужасе вскрикнула девочка и шарахнулась за яблоню. Женщина высоко подпрыгнула, совершенно неестественно и не свойственно её возрасту, и оказалась между раздвоенных стволов.

Школьница кинулась бежать. В ушах отчаянно бухало сердце, от страха подгибались колени, но треск и шорох за спиной гнал её вперёд. Наконец девочка вынырнула из-за интерната и оказалась на площадке. Там всё ещё горел костёр и сидели довольные школьники, а в воздухе витало такое умиротворение, что произошедшее в колхозном саду казалось галлюцинацией.

В этой роще березовой,
Вдалеке от страданий и бед,
Где колеблется розовый
Немигающий утренний свет...

...пел чистый голос Валентины Михайловны, который так и хватал за живое. Маша вернулась на своё место и никак не могла отдышаться. Она заставляла себя смотреть на воодушевлённую, необыкновенную и волшебную женщину, но чёрная мгла сада, что окружала интернат, тянула внимание на себя.

— Так, ребята, а теперь отбой! — звонко возвестила учительница, а Машу будто прошибла молния. Придётся возвращаться в комнату и ложиться спать, стараясь не смотреть в окна. Ведь они выходили именно туда...

Девочки и мальчики нехотя побрели интернат, изредка и с надеждой оборачиваясь на Валентину Михайловну. Она задумчиво перебирала струны, смотрела на догорающий костёр и не собиралась затягивать новую песню.

Люда зашла в комнату первой, быстро разделась и молча легла. Ириша и Лида ещё переговаривались и слонялись по мелким делам: то причёсывались, то показывали друг другу платья для танцев, то о чём-то хихикали. Маша не спешила ложиться. Сперва она просто сидела на кровати, а затем включила лампу и принялась читать. Но смысл слов не доходил до сознания и вскоре она бросила это занятие, щёлкнула выключателем и устала в окна.

— Девочки, вы когда собираетесь спать? — немного раздражённо спросила Люда.

— Да уже ложимся! — весело ответила Ириша и снова хихикнула.

— Вы не одни живёте! Надо и других уважать!

— Да ложимся, успокойся уже, — беззлобно ответила Лида и добавила Ире: — Завтра давай.

Как только погасла последняя лампа и по комнате пролетел облегчённый вздох Новосёловой, Козичева запрыгнула на кровать и открыла форточку.

— Не открывай! — вскочила Маша, подбежала к окну и испуганно оглядела сад.

— Почему? — удивилась Лида и расплылась в довольной улыбке — точно кот,

нашедший сметану.

— Просто не надо. Пожалуйста...

— Трус он и есть трус.

— Да не трус я! — возмутилась девочка и подумала, что бы сделала Козичева, если прямо на её глазах женщина пенсионного возраста с лёгкостью сиганула на дерево.

— Быка бешеного испугалась, а теперь чего?

— Да всё равно мне на быка, если хочешь, пошли посмотрим.

— Давай! Завтра вечером! После отбоя!

— Вы спать ляжете или нет?! — приподнялась на локте Люда и сердито нахмурилась. — Завтра вставать в семь утра!

Маша умоляюще покачала головой, смотря на Козичеву, но та ехидно улыбнулась и распахнула форточку ещё сильнее.

— Лида! Закрой! Комары зажрут! Я вчера и так двоих убила, — неожиданно помогла комсорг, и Иванова с благодарностью посмотрела на неё. — Будем днём проветривать, а на ночь закрывать.

Скрипнула железная кровать, и Маша укуталась в одеяло, совершенно не замечая чужое постельное бельё. Сон никак не хотел к ней приходиться, а чёрные силуэты деревьев на фоне тёмно-синего неба рисовали отвратительную высохшую женщину с ледяной хваткой.

Глава 4

12 июня 1979, вторник

— Игорёша! — донёсся сдавленный, но удивительно радостный возглас Валентины Михайловны, и Маша открыла глаза. — Ты как здесь? Надолго?

Больше девушка ничего не узнала — слышались торопливые шаги, глухо ударились дверь, и всё стихло. Маша села на кровати, чувствуя, как боль стискивает мышцы в самых необычных местах. Вот она — трудовая жизнь в колхозе «Заря коммунизма». Из окна в комнату лился застенчивый солнечный свет, а коренастые яблони разбросали ветви под ярко-голубым небом. Иванова сонно бросила взгляд на одеяло. Изнутри медленно, настырно и неудержимо поднималась ярость. Быстрее, чем мозг успел подумать, Маша кинулась к кровати Новосёловой, грубо сдёрнула одеяло и, схватив комсорга за ногу, сволокла на пол.

— Что ты делаешь?! — завизжала мгновенно проснувшаяся Люда. Через секунду по её лицу пробежало понимание, а затем злоба. Девочка одёрнула белую ночнушку и вскочила на ноги.

— Где моё бельё?! — кричала не своим голосом Маша.

— Послушай... Я хочу тебе сказать...

— Где! Моё! Бельё?!

— Маша! Я пытаюсь тебе помочь влиться в коллектив! Понять, что только вместе мы все сильны! Одиночки не выживают!

— Значит, воровством ты решила направить меня на путь истинный?!

— Девочки, что случилось? — в комнату вбежала взволнованная учительница. Со щёк ещё не сошёл радостный румянец, но в глазах уже светилась тревога.

— Она украли мои вещи! — Маша широко расставила ноги, точно боялась упасть, и ткнула указательным пальцем в растерявшуюся Люду.

— Я ничего не крали! — побледнела та, бросилась к своей тумбочке и поспешно

достала оттуда белое бельё, свёрнутое в тугой ком.

Валентина Михайловна пригласила юбку, явно не понимая, как правильно поступить, но тут за её спиной показался симпатичный молодой человек, немногим старше девочек, и те испуганно кинулись к кроватям — на школьницах были одни ночные сорочки...

— Игорь, выйди! — строго приказала учительница, и парень вышел, но при этом не забыл улыбнуться перепуганной Маше, что прижала к груди общественное одеяло.

Ириша и Лида не без интереса наблюдали за разразившемся сражением.

— Это воровство! — пискнула Иванова.

— Я ничего не крада! Я лишь хотела, чтобы ты не выделялась!

— А что в этом плохого?!

— Так, девочки... — вздохнула учительница, и её брови строго изогнулись. — Ваши глупые поступки и легкомысленность сами по себе плохо сказываются на всех остальных.

— Но... — попробовала оправдаться Маша. Ей было невыносимо, что она, Валентина Михайловна, разочарована.

— Никаких но! Вы живете в одной деревне, учитесь в одной школе, более того — в одном классе! Неужели вы не можете преодолеть все трудности и постараться найти общий язык?! Жизнь длинная, и никто из вас не знает, где окажется и с кем придётся работать бок о бок!

Новосёлова раскаянно посмотрела на Машу, но та оставалась непроницаемой. Её пальцы добела впились в одеяло, а глаза непримиримо уткнулись в пол.

— Подъём, — чуть более мягким тоном проговорила Валентина Михайловна, завершая инцидент. — Одевайтесь и выходите умываться. Скоро завтрак и пойдём на свёклу.

Как только деревянная дверь глухо хлопнула, Иванова испепелила комсорга взглядом. Она вырвала своё постельное бельё и стала быстро его перестилать. Ириша и Лида молчали.

— Маша... — попробовала заговорила Люда.

— Не смей больше никогда ко мне обращаться!

— Я комсорг! И я лучше знаю, как правильно себя вести! Меня избрал не один человек, а целый коллектив!

— Но не я! Поэтому ты надо мной не властна!

— Ириша, Лида, а вы что молчите? — призвала к поддержке Людмила. — Наш товарищ отбивается от рук, а мы будем просто сидеть и смотреть?! Позволим ему утонуть?! Разве мы не обязаны помочь?!

Девочки онемели. Они медлительно заправляли кровати, медлительно оборачивались на ссору, медлительно делали всё. Их разум как будто застыл или притворялся.

— Лида, ты же сама говорила, что Маша странная! Так давай поможем ей обрести уверенность?!

— Ты у нас комсорг, тебе и решать, что делать, — неожиданно твёрдо заявила та и мельком переглянулась с Ивановой, которая сняла общественное бельё.

— Хорошо, — нисколько не обиделась Новосёлова, наоборот, она восприняла это как благословение, — теперь, Маша, я буду ещё тщательнее за тобой следить. Только для того, чтобы ты не наделала ошибок!

Не успела Люда очнуться от своей тирады, как в лицо ей прилетел ком белья.

— Ещё раз выкинешь что-то подобное, пожалеешь, — пригрозила Иванова.

Гудящая толпа школьников направлялась к колхозному полю мимо конторы. Мрачное настроение Маши ещё больше обострилось, когда она увидела Галину Александровну.

Женщина стояла около клумбы в коричневом костюме с юбкой и задумчиво поправляла красный значок на груди. Высохшее лицо казалось кожаной маской, руки — ветками, ноги — палками, но затем девочка вспомнила вчерашнее происшествие и по спине побежал холодок. Может, ей это приснилось? Привиделось? Может, она сошла с ума? Секретарь колхоза посмотрела на неё и улыбнулась. Только улыбка не была доброй и приветливой, скорее — зловещей и страшной. Внезапно Маша очень чётко осознала — нет, всё действительно случилось вчера и может повториться вновь.

Не успели школьники пройти контору, как из неё вышел довольный и свежий председатель в тёмно-сером, идеально выглаженном костюме с ярко-красным платком-паше.

— Валентина Михайловна, задержитесь! — позвал тот, вскинув руку.

Женщина остановилась, и он бодро подбежал к ней. Повеяло приятным запахом одеколона «Шипр», и Люда, шедшая рядом с учительницей, смущённо потупилась.

— Валентина Михайловна, — проговорил председатель и сногсшибательно улыбнулся, но та осталась безучастна к его чарам. — В пятницу будут танцы, обязательно приходите и приводите всех учеников!

— Нам не хватит мальчиков, Константин Петрович.

— Ничего страшного, обеспечим! — пообещал тот и осмотрел притихшую толпу. — Удачно вам сегодня потрудиться, ребята! Спасибо за помощь!

— Спасибо сыт не будешь! — выкрикнула Верка Исаева.

— Кто это сказал? — строго пробежала глазами по головам учительница, выискивая хулиганку.

— Будет вам, Валентина Михайловна. Они же ещё дети, — благосклонно улыбнулся мужчина и направился обратно в контору. Маша не могла отвести от него взгляд и неожиданно Константин Петрович обернулся и подмигнул ей.

Девушка покраснела до кончиков корней и потупилась. Но как только она справилась с собой и осмелилась посмотреть в спины идущих школьников, наткнулась на очень странный взгляд Новосёловой. Та неодобрительно покачала головой, хотя в глазах горело совсем другое пламя, и имя ему было — ревность.

Небольшой участок с ровными кустиками свёклы тонул в обступающем море травы. Ученики нехотя разбрелись по грядкам, споря и ругаясь, где чья, и приступили к прополке. Мышцы страшно терзали Машу: она с трудом садилась и переходила дальше, безмолвно корчилась от острой боли и терпеливо сносила насмешки других. Но спустя некоторое время девочка привыкла, растянулась и теперь её мучила ужасная монотонность работы, которая не давала физического отдыха, зато с лихвой освобождала ум. А ум Ивановой бурлил пузырями страха. Как она переживёт сегодняшней вечер? Вдруг ей захочется в туалет и придётся выходить ночью на улицу? А что, если Галина Александровна сможет забраться в форточку? Вряд ли Новосёловой удастся сдержать Лиду — последняя рано или поздно её откроет... Вот ведь кровь цыганская! Везде ей нужен свежий ветер!

Когда наступил обед, истерзавшая саму себя Маша догнала Валентину Михайловну и тихо извинилась за утро.

— Всё в порядке, — ласково улыбнулась учительница, и если бы не вчерашний ужас яблоневого сада, школьница ощутила бы настоящее облегчение.

— А можно вас спросить кое о ком? — робко произнесла девочка.

— Спрашивай.

— Я насчёт Галины Александровны... Почему она такая... худая?

— Она очень давно болеет, Маша. И доктора не могут ей помочь.

— То есть она умирает?

— Несколько лет назад все думали, что да, — ответила учительница, и ясный взгляд её глаз невольно обратился в сторону, где за домами и деревьями находилась контора. — Но потом она пережила клиническую смерть и... как-то живёт.

— А она раньше не занималась гимнастикой?

— Откуда такие вопросы, Маша? — засмеялась женщина, и вокруг как будто зазвонили колокольчики.

— Да я всё по худобу думаю... — соврала та.

— Нет, я же тебе сказала — это болезнь. Кажется, сейчас она в ремиссии, но кто знает, надолго ли. Толик! — внезапно закричала Валентина Михайловна. — Уймись, Толик!

Мальчик мгновенно завёл руки за спину, из-за которой выпало что-то маленькое.

— Он хотел Ирише лягушку за воротник бросить, — сдала хулигана Сонечка Нефёдова из восьмого класса, и Карпов тут же погрозил ей кулаком.

— Толик, иди сюда, пойдёшь рядом со мной, — приказала учительница, и тот повиновался. С лицом несчастней, чем у голодной дворняжки, мальчик поравнялся с женщиной и притих.

Маша расстроилась. Ну надо же ему было отыскать лягушку! И чего он пристал к этой Сидоровой, влюбился что ли? Девушка повернулась к хулигану и заметила его пламенные взгляды, обращённые к Ирише.

— Не передумала идти к быку? — откуда-то появилась Лида Козичева.

— Мне всё равно. Хочешь, пошли.

— Так и знала, что попробуешь соскочить!

— Я же сказала — идём! — разозлилась Маша, а потом подумала — может, оно и к лучшему, лишь бы быть подальше от того места за интернатом.

— Тогда после отбоя.

Девушка не ответила, лишь снова представила запрыгнувшую на яблоню Галину Александровну. А что, если не бык, а она бегает по колхозному саду по ночам?..

У столовой стоял парень в джинсах и белой футболке. Девочка сразу узнала Игоря, того самого, который увидел её в ночнушке. Щёки заалели без разрешения, и Иванова попыталась оказаться от него немного дальше. Она замедлила шаги, затем поправила штанину и тем самым пропустила вперёд себя многих ребят.

Валентина Михайловна взяла Игоря под руку и, не забывая присматривать за школьниками, вошла в душную столовую.

— А это кто? Сын её, что ли? — хихикнула Ириша, повисая на плечах Козичевой и Новосёловой. Последняя неприязненно поморщилась.

— Слишком она молодая для мамы, — ответила Лида и тряхнула головой, чтобы отогнать надоедливую муху. — Сколько ей? Тридцать?

— Валентине Михайловне сорок лет, — сухо сказала Люда и сняла с плеча руку Ириши. — А это её племянник, приехал из Куйбышева повидаться.

— А ты откуда знаешь? — Вытянулось лицо Сидоровой.

— У неё ж мама в сельсовете, — усмехнулась Козичева, — она всё про всех знает.

— Не болтай чепухи, Лида! — разозлилась комсорг. Сегодня её настроение было чернее самого глубокого провала. — Я вот что подумала... — И после этих слов Маша ощутила

непреодолимое раздражение. — Наша бригада хоть и состоит из четырёх человек, но должна показать лучшие результаты прополки.

Девочки изумлённо уставились на Люду, но ничего не сказали.

— Все уже придумали названия, мы — Заря коммунизма, у Киселёвой — Комсомольцы, у Нефёдовой — Красное знамя...

— Собственно, всё, — уколола Иванова, не в силах сдержаться.

— Нет не всё, — отрезала Новосёлова, — и другие тоже придумали, просто я не запомнила. Но я что хочу сказать — пора вступать в борьбу, поэтому теперь мы будем записывать, кто сколько прошёл грядок.

— Хорошо, будем записывать, но нас всего четверо, мы не сможем... — только заикнулась Козичева, как Люда её перебила.

— Мы должны показывать пример другим! Чтобы на нас равнялись и работали усерднее!

— И как ты хочешь это сделать? Быстрее полоть? — бесцветно спросила Лида, но было видно, что энтузиазм в ней так и не зажегся.

— Я попрошу Валентину Михайловну разрешить нам задержаться вечером на свёкле. Остальные пусть идут отдыхать, а мы с вами будем полоть дальше.

Сидорова и Козичева обалдело смотрели на комсорга, но не решались возразить.

— Я не останусь, — заявила Маша.

Новосёлова вздохнула и посмотрела на одноклассницу несгибаемым взглядом.

— Нет, останешься. Иначе ты никогда не поймёшь, каково это — быть частью коллектива.

Иванова ошеломлённо покачала головой и промолчала. Ну пусть она заставит её задержаться хоть на лишнюю секунду! Она с удовольствием на это посмотрит.

Солнце распалило засохшую землю, в воздухе витала серая пыль. Маша стояла на улице у входа и ждала, когда остальные закончат обедать. Но первым, кто спасся из духоты столовой, оказался Игорь. Молодой человек достал сигареты, чиркнул спичкой и закурил, а сам изредка посматривал в её сторону.

— Привет? — наконец осмелился он.

— Привет, — буркнула девушка.

— Я Игорь, а ты?

— Маша.

— Ты здесь живёшь, Маша?

— Пока да.

— Пока?

— А ты племянник Валентины Михайловны? — не ответила та.

— Да. Приехал повидаться с тётей. Она у меня отличная, правда?

— Лучшая учительница из всех, — искренне подтвердила девушка.

— Это да.

— Игорь! — воскликнула та, о ком говорили, и парень поспешно выбросил сигарету. — Ты ещё слишком молод, чтобы курить!

А Маша сразу подумала о Новосёловой: будь она на месте учителя, то немедленно прочла бы лекцию о дурном примере младшему поколению...

— Сейчас мы идём на тихий час, так что приходи вечером, после восьми, — сказала женщина парню.

— Тихий час? — удивлённо и расстроено переспросила Маша, тем самым вмешавшись в их разговор.

— Каждый день на речку ходить не будем, — ласково улыбнулась учительница и легонько толкнула племянника в плечо. Тот быстро сообразил, что ему пора, незаметно подмигнул девушке и развязно направился по дороге в сторону села. — Будь с ним осторожна, пожалуйста, — внезапно тихо предупредила учительница. — Он хороший парень, но очень любвеобилен.

— Да я и не думала... — потупилась и покраснела Маша.

— Я видела, как он тебе подмигнул, — по-доброму усмехнулась Валентина Михайловна.

— Извините... — не нашла ничего лучше школьница.

— Ты что! Всё в порядке! Просто будь осторожна. Не позволяй лишнего. Иногда это плохо заканчивается...

Глаза женщины превратились в глубокие провалы, в которых трепыхалась боль. Девочка непроизвольно дёрнулась, будто подсмотрела нечто такое, чего не должна была видеть.

Тихий час в трудовом лагере оказался номинальным. Труженики разбрелись по комнатам, но отовсюду доносились приглушённые голоса, смех, топот, и только в комнате комсорга стояла неестественная тишина. Маша Иванова читала книгу, Лида Козичева тоже, но чаще роняла её себе на грудь, а Ириша Сидорова и Люда Новосёлова улеглись спать по-настоящему. Лёгкий ветерок плавно раскачивал нежно-зелёную листву яблонь за окном, убаюкивая и успокаивая. Неожиданно в прозрачном окне показалась голова Игоря Корзухина. Он приставил ладони к стеклу, заглянул внутрь, а затем тихо поскрёб. Маша испуганно вскинула глаза, и все её страхи о секретаре ожили в тот же миг. Девочка посмотрела на парня, ещё не веря зрению, и тот поманил её на улицу. Она тихо встала, нащупала сандалии и под подозрительным взглядом Лиды вышла из комнаты.

— Привет? — поздоровался радостный молодой человек, когда девушка оказалась на крыльце. — Не хочешь прогуляться?

— У нас тихий час...

— Мы тут, недалеко, — он махнул рукой на угол интерната, за которым продолжался колхозный сад.

— Ну хорошо.

Они проходили по серой дорожке со спутанной травой и молчали. Игорь взволнованно думал, о чём бы лучше всего заговорить с этой симпатичной деревенской девушкой? Что её может заинтересовать?

— Тебе здесь нравится? — ляпнул он.

— Нет, — прозвучал категоричный ответ, который слегка расслабил парня. — Я хочу домой, в Москву.

— Ты из Москвы? — не поверил он и даже заглянул Маше в лицо, точно хотел проверить, не врёт ли.

— Да. Моего отца перевели по службе на крайний север, а там не было для меня никаких условий... В общем, меня отправили к бабушке. В Аничкино. Я уже полгода здесь.

— М-м, мой отец тоже часто бывает в разъездах, он капитан.

Разговор не клеился, и Игорь стал переживать. Но, с другой стороны, она же не уходит, значит, он всё делает правильно.

— А какие у вас тут развлечения? — поинтересовался парень.

— Да никаких. Вон, в колхозе свёклу полем.

— А ты бы что хотела?

— Я бы? Например, сходить в театр или погулять в парке Горького. Ты когда-нибудь был там?

— Нет, не был. Но точно была тетя Валя.

Когда девочка услышала, как просто он говорит о её учительнице, в груди расплылось что-то тёплое и приятное.

— Она училась в Москве, — пояснил парень.

— Я не знала... А почему же она приехала сюда?

— Так по распределению. Куда послали, туда и поехала.

Маша мысленно завела спор с Новосёловой — вот видишь, заставили работать в Аничкино, вот она и сидит на одном месте, и то же самое могло быть с Тоней Харитоновой. Оставили бы её на год в колхозе навоз вывозить, так бы и провела всю жизнь в коровнике.

— Но почему она всё-таки не вернулась? — спросила девушка, сорвала травинку и стала мять её между пальцами.

— Не знаю, она с мужем поругалась, он же там, в Москве остался. Может поэтому и не захотела возвращаться. Но только я ничего тебе не говорил! — спохватился Игорь. — Не болтай, ладно? Нехорошо это.

— Нет, я никому не скажу. Это я так, для себя спросила.

— Она у меня отличная, не позволю её обижать.

— Я и не думала! — нахмурилась Маша и повернула обратно.

— Ты куда?

— Всё, нагулялись.

— Ну извини, я просто рассказал то, что не должен был, а теперь переживаю.

— Не переживай, в сельсовете обо всех и так всё знают. Думаю, побольше твоего.

— Давай ещё пройдемся? — попросил парень, и девушка посмотрела на его симпатичное лицо.

— Хорошо.

— Так расскажи мне, как вы тут развлекаетесь? — улыбнулся Игорь.

Глава 5

Бесшумная тень скользнула от окна в проход между кроватями и дёрнулась к Маше. Руки, что лежала на белой простыне, коснулось нечто холодное, и девушка в ужасе открыла глаза. Едва не вскрикнув, она поняла, что задремала и ей приснился кошмар, о котором она думала весь день. Но перед ней стояла не безобразная Галина Александровна, а бойкая и дерзкая Лида.

— Идём?

Маша помедлила лишь мгновение, всё ещё овеянная мороком сна, но этого хватило, чтобы Козичева хищно оскалилась.

— Да идём, — раздражённо шепнула Иванова.

Она поспешно натянула штаны, кофту, накинула сверху лёгкую серую куртку и направилась к двери за невысокой фигурой одноклассницы.

— Вы куда? — хрипло со сна спросила Люда и приподнялась.

— В туалет! — рыкнула Лида. — Наша фифа боится идти одна, вот меня и разбудила.

Маша открыла от изумления рот — её снова пристыдили! И ладно бы по делу, но ведь просто — по наглости! Козичева снова выставила её глупой трусихой! Но затем Иванова с не меньшим удивлением увидела, что Люда совершенно удовлетворилась ответом и опустила голову на подушку.

Тёмная улица встретила двух девочек не летним холодом. Несмотря на то, что солнце палило весь день, июньские ночи ещё не до конца впитали его жар.

— Страшно? — улыбнулась Лида, когда они перешли дорогу и торопливо зашагали по мокрой траве сквозь колхозный сад.

— Нет, не страшно. Я не верю, что бык действительно убежал и теперь его не могут найти.

— Но он же бешеный!

— Если бы это было так, его давно бы выследили и застрелили.

— Значит, не боишься? — зубоскалила одноклассница.

— Нет, не боюсь.

Но девочка всё-таки боялась: шороха листвы, треска ветки, касания волос по шее от ветра. Только об этом она не рассказала, лишь внимательно следила за садом и прислушивалась к мраку. И как она только согласилась на эту прогулку? Ясно же — Галина Александровна не обязательно стережёт около интерната, она может быть везде! Но тогда Маша думала совсем наоборот... От луны отползла туча, и холодный свет мягко опустился на кроны, бросил белую сеть на тропинку, головы и плечи.

— А ты молодец, — вдруг похвалила Лида, и Маша вздрогнула от неожиданно звонко прозвучавшего голоса. — Думала струхнёшь. А ты вон, идёшь себе спокойненько.

Если бы она знала, *как* спокойно шла девочка, то была бы не так весела. В любой миг Иванова готовилась сорваться с места и умчаться в спасительный интернат.

— А долго мы будем его искать? — стараясь говорить бодро, спросила Маша.

— Спать хочешь? — ничего не заподозрила спутница.

— Завтра опять подъём в семь...

— Ладно, не переживай, сейчас до коровника дойдём и обратно.

Коровник располагался неподалёку от поля со свёклой и прудом, там, где дорога разветвлялась надвое и уводила в разные стороны. А сейчас одноклассницы шли по колхозному саду, который тянулся по окраине и был таким огромным, что тропки из него вели едва ли не в любую точку села Аничкино. Маша стиснула зубы и мечтала о том, когда же всё это закончится, когда она ляжет на скрипучую железную кровать и забудется пусть и тревожным, но всё-таки сном.

Девочки быстро шагали под раскидистым покровом яблонь и молчали. Лида задавала темп и не собиралась проверять, успевают ли «городская фифа». А Маша, гложимая страхом, изо всех сил держалась рядом и не отставала.

— Как ты думаешь, Люда правильно поступила, когда попросила Валентину Михайловну разрешить нам задержаться на поле подольше? — прошептала Козичева, а её спутница вздрогнула.

— Она должна быть впереди планеты всей... — не особенно дружелюбно ответила девочка, а страх лишь распалил обострённые чувства.

— Мне кажется — это обман. Вот если бы мы все были в равных условиях и наша бригада победила, тогда да, это по-честному. Но когда все будут отдыхать, а мы полоть, то где же тут равенство? Очевидно же, что мы победим.

— Валентина Михайловна всё равно не разрешила, — натянуто ответила Маша. Она совершенно не хотела поддерживать разговор, ведь слева ей померещилась тень.

— Это дело времени. Люда всегда добивается своего.

— Ты слышала? — девушка с испугу схватила одноклассницу за рукав.

— Нет, а что?

— Вот опять!

Лида посмотрела туда, куда указала девочка, и ей тоже что-то померещилось.

— Пойдём быстрее. Наверное кому-то тоже не спится, — немного взволнованно ответила Козичева.

А Маша почти паниковала. Миллион раз она пожалела, что согласилась идти к этому треклятому быку, которого нет, а вот иссушенная Галина Александровна вполне существовала и могла ожидать их у любого дерева.

Девочки торопливо шли по тропе, и под ногами тихо шуршала трава. Практически полная луна, как нарочно, спряталась за тучкой, и сад покрылся страшным мраком. Кто-то совершенно отчётливо шёл параллельно одноклассницам, и те интуитивно увеличивали скорость. Но это никак не помогало — незнакомец легко под них подстраивался и не отставал.

Маша не выдержала и взяла Лиду за руку. Вопреки крохотному опасению, что та поднимет шум, Козичева крепко сжала ладонь одноклассницы и не отпустила.

— Девочки, подождите! — поплыл по воздуху ласковый голос Галины Александровны.

— Бежим... — прошептала Иванова и хотела рвануть с места, но Лида почему-то застыла.

— Ты чего? Это же свои.

— Нет, Лида, с ней что-то не то, надо уходить... Быстрее...

— Девочки, добрый вечер!

Худющая фигура оказалась строго на тропе позади одноклассниц. Неподвижная, точно мраморная статуя, холодная, как лёд Антарктиды.

— Вы почему не спите? — спросила секретарь.

— Решили подышать воздухом, — ответила Лида, игнорируя нескончаемые дёргания Маши — та никак не унималась и тянула одноклассницу вперёд.

— Вот и я решила. Можно составить вам кампанию?

— Нет! Мы уже возвращаемся в интернат! — истерично выпалила Иванова.

— Давайте ещё немного прогуляемся, все вместе, — проворковала Галина Александровна и не спеша направилась к ним. — Я никому не расскажу, что вы нарушаете распорядок лагеря!

— Идём, да идём же, умоляю... — едва не плакала Маша, и Лида сдалась. Она не понимала, что происходит, но неожиданная встреча и странный тон секретаря вызвали в девочке неприятные чувства. Она решила поверить однокласснице.

— Извините, но нам пора, — твёрдо заявила Козичева и сошла с тропы, чтобы обогнуть Галину Александровну.

— Нет, не пора, — жёстко ответила женщина.

— Что?..

Но не успела Лида испугаться, как тень юрко метнулась к девочкам, страшно шипя. Маша всё это время готовилась бежать, поэтому успела дёрнуть одноклассницу за руку, и секретарь промазала. Древний ужас, живший в сердце каждого живого существа, погнался

девочек сквозь сад. Они с трудом разбирали дорогу, поломали несколько ветвей, оцарапались сами, падали и быстро вставали. Позади них трещали сучья, шипела и стрекотала тень.

— Здесь! — пискнула Лида и потащила Машу в сторону.

Девочки наткнулись на маленькое, но добротное сколоченное строение. Козичева ловко открыла проход, втокнула туда одноклассницу, прыгнула следом и заперла дверь.

— А-а-у-у-у, де-э-эво-о-чки-и-и! — запел с улицы голос.

— Что теперь? Она же найдёт нас... — тряслась от ужаса Маша.

— Я на засов закрыла... — едва слышно прошептала Лида.

— Хва-а-атит игра-а-ать в пря-а-атки! Выходи-и-ите! — сладко тянула Галина Александровна. — Ах вот вы где.

И всё вокруг неприятно стихло.

Маша обняла Лиду и слепо вылупилась в темноту. Что-то грохнуло по крыше и замерло. В крохотные щели, размером с миллиметр, будто задышало животное. Оно принюхивалось, прилаживалось, точно собиралось просочиться внутрь, но ничего не выходило и через мгновение ласковый голос проговорил:

— Пустите меня в домик, девочки! Вам всё понравится, я обещаю!

Но одноклассницы притихли, только бухали в ушах сердца.

Женщина сползла по стене, постучала по доскам и приблизилась к двери.

— Тук-тук, впустите меня. Мне тут очень холодно и сыро.

— Так отправляйтесь домой! — дрожащим голосом зло выкрикнула Лида. — Вам нехорошо! Уходите!

— Девочки, ау, впустите меня...

Облако отплыло в сторону, и тусклый свет луны проник в мелкие щёлки. Одноклассницы увидели, как Галина Александровна медленно ощупывает каждый участок шалаша, но не смеет ворваться. Хлипкая щеколда оказалась действенным засовом и не пускала её внутрь.

Несколько часов девушки тесно жались друг к другу, покрывались липким потом страха, тряслись и молчали. Где-то в деревне закукарекал петух. Тень на улице резко дёрнулась, завyla и исчезла.

— Где она? — прошептала Маша, не выпуская одноклассницу из объятий.

— Не знаю... Не видно...

— Давай ещё посидим... Пусть солнце взойдёт...

— Давай, — согласилась Лида.

Впервые за ночь девочки устало опустились на пол и прислонились спинами друг к другу.

— Это что было? — через некоторое время спросила Козичева таким тоном, словно Маша знала больше неё.

— Не знаю... Но вчера, вернее, уже позавчера, когда все слушали Валентину Михайловну, я ушла за интернат и там встретила её...

Девушка сбивчиво рассказала о неестественном поведении секретаря колхоза и замолчала. Тишина длилась долго. Яркие лучи солнца просочились в мелкие щели и в тонких струнах света закружились пылинки.

— Надо идти, а то хватятся... — прошептала Лида, чувствуя, как глаза слипаются от дремоты.

— Я боюсь... — призналась Маша, а Козичева и не подумала её дразнить.

Глава 6

13 июня 1979, среда

Рваные облака быстро летели по ясному летнему небу. На свекольном поле галдели школьники, разгулявшиеся, раздумявшиеся, уже готовые к обеду и тихому часу. Лида и Маша с синими тенями под глазами волочились в конце всех. Они очень устали, почти выбились из сил из-за бессонной ночи и теперь подвергались бомбардировкам со стороны комсорга.

— Я так и знала, что вы меня обманули! Видите, что теперь получается? Кто за вас работать будет? — часто подходила к ним Новосёлова.

— Мы и так работаем, — отвечала притихшая Лида.

— Но как вы работаете?! Мы же с вами договорились, что должны победить! Я же не могу за вас одна всё делать!

— Тебя и не просят, — сказала Маша и села на тёплую землю передохнуть.

— А я не могу быть равнодушна к своим товарищам! Я хочу помочь!

— Тогда чего ты гундишь целый день? Голова от тебя уже болит.

— Она у тебя не так заболит, когда я расскажу Валентине Михайловне, что вас всю ночь не было!

— Нет! — испугалась Лида и переглянулась с насторожившейся Ивановой. — Работаем мы, не надо никому рассказывать.

Девочка принялась дёргать траву с показным усердием, и вскоре к ней нехотя присоединилась Маша. Она драла и драла бесконечные сорняки и почти не чувствовала собственного тела — как будто витала рядом и смотрела на всё со стороны.

— Мы будем что-нибудь с этим делать? — тихо спросила Лида, когда Новосёлова ушла, и по тону стало ясно — она говорит совсем не о дотошном комсорге.

— Я — да.

— И что?

— Не скажу.

— Вот всегда ты такая, Машка! К тебе по-человечески только отнесёшься, как ты сама от дружбы отказываешься! — разозлилась Лида.

— А ты что же — дружить мне предлагаешь?

— Больно надо! Но с этой... женщиной... не всё в порядке. Нужно разобраться, чего она к нам пристала? Может, мы что-то не так поняли?

— Ага, — возмутилась Маша. — Она нас в саду просто так караулила, чтобы поболтать.

— А что тогда?

— Не знаю...

— Так давай узнаем! — настаивала Козичева. Сдаваться без боя было не в её характере.

— Ладно... Прикрой меня перед Новосёловой в тихий час.

— Куда ты пойдёшь?

— Потом расскажу.

— Маш, не ходи к ней! — очень серьёзно сказала Лида, и в глубине чёрных глаз засветился страх.

— Нет, к ней ни за какие блага мира не пойду! — воскликнула одноклассница и

почувствовала, как по коже пополз холод.

Наступил тихий час. Сытые ребята отправились по комнатам, и сегодня, в отличие от вчерашнего дня, интернат затих. Только слышались приглушенное воркование девчонок да лёгкое дыхание ветра в коридоре. Маша дождалась, пока комсорг послушно уляжется на посеревшие простыни и засопит, и прокралась к двери. Лида быстро-быстро замахала ей ладонью, и девочка поспешно выскочила вон. Ириша, которая только притворялась спящей, приподнялась на локте и вопросительно кивнула — в её глазах светилось страшное любопытство.

— Потом, — одними губами ответила Козичева и настороженно посмотрела на комсорга — вдруг та тоже только делает вид, что спит. Но Люда ровно дышала, закинув руку за голову, и не подавала признаков бодрствования.

Лида растянулась на кровати, мягкой, удобной, самой идеальной на свете и ощутила такую небывалую сладость, что расстроилась — дома у неё совсем другая постель, жёсткая какая-то, обычная, не то что здесь. Затем она удивилась — вчера кровать была обыкновенной, как у всех, и не обладала всеми теми качествами, которые сегодня сделали из неё королевское ложе. Мысли девочки плавно потекли дальше. К бесконечному полю, к мерцающему от солнца пруду, к коровнику, до которого они так долго шли с Машей, к теням и холоду июньской ночи... Что-то над ухом противно заскрежетало. Лида повернулась к окну и увидела безобразное, высохшее лицо Галины Александровны. Застывший и оттого неестественный взгляд замер на девочке, и та закричала в паническом ужасе. Но её руки и ноги не желали слушаться — они беспомощно барахтались в кровати, а страшная женщина прошла сквозь стекло и...

— Лида, ты чего? — проговорили где-то рядом, и Козичева открыла глаза. Она вспотела, тряслась и никак не могла отойти от кошмара. Над ней склонилась Люда, а в окно смотрел любопытный Игорь Корзухин.

— Ничего!

— Ты стонала во сне, — тревожно проговорила Новосёлова.

— Просто плохой сон.

Лида посмотрела на озадаченного Игоря, который с любопытством заглядывал в комнату, и нахмурилась. Вот из-за кого ей пригородилась всякая чушь! Жених нашёлся!

Люда приоткрыла форточку, откуда влетел тёплый воздух из сада и наполнил комнату запахом трав.

— Ты чего хотел? — строго спросила Новосёлова.

— А где Маша? — ответил тот.

— Маша? — растерялась девочка, обернулась к углу, где стояла кровать одноклассницы, и обратилась уже к Лиде: — А где Маша?

— Откуда я знаю, — плохо ворочая языком, проговорила та. — Наверное, в туалете. Она постоянно жалуется на живот...

— Врать нехорошо. Вчера туалет, сегодня. Придумали бы что-то более оригинальное.

— У нас тихий час, можно я посплю? Никуда не денется твоя Маша.

— Я должна немедленно сообщить Валентине Михайловне.

Люда развернулась и затопала к двери, но Козичева внезапно бросилась за ней:

— Не надо никому сообщать!

— Тогда говори, куда она пошла. Я немедленно верну её, пока никто не заметил!

— Я не знаю, но она скоро придёт.

Игорь Корзухин смутно слышал разговор, но уловил самое важное. Парень расстроился и отошёл от интерната. Конечно, чего он хотел? Такая симпатичная девочка наверняка с кем-то дружит, а он-то размечтался...

— Лида, покрывая Машу, ты и сама становишься на неверный путь! Есть порядок! Он один для всех! Сейчас — тихий час, значит, все должны его придерживаться.

— Ладно ей ты не веришь, но мне веришь? Она успеет вернуться до того, когда мы пойдём на поле.

— А если нет?

— Успеет, — твёрдо заявила Лида и ощутила такую усталость, что хоть падай. Спорить с непрошибаемой Новосёловой она больше не могла.

— Хорошо. Но если она опоздает, я немедленно расскажу Валентине Михайловне.

А Маша, точно воришка, пробиралась к нужному дому задами усадеб, где уже взошла кучерявая картошка. Там её никто не видел, а если и видел, то не узнал. Девочка спокойно приблизилась к калитке, запрокинула руку и открыла шпингалет. Затем она быстро пробежала по знакомому саду мимо беленых яблонь, слив и груш, аккуратных грядок и цветов и остановилась напротив зеленого дома с белыми наличниками. На пороге, отдыхая от дел, сидела в синем халате Аграфена Степановна, родная бабушка по отцу. Она задумчиво грызла семечки и едва не подавилась, когда увидела перед собой внучку.

— Маша! Ты что?!

Девочка бросилась к ней и впервые сама, без просьб и уговоров, обняла женщину.

— Что случилось? Господи ты боже мой! — Аграфена Степановна бросила семечки в эмалированную жёлтую миску и прижала дрожащую внучку к себе.

— Забери меня оттуда...

— Расскажи, не томи! У меня сейчас сердце разорвётся!

— Пожалуйста, забери! Я больше не могу там находиться!

Маша отстранилась и посмотрела на бабушку глазами, полными слёз.

— Так дела не делаются. Сперва расскажи, а потом будем думать!

— Ты всё равно не поверишь...

— Пошли в дом. Пошли-пошли! — поторопила женщина, видя, что девочка сомневается.

Они поднялись по ступеням, оказались на солнечной терраске, где висели ситцевые занавески и стояли вёдра с водой, и перешли в столовую. У стены напротив стоял полосатый сервант, где тускло мерцал хрусталь, рядом — невысокий холодильник «ЗИЛ», на котором тикали часы, а сбоку — стол и венские стулья с округлой спинкой. Бабушка убежала на кухню и быстро собрала поесть, а затем вернулась и расставила угощенья перед гостьей.

— Ты что-нибудь знаешь о жизни Галины Александровны? — спросила Маша, когда немного успокоилась и развернула конфету «Золотой ключик».

— О секретаре колхоза?

— Да, о ней.

— Да ничего такого. А что тебя интересует? — Аграфена Степановна взволнованно следила за поникшей внучкой. — Она сказала тебе чего? Отругала?

— Нет... Она... Понимаешь... — И тут Маша вспомнила их первую встречу и неприятный разговор. — Она намекнула, что отец меня бросил...

— Чего она намекнула?! — повысила голос женщина и нахмурилась. — Я ей дам за такие намёки! Ишь чего удумала! Если девка без мамки осталась, так теперь можно

напраслину наводить?!

— Это же не так, правда? Папа не бросил меня?.. Она сказала, что мужчины не умеют переживать... Что он попросил, чтобы его подальше от меня отправили...

Аграфена Степановна фыркала, сопела, крутилась на стуле, словно сидела на горячей сковороде, то скрещивала на груди руки, то клала их на стол. Маша затаила дыхание и ничего не понимала — неужели папа правда её бросил и сбежал? Или всё это ложь, поэтому бабушка так и возмущается?

— Вот что, Маша, никого не слушай! Папа должен был на север этот ещё два года назад уехать, но его оставили из-за Татьяны.

Имя матери больно отозвалось в девочке, и она с трудом сдержалась, чтобы не заплакать.

— Уж не знаю, какими правдами-неправдами ему удалось начальство упротить, а упротил. Оставили. Но с условием, что как только всё закончится, — в этот миг бабушка взяла внучку за руку, — он немедленно покинет Москву.

— Ты не врешь? — пропищала девочка и доверчиво заглянула женщине в глаза.

— Чес-с-стное слово!

— Значит, он вернётся за мной?

Аграфена Степановна поджала губы, и Маша устыдилась. Ну зачем она обижает бабушку? Зачем открыто говорит, что ей здесь плохо? Да, они виделись нечасто, да, не нашли общего языка, да, были из разных миров и не понимали друг друга, но эта пожилая женщина сделала всё, чтобы девочке, выросшей в городе и никогда не знавшей сельской жизни, было хорошо.

— Я не это имела в виду... Я просто... Мой дом в Москве... Я не хотела ничего такого...

— Понимаю, чего ж не понять, — немного расслабилась бабушка. — Папа любит тебя и ни за что не оставит здесь жить. Я точно знаю. Он это от безысходности... Мать твоя из детдома, и тебе такой участи никто не желал! Да и на севере условий никаких, мороз да вечная ночь! Чего там девке молодой делать?

— Значит, Галина Александровна наврала. Но зачем?

— А зачем люди гадости друг другу делают? Зачем мне тетя Нюра на огород огрызки кидает? Зачем поносит меня по всему селу? Зачем малину мою ворует?

Маша опустила голову. Сказать или не сказать? Ведь не поверит... Девочка перевела взгляд под потолок и осмотрела небольшую икону Божьей Матери.

— А ещё, — решила внучка, — секретарь странно себя ведёт. Она ночью ходит у интерната и пугает нас...

— Что значит — пугает? — насторожилась Аграфена Степановна, и её лицо сделалось непривычно мрачным и серьёзным.

— Она... бегаёт за нами... По деревьям лазает...

— По деревьям, говоришь?

— Забери меня оттуда, бабушка, пожалуйста! — взмолилась девочка, вспоминая, сколько ужаса пережила, и схватила женщину за руки.

— Вот что... Вот что... — размышляла вслух та. — Сейчас я тебе кое-что дам.

Она ушла в комнаты, из которых доносились шуршания, тихие стуки, вздохи, бубнёж, и через пару минут Аграфена вынесла маленький нательный крестик на нитке.

— На-ка, возьми, и не снимай.

— Ты серьёзно? — ошеломлённо спросила Маша, разом теряя к бабушке всё доверие.

— Бесноватая она, значит. Хоть у нас и не верят во всё это, но крест — он от много убережёт. Надень.

— Я не верю во всю эту чушь...

— Чушь не чушь, а ты надень!

— Просто заberi меня оттуда... — одними губами сказала Маша.

— Не могу, кровиночка, не получится. И так вон с Харитоновой скандал на всю деревню, хочешь, чтобы и нас поносили?

Внучка нехотя взяла серебряный крестик и не своими руками надела на шею. Прохладный металл быстро впитал тепло и перестал чувствоваться.

— Спасибо, — выдавила Маша.

— Не обижайся, кровиночка, но не могу я!

— Понимаю... Ладно... Я пойду... А то Людка сдаст.

— Возьми конфеточек! Пососёшь по дороге!

— Не хочу.

Девушка со скрипом отодвинула стул и поплелась к выходу. Приятная прохлада дома осталась позади, и палящее солнце обожгло кожу. Маша наращивала шаг, всё быстрее удаляясь от зелёного дома, который сегодня мог бы стать родным. Жгучая обида терзала сердце, выворачивала наизнанку. Мама бы так не поступила, ей было наплевать на то, что скажут, что подумают, она всегда стояла на её защите, а теперь её больше нет.

— Маша! — позвала бабушка издалека, но внучка нарочно не поворачивалась. — Подожди! Я же забыла сказать самое главное!..

Девочка сорвалась с места и изо всех сил побежала на усадьбу. Она неслась по траве во весь дух, пока не достигла огромных ракии. Там Маша забралась в середину деревьев, что обступили её зелёными исполинами, села на корточки, прислонилась к мшистому стволу и горько зарыдала. Полутень, запах трухи и почерневшие тонкие листья под ногами мягко приводили её в чувства. Надо просто потерпеть, пережить... Вернётся папа и заберёт её из этого ужасного места! А пока она попробует справиться сама. Ведь больше рассчитывать не на кого.

Маша обогнула сломанный забор, что отделял колхозный сад от чьей-то усадьбы, и пошла к интернату. Перед тем, как показаться на площадке у входа, девочка проверила щёки — коснулась их прохладными ладонями. Они её не убедили — пылали точно при температуре, но делать было нечего, Маша вышла из-за угла здания и испуганно застыла. Напротив стояли серьёзная Валентина Михайловна и Новосёлова. Сердце неудавшейся беглянки провалилось вниз.

— А вот и она! — радостно воскликнула комсорг.

Маша потупилась и медленно побрела навстречу. Эх, подвела Лида, обманула! А, может, нарочно всё подстроила?! Зря она ей доверилась, решила, что хоть кто-то нормальный, но оказалось — все они тут одинаковые.

Девочка приблизилась и посмотрела на Люду. Вопреки ожиданию, та светилась не торжеством и злорадством, а печалью и разочарованием.

— Кто разрешил тебе уйти с тихого часа? — строго спросила учительница.

— Простите, мне это было необходимо, — скромно ответила Маша и с надеждой посмотрела в круглые очки женщины.

— Ну-ка, идём!

Валентина Михайловна направилась в интернат, и девушка устремила следом. Она мельком глянула на Новосёлову, но та лишь осуждающе покачала головой.

Внутри здания шелестела тишина. Шаги учительницы гулко отдавались от стен, словно подчеркивали Машину провинность. Женщина распахнула дверь к себе, грозно глянула на ученицу, и та виновато скользнула в комнату. Дверь укоризненно захлопнулась.

— Что ты делаешь, Маша?!

Девушка не смела поднять глаза и рассматривала серые полосы пола.

— Мне что за тобой, как за Карповым и Исаевой смотреть? Ты чего творишь?!

— Но я же ничего плохого не...

— Маша, в лагере есть определённые порядки, не я их придумала, и им надо подчиняться!

— Но...

— А если бы с тобой что-нибудь случилось?

— Да я всего лишь к бабушке ходила...

— Зачем? — насторожилась женщина.

— Я просила её... — девочка запнулась и ещё ниже опустила голову, — чтобы она меня отсюда забрала...

— А ты подумала, что будет дальше?

— Нет... А что тут такого?..

— Сколько неприятностей выльется и на тебя, и на бабушку, и даже, кто знает, на твоего отца! Не говоря уже обо мне. Мне влетит самой первой!

— Но вы здесь совершенно ни при чём! — горячо заверила Маша.

— Но говорить-то будут и обо мне! Но ладно я, моя жизнь прожита, — меланхолично сказала учительница, — но неужели ты хочешь, чтобы твою жизнь отравили?!

— Пусть болтают, что хотят. Мне всё равно.

— Если бы болтали! — возмутилась Валентина Михайловна и выглянула во двор, где собирала школьников Люда. — К сожалению, наш мир не идеален. Никто не захочет вникать в твои проблемы. На тебя просто навесят ярлык, от которого ты не избавишься.

— За то, что всего лишь сходила к бабушке?! И попросила забрать меня, потому что мне тут плохо?!

Женщина устало покачала головой, давая понять, что знает, как это глупо и несправедливо, но ничего нельзя поделать.

— Одно цепляется за другое, — наконец произнесла учительница. — А на тебя и так косо смотрят. Маша, иногда нужно просто смириться с тем, что ты не в силах изменить. Как со стихийным бедствием.

— Но со стихией нельзя договориться, а с людьми можно... Ведь можно всё объяснить! Значит, нельзя с этим просто смириться!

— Конечно, людям можно объяснить, — печально улыбнулась женщина. — Но поймут ли они тебя зависит от того, захотят ли понять. Так уж устроено, Маша... Поэтому с тем, что ты не в силах изменить, надо просто смириться, иначе тебя сломают.

Валентина Михайловна вздохнула, подошла к девочке и усадила её на кровать.

— Семнадцать лет назад я приехала сюда работать из Москвы. Представляешь, каково мне было? Из столицы в глухомань. Я была страшно недовольна и шла против системы, боролась с ней, лезла на рожон, пыталась что-то кому-то доказать! Но правда такова, что твоя жизнь всем безразлична, пока ты не оступишься. А уж если оступишься... — она

вздохнула и покачала головой. — Если ты не будешь следовать правилам, тебя задавят. А не задавят, так доведут... — она снова вздохнула, после чего воспряла и заговорила гораздо более весёлым тоном. — В конце концов я поняла, что рядом со мной живут и работают такие же люди, как и я сама. Кто-то добрее, кто-то злее, кто-то умнее, кто-то глупее, но такие же. С теми же страхами, чувствами и мечтами. И я смирилась. Возможно, ты не поверишь, но мне здесь даже понравилось! Чистый воздух, любимая работа, так зачем мне кому-то что-то доказывать, если я могу просто жить?

— Вы предлагаете мне тоже остаться в Аничкино?

— Я предлагаю не бунтовать, потому что, так уж вышло, ни один бунт не заканчивается добром. Даже если он необходим.

— Но Тоня не пошла в колхоз, отказалась! И ничего! — гнула своё Маша.

— Посмотрим, чем это для неё закончится, — мрачно ответила Валентина Михайловна.

— А что, по-вашему, она должна была сделать?

— Пойти в колхоз и весь тот год, что она будет там работать, продолжать учиться. А как только выйдет срок, ехать поступать туда, куда хотела.

— И вы считаете, это правильно? Это справедливо? По-человечески? — не сдавалась Маша.

— Я считаю, что это единственный шанс не испортить себе жизнь. Пожертвовать одним годом ради всего будущего.

— Но ведь и дальше будет такой же бред! Вот она отучится и её пошлют неизвестно куда!

— Всего на три года...

— Значит, надо пожертвовать уже четырьмя годами, чтобы тебе не испортили всю жизнь!

— Ничего не поделать, таковы правила, и раз уж мы не в силах их изменить, надо приспособиться. Поэтому, Маша, я прошу тебя, будь потише, не ломай своё будущее, — попросила женщина, и девушка посмотрела в её тёплые глаза.

— Почему вы не вернулись в Москву?

— Это долгая история... — уклончиво ответила учительница.

— Пожалуйста, ответьте. Я никому не скажу!

— Мой муж не захотел ехать со мной сюда, хотя мог... Он был старше, его ничего не держало, кроме работы и... возможно, кого-то ещё. Мне было незачем возвращаться, Маша, — грустно ответила та и пригладила ладонью юбку. — Да и здесь не так уж плохо.

— А почему вы здесь никого не встретили?

— А я и встретила, но он несвободен... Я не посмею разбить семью.

В комнате повисла тишина. Девочка впитывала всё, что говорила Валентина Михайловна, понимала, осознавала, но никак не могла согласиться. Почему все обязательно должны делать то, что положено? Кем это положено? И с чего они, те, кто это придумал, взяли, что именно так правильно? Почему каждый человек должен проходить через тернии просто для того, чтобы его оставили в покое, а не диктовали, как надо жить?! Но даже и тогда приходилось оглядываться...

— Я бы родила, — неожиданно продолжила учительница, — но только представь, какой это был бы позор. Одна. Без мужа. Меня бы сразу уволили, выкинули из школы... Педагог не имеет права подавать дурной пример... И что бы мне осталось?

Получается, этот прекрасный человек сознательно обрекает себя на одиночество только

потому, что кем-то как-то и когда-то было решено, что родить без мужа — великий позор... Маша покрутила головой, не соглашаясь со всем этим. Она совершенно не понимала, что делать, как поступить, чтобы в её жизнь никто не лез и не говорил, как правильно себя вести. Но затем девочка вспомнила про Галину Александровну и повернулась к учительнице.

— Большое спасибо, что поговорили со мной, — искренне поблагодарила она. — Вы правы, я и вас могла подвести. Я больше не буду так делать, только...

— Только? — с тревогой спросила женщина.

— Пожалуйста, помогите мне...

— Конечно, говори, что случилось?! Неужели Игорь успел напортачить?!

— Нет, не Игорь... А секретарь колхоза.

Учительница и ученица долго сидели в полной тишине. На улице уже заждались ребята, а комсорг несколько раз настойчиво прошла мимо окна.

— Давай вечером поговорим? Нам уже пора на свёклу.

— Пожалуйста, пять минут! Я всё быстро расскажу! Я могу рассказать по пути! Только прошу вас, не считайте меня сумасшедшей! Я нормальная! Я просто не знаю, что мне с этим делать! Поэтому и сбежала!

— Ты чего, Маша, успокойся, — Валентина Михайловна коснулась прохладного лба девочки и убедилась, что у неё не жар. — Да тебя всю трясёт...

— Мне страшно, мне очень страшно! Но я боюсь, что никто не поверит!

Новосёлова вновь показалась в окне и позволила себе в него посмотреть. Всего на секунду, мимолётно, но этого хватило, чтобы женщина поднялась и направилась к выходу.

— Идём, расскажешь по пути.

На площадке было шумно. Ребята устроили веселые игры и, когда из интерната показались учительница с Машей, не думали прекращать.

— Иди к девочкам, — отстранённо кивнула Валентина Михайловна.

— Помогите... — одними губами попросила Иванова, и женщина кивнула. Рассказ потряс её, удивил, а главное — насторожил. Маша не могла врать, она напугана, встревожена, она едва не сбежала...

— Идём, ребята! Сегодня мы и так задержались! — выкрикнула учительница, стараясь придать голосу весёлость. Школьники нехотя прекратили игры и направились в поле.

Глава 7

15 июня 1979, пятница

В клубе неподалёку от интерната играла музыка и горел свет. Сквозь яблоневый сад и деревенские дома доносился сильный голос Пугачёвой:

Ах, Арлекино, Арлекино! Нужно быть смешным для всех Арлекино, Арлекино! Есть одна награда — смех!

Маша поспешно застегивала золотые серьги, которые ей подарили родители на пятнадцатилетие, и не вступала в разговоры девочек.

— Как жаль, что мальчишек нет, — расстраивалась Ириша Сидорова. Она надела нежно-жёлтое ситцевое платье, сандалии и всё время поправляла волосы.

— Да не ври, мальчишек ей не хватает, Васи тебе не хватает, а не других! — беззлобно поддела Лида. Она была в широких брюках-клёш и голубой блузке, но всё равно осталась

недовольна — её чёрный взгляд так и метался к Машиному тёмно-серому платью из крепдешина, в котором та выглядела почти как взрослая.

— Как будто тебе не хотелось бы с ним потанцевать!

— Может, и хотелось бы, но плакать не буду, если потанцую с другим!

Люда слушала весёлую болтовню и задумчиво гладила дешёвый кулончик в виде сердечка на шее. Её наряд почти не отличался от наряда одноклассниц — зеленое платьишко, неброские туфельки, видимо, старые мамины, никакой косметики, но вот Маша не давала ей покоя. Ясное дело — городская, дочь военного, внучка торгашки, хочет выпендриться, но неужели у неё нет ни капли совести?! Никто из деревенских не мог тягаться с ней в одежде, разве что она сама, Люда... Но ведь она не выделялась! Не надевала золотые серьги и цепочку, хорошие туфли и платье, и делала это из уважения к остальным. Она хорошо понимала, как девочки могут завидовать. Да и что это в этом хорошего — так сильно отличаться от других? Ещё, быть может, в плохие приключения в таком виде попадёшь...

— Наверное, сегодня придут выпускники, — продолжала беззаботно Ириша. Она наконец-то справилась с блестящими светлыми волосами и была готова идти.

— Вряд ли, они готовятся к экзаменам, — подтрунивала Лида. Ей нравилось видеть лёгкое переживание на лице подруги.

— Но кто-то же придёт!

— Ладно, пошли, проверим!

Вечер пятнадцатого июня выдался тёплым и тихим. Ни ветерка, ни облачка, лишь ночная синева напознала на небо. В траве стрекотали кузнечики, заливались соловьи в кустарниках, но на душе у Маши было беспокойно. Она изредка переглядывалась с Лидой, которая казалась безмятежной, и с тревогой посматривала на учительницу. Та шла впереди ватаги школьников и вела себя как обычно. Сегодня все ребята должны были разъехаться и разойтись домой, но из-за танцев решили отложить на завтра.

— Здорово, что Константин Петрович устроил вечер специально для нас! — радостно сказала Ириша, идя вприпрыжку.

— Ну завтра бы клуб открыли, а не сегодня, разницы никакой, — мрачно ответила комсорг.

— Ты чего такая грустная, Люд? Смотри, какой чудесный вечер, какие ароматы! — Сидорова шумно втянула воздух, в котором как-то отыскала запахи цветов, и обняла Новосёлову за плечи. — Развеселись!

Но девушка была неприступна.

Двухэтажное здание с пристройкой, откуда доносилась музыка, наполнилось людьми. Сельская молодёжь развлекалась внутри, и их счастливые лица то и дело мелькали в больших окнах. Школьники из лагеря оживились, зашумели, кто-то обогнал учительницу и первым вошёл в клуб. А кто-то, как Маша Иванова, задержался.

— Валентина Михайловна, — робко подошла она. — Вы же предупредите, если она снова придёт?

— Нам так и не удалось её встретить после нашего разговора, вряд ли и сегодня она появится, — с сомнением ответила та. — Но я посмотрю, не волнуясь.

— Не могу... Я и на танцы не особенно хотела...

Учительница улыбнулась и оглядела нарядную школьницу с длинной, аккуратно заплетённой косой.

— Ну разве что немного, — смутилась девушка.

— Беги, веселись! — отправила её Валентина Михайловна, которая заметила Игоря, что подходил с другой стороны дороги.

Маша пошла за девочками и оказалась в шумном и приятно душном клубе. Молодёжь самозабвенно танцевала, не обращая внимания на новенькую, и лишь через какое-то время девушка стала ощущать на себе взгляды. Она подпёрла стену, выкрашенную в грязно-розовый, и смотрела на виниловый проигрыватель, что стоял в уголке на стуле. Несколько парней, старше её лет на пять, пытались пригласить её на танец, но Маша решительно отказывала им в удовольствии.

В клуб зашёл Игорь Корзухин, в джинсах и рубашке с закрученными рукавами. Он оглядел толпу и быстро наткнулся на девушку. Та одиноко стояла у стены, красивая, печальная и притягательная. Парень тряхнул головой, поправляя чёлку, и двинулся к Маше.

— Привет? — робко улыбнулся он и встал рядом.

— Привет.

— Э-э... Мы давно не виделись, и я подумал, может, ты меня избегаешь?

— Я? — удивилась девушка и вспомнила, что каждый тихий час после побега к бабушке провела в разговорах с Валентиной Михайловной. — Нет. Просто была занята.

В клуб вошла учительница и внимательно осмотрела танцующих. Маша пересеклась с ней глазами и немного успокоилась — эта чудесная женщина пусть и не верит ей до конца, но согласилась помочь и теперь, вместо того, чтобы отдохнуть, следит за обстановкой.

— Потанцуем? — попросил Игорь и протянул руку. В клубе заиграла новая песня Пугачёвой. Мелодичная, грустная, до мурашек по коже, идеально подходящая для медленного танца.

Снова птицы в стаи собираются
Ждёт их за моря дорога дальняя
Яркое, весёлое,
зелёное
До свиданья, лето, до свидания!

Парень невесомо обнял девушку, и они вышли в центр зала. Она чувствовала, что он немного дрожит — нервничает, и улыбнулась.

Люда Новосёлова танцевала с молодым трактористом Петей, нагловатым, дерзким, но умеющим держать себя в руках, только в зелёных глазах так и прыгали чертенята. Но девушка не уделила ему и крупицу внимания, ведь в клуб явился сам председатель. Мужчина радостно улыбнулся, и ей показалось, что помещение ещё больше наполнилось светом. Константин Петрович перебросился парой фраз с Валентиной Михайловной и направился в маленькую комнату, где сидел завклубом, который отвечал за пластинки. Через какое-то время зашла и Галина Александровна. Точно тень она скользнула в толпу и растворилась.

— Может, давай подышим воздухом? — тихо спросил Игорь у Маши, и та кивнула.

Он взял её за руку, вызывая на щеках девушки румянец, и повёл через зал. Что-то неприятно знакомое коснулось тыльной стороны ладони Ивановой, и она повернула голову влево. Это секретарь колхоза оказалась рядом и ненароком дотронулась леденящей рукой. Женщина растянула улыбку, обнажая желтовато-коричневые зубы, и Маша шарахнулась к Игорю. Парень обрадовался и воспринял это как хороший знак, только вот у девушки внутри всё сжалось и застыло. Она отчаянно искала глазами учительницу и, когда нашла, рванула к ней.

— Она здесь... — сдавленно прошептала школьница и только потом обнаружила, что приволокла за собой ничего не понимающего парня.

— Игорёк, погуляй немного, — изменилась в лице женщина.

— Что-то случилось? — спросил племянник и тревожно посмотрел сперва на тётю, а затем на Машу.

— Нет, всё в порядке, но нам надо переговорить. Наедине.

— Ну ладно, — нехотя согласился парень и поплёлся на улицу.

— Она дотронулась до меня, когда мы шли сюда, — прошептала девочка учительнице, когда Игорь ушёл. — Специально!

— Что значит — дотронулась?

— Просто коснулась руки...

— Разве это преступление?

— Да она ледяная вся, как мертвец...

— Маша! — возмутилась Валентина Михайловна. — Ты что говоришь?!

— Я такого никогда не встречала... Да вы сами на неё посмотрите, она же какая-то... неживая!

В это время привычная музыка оборвалась и по клубу зазвучали бодрые ноты Рио-Риты. Из комнаты завклуба показался радостный и неотразимый Константин Петрович. Он отыскал глазами своего секретаря, склонил в ожидании голову, и через пару мгновений Галина Александровна послушно вплыла в его руки. Ребята расступились, удивлённые и снедаемые любопытством. А председатель и секретарь, заливаясь смехом, топали и выкидывали руки в пасадобле. Маша ошеломлённо открыла рот.

— Видишь, она совершенно обычная, — улыбнулась Валентина Михайловна и поправила очки.

Девушка не знала, что сказать. Едва она очнулась, как высокий председатель отпустил свою пожилую и до ужаса довольную партнёршу, и подошёл к растерянной Маше.

— Позвольте, милая барышня?

Люда Новосёлова теребила маленький кулончик на шее, а затем вдруг и со злобой сдёрнула его. Она рывком оправила простоватое платье, вскинула голову и стала следить за парой, что танцевала уже под современную музыку.

— Ты, кажется, Маша? — спросил председатель у более чем смущённой девушки.

— Да.

— Приехала к нам из Москвы?

— Да.

— Тебе у нас хорошо?

— Да.

— Да не бойся ты, — мужчина раскатисто рассмеялся, обнажая прекрасные белые зубы. — Скажи, чего в Аничкино не хватает?

— Всё хорошо.

— Да ты не думай, что я засланный казачок! — снова чему-то обрадовался Константин Петрович. — Мне бы хотелось, чтобы всем жилось хорошо! Ведь наш колхоз один из самых передовых, и, чтобы он оставался таковым, надо слушать глас народа!

— Я не знаю... Всё здесь хорошо... — Маша робела в его присутствии и не могла спокойно говорить. Каждую секунду она мечтала, чтобы всё закончилось и она смогла вернуться к Валентине Михайловне.

— Что ж, это радует! Значит, мы, руководство, всё делаем правильно! А чего бы хотелось лично тебе?

Девушка подняла на мужчину ошеломлённые глаза и почувствовала дурноту.

— Извините, но мне ничего не надо, — чуть смелее прежнего ответила она и попробовала отстраниться. Вопреки ожиданиям, его тёплые руки не держали, а совершенно легко и спокойно отпустили её. — Простите, у меня голова закружилась...

— Конечно, Машенька! Не смею задерживать! — охотно согласился он и окинул зал беглым взглядом в поисках новой партнёрши.

А девушка бросилась на улицу, позабыв о страшном секретаре колхоза. Маша зашла за угол, где никого не было, и прислонилась к холодному кирпичу. Сердце барабанило в груди, как бешеное... Что это на неё нашло?

— Маша! — неожиданно рядом раздался возмущённый голос.

Девочка повернулась и увидела мрачную Новосёлову. Она согнулась, обхватила себя руками, и решительно шла к ней.

— Как тебе не стыдно! — выдала Люда, как только остановилась напротив. Её глаза горели лихорадкой.

— Чего?

— Нацепила на себя непойми что! — комсорг ощутимо дёрнула Машу за золотую серёжку. — Ты выглядишь... отвратительно!

— Тебе-то что? — буркнула в ответ та и на всякий случай сделала шаг в сторону. Мало ли что ей в голову стукнуло... Чего доброго мочки оторвёт....

— Немедленно вернись в интернат и оденься по-человечески!

— Ты слишком много на себя берёшь! Я тебя не трогаю, и ты меня не трогай.

— Ты позор для нашего класса. Для всей школы... — прошипела Люда.

Маша покачала головой и направилась за клуб, чтобы спрятаться от въедливой одноклассницы.

— Ни стыда, ни совести у тебя! — крикнула вдогонку Новосёлова, но девушка не ответила и даже не повернулась.

Колхозный сад притаился почерневшей массой прямо за клубом. Небо накрыла синяя тьма, а половинка луны только начинала выползать на свободу. Машу трясло от раздражения, и она не сразу заметила уединившуюся пару между клубом и садом. По воздуху пронеслось характерное чавканье, и девочка покраснела до корней волос. Сперва она хотела скорее уйти, но сами звуки показались ей странными. Она преодолела себя и повернулась. Под небольшим козырьком застыли две тени. Никто из них не двигался, не говорил, не шелестел одеждой, они замерли как изваяния, и только мерзкие чавканья доносились с их стороны.

Луна медленно выплыла на небосвод и бросила ленивый свет на пару. Маша пригляделась. На коже поднялись волоски, и задрожали ноги. Галина Александровна прижала к стене Варю Киселёву и уткнулась ей в шею. Иванова бросилась к ним.

Женщина оторвалась от трапезы и резко повернулась на звук шагов. Окровавленный рот растянулся в жадной улыбке, а сухие руки-ветви потянулись к Маше. Но та схватила камень и продолжала наступать.

— Отпустите её, — потребовала девочка, но получилось как-то жалко.

— Тебе тоже понравится, ты и сама не знаешь, от чего отказываешься... — сладко запела секретарь.

Варя сползла по стене вниз и завалилась на бок. Маша с трудом оторвала от неё взгляд и только сейчас поняла, что осталась с кошмаром один на один.

Иссушенная женщина приближалась, скалясь и радуясь победе.

— Дай мне тебя попробовать... — просила она.

— Пошла вон! — попыталась закричать девочка и ощутила, как опускается рука с камнем. Нет, она не может ударить живого человека...

— Вот так, молодец, а теперь иди сюда...

Галина Александровна подобралась, перестала улыбаться и диким зверем прыгнула на Машу. Девочка вскрикнула и закрыла голову руками. Но через миг она поняла, что ничего не произошло, а ужасная женщина оказалась позади.

— Что это у тебя там болтается?.. — озадаченно проговорила Галина Александровна. — Дашь посмотреть?

Девушка и забыла, что на шее у неё висел серебряный крестик от бабушки.

— Нет, не дам! — Маша почувствовала уверенность и на пробу шагнула к женщине. Та испуганно и ожидаемо отпрянула. — Вошла вон! Нечисть!

— Маша, ты здесь? — послышался обеспокоенный голос Валентины Михайловны.

— Да, я тут! — радостно воскликнула та, а Галина Александровна бесшумно скакнула во мрак колхозного сада.

— Что случилось? — учительница бежала вдоль здания клуба.

— Не знаю, но она что-то с ней сделала...

Маша наклонилась над Варей, и та тихонько застонала.

— У неё кровь... — с ужасом прошептала девочка.

Валентина Михайловна добежала, бросилась на колени и потрепала лежащую ученицу за щёки.

— Варя, Варенька, очнись, — говорила женщина, а затем обратилась к Маше: — Что тут произошло?

— Точно не знаю, вернее, понимаю, но сказать такое...

— Говори!

— Вы верите во всякую нечисть?

— Что за глупости?! — воскликнула учительница и поправила съехавшие очки.

— Посмотрите на это...

Дрожащей рукой Маша стёрла капли крови с шеи Вари, и на коже показались два маленьких тонких прокола. Тогда она несмело спросила:

— Вы читали Брэма Стокера?

Женщина молчала. Она неотрывно смотрела на лежащую девочку, которая медленно приходила в себя.

— Читали?..

— Ты говоришь о Дракуле?

— Да, о нём...

— Но это же вымысел! — не поверила учительница и попыталась поднять Варю. Та капризно замычала. — Помоги мне! Нужно отвести её в интернат!

— В интернат?! — неожиданно очнулась Киселёва и сама, без посторонней помощи, поднялась на ноги. — Ой! Валентина Михайловна? А вы чего тут?

Маша и учительница ошалело смотрели на бодрую и весёлую школьницу.

— Я, наверное, задремала! Сегодня на поле очень вымоталась! Мне такой сон чудесный снился!

— Ты хорошо себя чувствуешь? — спросила женщина, не веря, что всё это происходит на самом деле.

— Да, простите, понимаю, тут нельзя спать, но я почему-то уснула... Я пойду к девчонкам?

— Ты больше не хочешь спать?

— Неа!

— Хорошо, иди...

Варя Киселёва, рыжая, полненькая и счастливая поскакала в клуб, будто ничего не произошло. Маша и Валентина Михайловна тупо смотрели друг на друга, пока вторая тихо не спросила:

— Я не сошла с ума?

— Кажется, нет...

— Это не розыгрыш? Может, вы решили надо мной подшутить?

— Да нет же, всё по-настоящему! — девушка шагнула ближе — рядом было гораздо комфортнее, ведь нечисть в лице Галины Александровны могла оказаться за соседней яблоней.

— Что там было у Стокера? Осинный кол?

— Не помню... Но я точно знаю, что кресты она не любит... — Маша вытянула из-за воротника крестик и показала учительнице.

— Значит, нам нужен поп... Или батюшка... Кто там этим занимается? — соображала вслух Валентина Михайловна.

— Вам нужен крестик... Тогда вы в безопасности...

— Но на всех крестики не повесишь.

— Не повесишь, — согласилась Маша.

— Идём, я подумаю, что можно сделать.

Они поспешно вернулись в клуб, где гуляла и веселилась молодёжь, но в отличие от неё учительница и ученица ощущали холодную жуть. Зайдя в душный зал, взгляд Маши как-то сразу бросился на Константина Петровича. Тот улыбался чарующей улыбкой и совершенно заморозил Новосёлову. Она не скрывала своего счастья и с удовольствием танцевала с председателем — зеленое платье так и металось в толпе. «Добилась своего» — зло подумала Маша, но быстро осадилась. Если Галина Александровна — вампир, то Константин Петрович может быть её жертвой, а может... он делает вид, что ничего не знает? Вдруг он покрывает её? Тогда и Новосёлова в опасности!

Девочка долго смотрела на Люду, и внезапно та взглянула на неё в ответ — надменно, торжествующе. Нет, объяснять комсоргу, чтобы та была осторожна, бесполезно. Она же всегда права и всё знает лучше всех.

— Маша... — послышался тихий шелест голоса, и бледная учительница оказалась рядом. — Не втягивай в это Игоря... Пожалуйста... Я знаю, вы подружились, но... Если всё это правда и секретарь действительно пила кровь... Я не прощу себе...

Девушка печально кивнула. Ей нравился молодой человек, она даже решила, что могла бы с ним подружиться или немного больше, но перепуганное лицо Валентины Михайловны перечеркнуло даже самые невинные мысли.

— Нам надо что-то с этим делать, — продолжила учительница. — Но мне понадобится вся твоя помощь.

— Конечно!

— Вряд ли нам кто-то поверит, Варя ничего не помнит, мы вдвоём...

— Втроём, на самом деле...

— Ах да, забыла про Лиду, но... она не в курсе, с чем вы тогда столкнулись.

— Надо рассказать ей про сегодняшний день. Чем больше нас будет, тем лучше? — с надеждой спросила Маша, и учительница грустно улыбнулась. Девочка мгновенно всё поняла.

— Конечно, сейчас не время читать морали, но... Теперь ты понимаешь, что одиночка в поле не воин? — мягко спросила Валентина Михайловна и аккуратно поправила круглые очки. — И что иногда нужно быть чуточку гибче?

— Наверное, начинаю понимать... — нехотя признала Иванова.

Глава 8

18 июня 1979, понедельник

Шустрые облака катили по небу свои пузатые серые тушки. Маша дергала ненавистные сорняки, от которых позеленели пальцы и почернело под ногтями, и часто поглядывала на Варю. Та выглядела как обычно, говорила как всегда, шла в том же темпе. Ничто не выдавало происшествия у клуба, и если бы не озабоченность Валентины Михайловны, Маша подумала бы, что ей всё приснилось. Суббота и часть воскресения, что она провела у бабушки, Аграфены Степановны, притупили эмоции, но не стёрли воспоминания. И они терзали её похлеще навязчивых мыслей. А ещё замучила внезапная тоска... Игорь Корзухин так и не появился. Да, она понимала, что между ними должны быть разорваны отношения, для его же безопасности, но ведь она-то сперва должна ему об этом сообщить. А он всё не приходил и не приходил...

— И пошла! И пошла! От бедра! — развязно заржала Верка Исаева, и Маша оторвалась от работы.

Лида Козичева что-то рыкнула в ответ хулиганке и направилась вдоль грядок, изредка пошатываясь от того, что не туда наступала. Вскоре она остановилась около Маши, что тащилась позади всех, села на корточки и стала дёргать сорняки.

— Я всё думала о том, что ты мне рассказала, — тихо начала Лида. — Это же какой-то бред...

— Тогда зачем ты крестик надела? — невозмутимо спросила девочка, давно заметив на шее одноклассницы чёрную нить.

— На всякий случай... — нахмурилась та.

— Но ты же не веришь.

— Маш! Хватит! — разозлилась Лида и бросила травинку девушке под руки. Та спокойно убрала сорняк и улыбнулась. Теперь их было трое. А трое — уже сила!

— Нам надо раздобыть осиновый кол...

— Надо убедиться, что она точно вампир.

— Вари тебе не достаточно?

— Я этого не видела.

— Спроси у Валентины Михайловны.

— Она подошла уже после всего и тоже не может быть уверена, — не соглашалась Лида.

— Тогда снимай крестик! — потребовала одноклассница и встала. Ноги и спина ныли от усталости, и девочка немного размялась.

— Всё равно... Прежде чем вгонять кол в живого человека, надо убедиться...

— Что он не живой. Может, ещё раз ночью сходим посмотреть на бешеного быка? — в шутку предложила Маша и получила в ответ красноречивый взгляд чёрных глаз.

— Почему она не смогла войти в шалаш?

— Может, он из осины?

— Это вряд ли... Ребята натащили досок откуда попало.

— А как ты вообще узнала, что там есть шалаш? — вспомнила Маша вопрос, который уже давно хотела задать.

— Да я с ними его и строила... — призналась Лида.

— Не ожидала...

— С мальчишками легче общаться. Им всё равно... Ну... Ты понимаешь.

— Мне тоже всё равно, — серьёзно сказала Маша, и девочки встретились взглядами.

— Это же тупость, правда, дразнить человека за то, как он родился? — деланно спокойным голосом спросила Лида.

— А ещё тупость ненавидеть за то, что кто-то родился в городе и привык к другой жизни.

— Я никогда тебя не ненавидела.

— Но не упускала возможности задеть.

— Да мимо тебя просто невозможно пройти! — развеселилась Лида. — Маш, ну ты правда фифа. Это я не буду, то не хочу, это — дикость, то — глупость! Сережечки у меня золотые, платьишко новенькое, на вашем старье я спать не собираюсь! — беззлобно передразнила она.

— Хватит, — улыбнулась девочка. — Я никого не хотела обижать, но для меня здесь всё чужое и непривычное. И если у меня есть свои вещи, почему я не могу ими воспользоваться? Я и не думала, что это кого-то может задеть. Честно.

Школьницы немного помолчали, а затем Лида вдруг вытянула грязную руку вперёд.

— Что это? — не поняла Маша и ошеломлённо посмотрела на забитые пылью линии ладошки.

— Это я предлагаю тебе дружбу.

— Не врёшь?

— Нет. Честно!

Иванова несмело протянула руку в ответ и пожала крепкую сухую ладонь одноклассницы.

— Ты никого не задеваешь, просто ты на нас не похожа, — когда с договором было покончено, легко заговорила Лида. — Мы привыкли, что всё по-простому, без закидонов, и какие-то вещи в тебе кажутся нам странными.

— Но вас много, а я — одна...

— Больше нет. А на Люду не обращай внимания. Ей просто значок на грудь давит.

Девочки посмотрели на комсорга в тёмных штанах и футболке.

— Так-то она хорошая, добрая, ей главное не перечить и соглашаться. Тогда она и отстанет. А ты на рожон лезешь. Тебе как будто так и надо что-то ей поперёк сказать! — продолжила Лида.

— Она сама не отстаёт от меня...

— Если бы ты позволила ей помочь тебе, ну, тогда, когда пришла в класс, то была бы для неё ближайшей подругой.

— Но мне не нужна помощь! Почему я должна принимать её просто потому, что кому-

то этого хочется?!

Лида дерзко улыбнулась и очень тихо сказала:

— А ты думаешь, я её во всём слушаюсь и делаю, как она говорит? Я просто не спорю, не иду наперекор, а когда что-то из ряда вон — так и быть, с ней заодно, но во всём остальном... — она многозначительно улыбнулась, и чертенята в глазах запрыгали от удовольствия. — Вот она и не смотрит за мной.

— Ты отличница и комсомолка, понятное дело, что не смотрит, а я?

— Так тоже попробуй стать.

— Мне этого не хочется...

— Ириша тоже не отличница и не комсомолка, но у неё прекрасные отношения с Людой. Задумайся, — подмигнула девочка. — Если отец не заберёт тебя летом, тебе с ней ещё год учиться.

— Я не собираюсь под неё прогибаться, — непоколебимо ответила Маша.

— Хорошо. Будь у неё как бельмо на глазу, — усмехнулась Лида. — Хотя, ты и так у неё на особом счету. После пятницы.

— Почему после пятницы? — прозвучал вопрос, хотя образ красивого председателя уже промелькнул в голове.

— А ты подумай.

— Да он же мне в отцы годится!

— И ей тоже. Но что это меняет?

— Это мерзко, Лида, давай не будем об этом.

— Давай.

Несколько минут девочки пололи свёклу, но Маша всё-таки не выдержала:

— Да я вообще не хотела танцевать с ним! Как-то само собой вышло!

— Ага.

— И потом, он же не только со мной танцевал!

— Да, с нашей недовампиршей тоже.

— Да, и с ней! И с другими девочками наверняка! Я просто не видела...

— Ага. И я не видела. Видела только вампиршу, тебя и Новосёлову. А из клуба я не выходила.

— Всё, давай не будем об этом, — взволнованно попросила Маша.

— Так ты сама продолжила.

— Всё, больше не буду.

— Кстати, о Константине Петровиче, — что-то вспомнила Лида.

— Ты опять?

— Нет, послушай. Он разрешил Люде задерживаться здесь хоть до ночи.

— Но ведь Валентина Михайловна запретила...

— Он председатель, и если он разрешил, а Люда хочет сама, то кто её остановит?

— Это ты к чему ведёшь? — с подозрением посмотрела Маша на одноклассницу.

— К тому, что теперь мы пашем ещё больше...

— Ты собираешься слушаться её?!

— А ты хочешь скандала? Она тебе его быстро устроит!

— Ли-ида-а, — пыталась втолковать Маша, — в Аничкино завёлся вампир! Какие могут быть работы до вечера? А вдруг Галина Александровна караулит нас... — девушка не договорила, как недавнее воспоминание обожгло её внутренний взор. — Я видела её, когда

мы ходили на Звонарёвку! В прошлый понедельник! Она пряталась в рогозе!

— Где?

— Да в камышах, в камышах она была! — нетерпеливо исправилась Маша. Если она хочет, чтобы её поняли, нужно говорить на их языке. Пусть и не совсем правильном...

— И что она делала?

— Просто стояла и смотрела! Я ещё тогда удивилась, зачем она здесь. А она — жертву выбирала... — догадалась девочка, и её кожа покрылась мурашками.

— Тогда мы просто обязаны остаться с Людой.

— Чтобы защищать?

— Да, — твёрдо ответила Лида.

— Тогда кто и когда будет делать осиновый кол?

— Мы же ещё не решили, как поступим...

— А что тут решать? Она нечисть, а с нечистью — разговор короткий! — воинственно заявила Маша.

— Впервые вижу тебя в таком духе, — удивилась подруга. — И тебе не страшно? Всё-таки, это убийство... Да и вообще, я лично не хочу видеть, как умирает человек... Пусть даже не совсем человек... Хотя непонятно. Может, вампир — всё-таки человек?

Пока одноклассница рассуждала, что же такое вампир, на основании всех имеющихся знаний, а их у неё было немного, Маша притихла. Она отчётливо вспомнила день, когда маме стало плохо. Они остались дома вдвоём, а папа пошёл за покупками. Сперва женщина ушла в комнату и прилегла, убеждая дочь, что всё в порядке, что сейчас её отпустит, но девочка почему-то не поверила. Она притащила с кухни табурет и опустилась на него рядом с диваном. За окном шумела метель и завывал ветер. Дыхание мамы стало тяжелым, она села, сильно вытянув плечи. Затем она попросила Машу уйти, но девочка вцепилась руками в стул и не двинулась с места. Тогда-то и началось страшное... Губы сердечницы посинели, глаза бешено заметались из угла в угол... Маша в ужасе застыла...

— По идее — она всё-таки человек, ведь она же не родилась вампиром... — донеслось откуда-то издали размышление Лиды. — Или родилась? Вот бы узнать, откуда они берутся...

Мама упала с дивана при попытке встать, а дочь бросилась к ней. Хрупкая пятнадцатилетняя девочка не смогла поднять самого дорого человека и ощутила невозможную беспомощность. Тогда она стала панически тормозить женщину, звать, умолять подняться, но та как рыба хватала губами воздух, а потом затихла. Оглушительная тишина навалилась на барабанные перепонки девочки и сдавила их так сильно, что закружилась голова. Маша оцепенела. Она понимала и не понимала одновременно, впиалась в спину мамы пальцами и не хотела отпускать даже тогда, когда пришёл отец... Да, она тоже не хотела видеть смерть, но видела её.

— Маш... Маш... — Лида дёрнула одноклассницу за рукав и с беспокойством заглядывала в лицо. Кое-кто из других школьников тоже обратил на них внимание. — Ты чего? Ну хорошо, давай сделаем, как ты скажешь... Только не плачь...

— Не плачь? — очнулась девочка. Она ощутила, как по щеке скатилась слеза, и поспешно её вытерла.

— Что я такого сказала? — растерялась Лида.

— Ничего. Давай полоть.

— Вампир — это противоестественно, и я согласна, что его надо уничтожить, пока он

не убил всех нас. Правда, Варя жива и, кажется, не вампир...

— Сегодня поговорим с Валентиной Михайловной. Там всё и решим.

— Хорошо.

Девочки пололи до самого вечера и больше не поднимали никаких тем. Когда учительница всех похвалила и объявила, что пора ужинать, Люда не двинулась с места. Она не подняла головы, не повернулась, а так и продолжала сидеть на корточках и дёргать траву.

— Я всё-таки останусь с ней, — шепнула Лида. — Она же ничего не знает. Нечестно бросать её одну... Если что-то случится, никто ей не поможет.

— Да, ты права, — согласилась Маша.

— А ты мне потом расскажи, что вы решите с Валентиной Михайловной.

— Обязательно!

Решительным шагом Лида пошла навстречу одноклассникам. Те смотрели на неё с лёгким превосходством, но кое-кто — с жалостью. Конечно, они-то идут на заслуженный отдых, да ещё и поедят вдоволь, а ей теперь торчать с неугомонным комсоргом до самой темноты! Почему-то в этом большинство ребят не сомневалось. Девочка добралась до Людмилы, которая явно устала, но старалась не показывать вида, села у соседней гряды и принялась помогать.

— Иди, отдыхай, Лида, — прозвучало неожиданное разрешение.

— Да нет, я поддержу тебя.

— Спасибо, — Люда продолжала дёргать сорняки и, не глядя на одноклассницу, спросила: — Почему вы с Машей пожали друг другу руки?

Лида на миг застыла, а потом с полным убеждением в голосе произнесла:

— Мы с ней поспорили, что я прополю больше.

— Уже никто не соревнуется. Всем всё равно.

— Ну а мы решили поспорить.

— Это правда?

— Ну конечно правда! — не задумываясь, солгала девочка.

— А мне показалось, вы о чём-то договорились.

— О чём я могу договориться с этой городской? — фыркнула Лида и случайно выдернула маленькую свёклу.

— Не знаю. Но, надеюсь, ни о чём плохом.

Новосёлова не поверила в спор и ясно дала это понять. Больше она не заговаривала с одноклассницей, и как бы та ни пыталась развеять гнетущую атмосферу, настроение Люды не рассвело.

Глава 9

Июньский вечер медленно раскрашивал мир в золотистые краски. Оранжевое небо степенно скрывалось за ржавыми облаками, а солнце сочилось сквозь листву рассеянным светом. Маша перебирала в тумбочке немногочисленные вещи и изредка поглядывала на безмятежный сад. Там, за бархатистой листвой яблонь, прятался ночной кошмар, иссушенный, холодный, неживой. Девочка с нетерпением ждала, когда Валентина Михайловна завершит дела и позовёт её на важный разговор. Учительница умная, толковая, она точно справится с вампиршей. Почему-то Маша не сомневалась в этом и совершенно не задумывалась: а что может предпринять обыкновенная женщина, которая учит детей

литературе и даже не охотится?..

По коридору разнёсся громкий стук каблуков, и девушка захлопнула тумбочку. Она поспешно выпрямилась у кровати, бросила взгляд на плакат с Лениным, а затем на дверь. Вскоре показалась напряжённая Валентина Михайловна. Она беспокойно пригладила юбку и прошла в комнату.

— Девочек ещё нет? — спросила учительница, оглядывая помещение.

— Нет.

— Маша, вот что, — нерешительно начала она. — Нам нужно убедиться, что всё происходящее мы понимаем правильно.

— А как же по-другому понимать?

— В мире полно аномалий, которые не до конца изучены... Я говорю о психических заболеваниях, — пояснила она, когда девочка ошеломлённо захлопала глазами.

— Но она же по деревьям прыгает! Пьёт кровь!

— Во время приступов люди и не такое вытворяют. Я читала об этом... Как раз на выходных.

— Нет! Она точно вампир!

— Маша, — женщина прошла в глубь комнаты и села на скрипучую кровать. Она поманила девочку, и та нехотя опустилась рядом. — Вампиры, всё-таки, вымысел, а вот психопаты — явление вполне реальное.

— Она боится креста! Она не напала на меня только из-за него!

— Возможно, ей показалось, что у тебя нож или...

Маша с чувством дёрнула нитку на шее, и серебряный крестик взметнулся в воздухе красноречивым доказательством.

— Он слишком маленький, чтобы она вообще смогла его увидеть в темноте! И я не доставала его, как сейчас!

Валентина Михайловна вздохнула и поправила очки. Было видно, что внутри неё происходит нешуточная борьба.

— Ты поговорила с Игорем? — внезапно перевела тему женщина.

— Если Галина Александровна не вампир, то зачем мне отваживать его?

— С её головой явно не всё в порядке. Она представляет угрозу, поэтому, Маша, я очень тебя прошу... Брат мне этого не простит. Мы и так с ним редко видимся... Да и за Игоря я очень боюсь.

— А за остальных вы не боитесь?! — возмутилась девочка.

— Маша! Сбавь тон! — строго проговорила Валентина Михайловна, но сразу смягчилась. — Хорошо, — добавила она после некоторой паузы. — Я предполагала, что ты будешь упираться, поэтому решила отвести тебя к Матрёне Петровне. Чтобы она развеяла твои опасения.

— Это кто?

— Вечером узнаешь, — отвела взгляд учительница. — Это единственное, что я сейчас могу сделать.

— Когда мы пойдём?

— Как только вернутся девочки. Оставлю Люду за старшую. Зайди ко мне, когда они придут.

Валентина Михайловна ушла, оставляя ученицу в неприятном смятении. Ещё несколько минут назад Маша с воодушевлением ждала разговора, а теперь внутри точно прошёлся

ураган. И почему все эти взрослые всегда пытаются втолкнуть любые события в рамки объяснимого? Почему даже на секунду они не могут допустить, что реальный мир гораздо сложнее того привычного, который все они усиленно поддерживают? Почему как только что-то не укладывается в общепринятые понятия, его сразу надо оттолкнуть, отвергнуть или накрутить до того глупые объяснения, что становится ещё хуже? Это неправильно, так быть не должно. Сколько всего можно было бы улучшить, если бы какой-нибудь взрослый подумал и сказал: «А что, если...»

Маша твёрдо решила — если Валентина Михайловна не будет участвовать в уничтожении опасной вампирши, они с Лидой справятся вдвоём. Ведь теперь они друзья, настоящие, верные, и у них есть тайное и очень важное дело, от которого зависят все жизни села Аничкино.

Через полчаса девочка услышала голоса Люды и Ириши — последняя тоже осталась помогать, — и поднялась с кровати. Сердце часто забило от предвкушения встречи с Матрёной Петровной. Кто она и почему Валентина Михайловна хочет отвести к ней, чтобы доказать Машину неправоту?

Уставшая, но гордая Новосёлова вошла в комнату победоносным шагом и сразу зыркнула на одноклассницу:

— Тебе должно быть стыдно, что ты бросила своих.

— Где бросила? — мрачно отозвалась та, готовая дать отпор.

— Считай, на фронте.

— Не знала, что у нас война.

— Да, Маша, каждый день идёт война за трудолюбие и совесть, и ты в ней уверенно проигрываешь.

— Это ты так думаешь.

— Я не думаю, я — знаю, — поучительно вскинула брови Люда, и одноклассница едва удержалась, чтобы не броситься на обидчицу с кулаками.

— Я устала и больше не могу полоть. Меня за это теперь расстрелять?

— Подвиг невозможен без жертвы! — тут же парировала комсорг и стала переодеваться, рано празднуя победу.

— А я не собираюсь быть героем. Все герои умирают, разве ты не знала?

Лида покачала головой и многозначительно посмотрела на Машу. Та быстро вспомнила их разговор и, пока Людмила задыхалась от возмущения, которое мешало ей быстро подобрать слова, поспешно сказала:

— Не буду мешать вашему заслуженному отдыху!

Маша летела по коридору, чувствуя, как от злости в ушах бухает сердце. Она и не думала, что жизнь в одной комнате с Новосёловой превратится в арену. За полгода, что они вместе проучились в одном классе, Люда не успела раскрыть свой характер во всей красе, и кто же знал, что отыграется она именно здесь...

— Валентина Михайловна? — постучала Маша в дверь, и через пару мгновений та отворилась, будто учительница стояла неподалёку в полной боевой готовности.

— Сейчас предупрежу Люду и идём.

— Я вас на улице подожду.

Девочка вышла на крыльцо интерната. Мягкие тени уже начали опускаться на село, а ветер приобрёл нежную прохладу. Колхозный сад напротив не выглядел опасно, но при взгляде на него Маша ощутила, как страх сковывает тело.

— Пошли, — произнесла учительница над ухом и спустилась по ступеням.

На другой стороне деревни на отшибе стояла небольшая избушка. Её стены слегка покосились, крыша уехала, а по бокам двери зияли огромные щели. Но в окнах изнутри виднелись свежие беленькие занавески, которые отпугивали невзрачность и дряхлость и придавали дому жилой вид.

— Матрёна Петровна, — негромко постучала учительница.

— Да-да, иду-иду, — послышался голос из недр избы. — Здравствуйте, проходите.

На пороге показалась маленькая и очень старая женщина, но глаза у неё были до того живые и до того сияли ясностью, что груз прожитых лет казался чужеродной оболочкой.

Гости прошли в дом. Обстановка была донельзя простая, так что Маше показалось — она попала в Древнюю Русь. Стены — брёвна, красный уголок, деревянный стол и лавки, русская печь, на которой сверху лежали одеяла, и те самые белые занавески в дырявый узор.

— Садитесь-садитесь, ко мне нечасто заходят, поэтому я рада каждому гостю, — тепло улыбнулась старушка.

— Матрёна Петровна, — несколько смущённо начала учительница и потупилась, — с вами мы знакомы давно, а вот это Маша Иванова. Она к нам приехала зимой.

— Здравствуй, Маша, девонька, не чурайся, садись, — подбодрила хозяйка.

Девочка покорно опустилась на лавку и стала ждать.

— Пожалуйста, расскажите нам о нечисти. С религиозной точки зрения... — попросила Валентина Михайловна и почему-то нахмурилась.

— А зачем тебе, милья? — старушка застыла и впиалась в женщину взглядом, по глубине с которым мог соревноваться только космос.

— Видите ли, у нас тут вышел небольшой спор... Маша думает, что нечисть могла когда-то существовать и...

— Какая нечисть вас интересует?

Валентина Михайловна изумлённо открыла рот.

— Вампиры, — ответила за неё девочка.

— Ах, кровопийцы эти, упыри... Да чего о них рассказывать? Были да сгинули.

— В смысле? — медленно спросила учительница.

— Мой муж, царствие ему небесное, едва успел кровососа того загубить. А как загубил, так церковь нашу и сломали... Только с Божией помощью управился! — старушка повернулась к красному уголку и перекрестилась.

— Ваш муж убивал вампиров?.. — не удержалась Маша и от переживаний вцепилась пальцами в лавку.

— Да, а то кого ж? Пиявцы-то, они совсем не вампиры, они, почитай, как люди, только приказы его выполняют.

— Чьи приказы? — совершенно обомлела Валентина Михайловна.

— Стратилата. Он главная нечисть! Он — голова всему!

— Я же говорила вам! Я говорила! — взволнованно затараторила девочка. — Галина Александровна — вампир! Она кровь у Вари пила! Я видела! И крестика моего она боится!

— Маша! Ты что! Простите, Матрёна Петровна...

— Кто-кто, говоришь? — ухватилась старушка за поспешные слова, внимательно смотря на юную гостью.

— Секретарь колхоза!

— Быть не может такого! Мой Миша убил стратилата! Как сейчас помню! Я ж помогала

ему!

— Ваш муж был охотником на вампиров? — горячо спросила Маша.

— Нет-нет, какой охотник, батюшка он был, крестил, хоронил, грехи отпускал. Один был на всю деревню, а потом, в семнадцатом году пришли и сломали нашу церковь...

— Расскажите, как убить вампира?

— Э-нет, девонька, это не так-то просто.

— Пожалуйста, расскажите!

— А что там рассказывать... Осиновый кол да огонь нужен!

— В сердце? — затаив дыхание, спросила Маша.

— Туда, милья, туда. Но добраться до стратилата трудно. Хитёр, как лиса, и силён, как медведь! Тебе с ним не совладать...

— А пиявцы? Может, сначала их?

— Ты что! — разозлилась старушка и сдержанно стукнула ладонью по столу. — Пиявцы — люди, которых укусил стратилат! Они кровь у других сосут и ему приносят! А он — в тени, чтоб никто не прознал! Убьёшь пиявца — так стратилат нового обратит и так и будет!

— Подождите, — взволнованно попросила учительница и встала, — вы сейчас серьёзно? Или шутите?

— Серьёзней некуда, милья, — ответила старушка.

— Нет, не верю! Это какие-то сказки!

— Не верь, — легко согласилась Матрёна Петровна. — Только крестик-то раздобудь, хорошая моя, так, на всякий случай. Да у меня заваялся один... Сейчас дам...

Хозяйка зашла за печку и стала за ней рыться. А Маша и Валентина Михайловна молчаливо смотрели друг на друга.

— На, ладная моя, на, — старушка вышла и протянула почерневший маленький крестик.

— Если я его приму, значит, во всё это верю... — отрицательно помотала головой учительница.

— Вот ты, лапушка моя, из дома пойдешь, а солнце-то уже село, чай пиявцы уже повыползали, и слава Богу, если у них есть тушки, они их призовут и крови-то насосутся, а коли нет? Чаво они делать-то будут? Тебя кусать, милья, — совершенно обыденным голосом сказала Матрёна Петровна. — На-ка, возьми.

Учительница нехотя приняла подарок и долго крутила его в ладонях, пока шёл разговор.

— Значит, получается так, — взяла слово посерьёзневшая Маша. — Есть стратилат, он главный, он кусает людей и делает из них пиявцев, те ходят и сосут кровь у тушек, а потом отдают ему? И никто не умирает?

— Умирает, девонька, ещё как умирает, — печально вздохнула старушка. — В свою луну стратилат испивает пиявца до последней капли! И вот тогда-то смерть по пятам ходит... Только никто не знает, как она случится и когда. Но больше года они не живут.

— В свою луну?

— Вот какая луна была на небе, когда человек стратилатом стал, в ту луну и испивает. Иначе подохнет!

— То есть, не только осиновый кол да огонь?

— Да. Но изловить-то его трудно... Силища в нём немереная течёт... И чем старше — тем сильнее.

— Значит, Галина Александровна может быть и пиявцем?

— Пиявицей, да. Разобраться надо, девонька...

— А если убить стратилата, что будет с пивцами?

— Болеть будут сильно, а потом ничего, отпустит их... Как и прежде заживут — людьми.

— Откуда вы об этом знаете? — настороженно спросила Валентина Михайловна и постаралась заглушить страх.

— У Миши книга старая была... Как-то хитро называл её... Икну... Ибнук...

— Инкунабула? — подсказала учительница.

— Да-да, она самая! И вот там-то и было всё про упырей расписано... Если б не она, не сдюжил бы...

— А где эта книга? — спросила Маша.

— Сгинула, девонька... Не успел Миша из церкви-то её вынести... — расстроено покачала головой старушка. — Ох... Про святую воду-то не рассказала! Вот её, её, родимую нечисть-то ещё боится!

— А солнечного света?

— И его! Его тоже! Ох, старая стала, голова дырявая!

— Но Галина Александровна его не боится...

— Обереги они делают. Что-то красное надевают да звезду свою дьявольскую рисуют... Может, и ещё чаво было... Не упомяну всё!

Валентина Михайловна потрясённо смотрела на старушку, кажется, не моргая. Когда та закончила рассказывать, женщина встала и натянуто улыбнулась:

— Спасибо вам, Матрёна Петровна, мы пойдём.

— Да погодите, погодите вы! — засуетилась та. Она зашаркала к печке, исчезла за ней и вскоре достала трёхлитровую банку с водой. — Возьмите! Она вам понадобится.

— Что это?

— Как это что, милья, водичка святая! Она вам поможет и защититься и всё узнать.

Пока учительница боролась с собой, Маша подскочила к хозяйке дома и с благодарностью на лице приняла банку.

— Спасибо большое, Матрёна Петровна! — заговорила девочка. — Если вдруг что, можно мы к вам снова зайдём?

— Заходите-захотите, девонька, всегда буду рада! — расплылась в искренней улыбке старушка.

Тепло попрощавшись, учительница и ученица покинули избу. Небо заплывало синей ночной тьмой, и во многих домах загорелись жёлтым окна. Просёлочная дорога, вся в больших и малых выбоинах, уводила в глубину деревни. Где-то протяжно завывла собака, и спустя немного времени разлетелся яростный ответный лай.

— Валентина Михайловна... — прошептала Маша, и женщина вздрогнула. — Мы ведь не оставим всё, как есть?

— Не знаю, что сказать...

— Но вы же сами всё слышали. И видели...

— Если всё это правда, в любом случае неясно, как лучше поступить.

— Нужно сделать осиновые колы, приманить её и... — девочка замолчала. Она так долго считала злом Галину Александровну, что едва не забыла о рассказе Матрёны Петровны. — Она же стратилат?

— Не знаю, Маша. Я уже ничего не знаю!

— В Аничкино завелась нечисть. Каждый месяц она будет убивать по одному человеку,

а мы ничего не предпримем?

— Надо предпринять, — согласилась учительница, — но что?

— Давайте проследим за Галиной Александровной?

— Как? — совершенно потерянно ответила женщина. Ей удалось со многим справиться в жизни, но это потрясение не хотело уживаться в голове.

— Я всё расскажу Лиде, и мы установим дежурство. Да, ещё надо проверить Варю. Если Варя не стала пиявицей, значит, Галина Александровна — не стратилат...

— А всего лишь его жертва...

Они приближались к интернату, у которого было подозрительно тихо. Обычно перед сном тот гудел и жужжал, но сегодня смолк в гуще колхозного сада. Не успели Валентина Михайловна и Маша подняться по ступеням, как на крыльце появилась Новосёлова. Она внимательно всмотрелась в их тревожные лица и отрапортовала:

— Я объявила отбой немного раньше. Сегодня все устали и с этим не было хлопот.

— Хорошо, Люда, спасибо, — с некоторой небрежностью проговорила учительница и направилась в свою комнату.

— Где вы были? — не удержалась комсорг.

— Там нас больше нет.

— Я всё равно узнаю.

— Зачем тебе это?

— Я должна знать, чем занимается отрицательный элемент нашего дружного коллектива!

Маша покачала головой и не ответила. Спорить с Людой не хватало сил — все они уходили на трудные размышления о том, как изобличить стратилата и самой не оказаться по ту сторону жизни.

Глава 10

19 июня 1979, вторник

Люда Новосёлова старалась не смотреть, с какой радостью школьники убегают с поля на ужин. Каждый день она наблюдала кислые мины, что тащились ранним утром сперва в столовую, а затем на свёклу. Нет, правды ради, среди них были и спокойные лица — те, кто понимал, какое важное и достойное делается дело. Но девушка всё равно ощущала недовольство. Слишком мало трудолюбивых и ответственных ребят. Всем лишь бы мяч погонять, сходить на рыбалку, на свидание, на танцы, развести костёр вечером, а как коснись чего важного — так все и разбежались. Как будто никому нет дела, в каком будущем они собираются жить! О каком социалистическом обществе идёт разговор, если такие, как Маша Иванова, подстрекают остальных бунтовать?! Да и против чего бунтовать? Против собственного счастья! Они-то, глупцы, не понимают, в чём оно заключается, а слушать никого не хотят!

Глаза Люды заволочло туманом слёз. Она оторвалась от монотонной работы, которая снилась ей по ночам, и оглядела широкое поле. Приличная часть его, но далеко не вся, уже была прополота, и на грядках зеленели весёлые кустики свёклы. Темнота опустилась незаметно, и девочка удивлённо села в междурядье. Сейчас она остро ощущало одиночество, и это глодало её вместе с несбыточными мечтами об идеальной жизни.

— Здравствуй, дорогая работница! — прозвучал радостный голос позади, и от

неожиданности Люда вскочила. Прямо за её спиной стоял Константин Петрович в светлой рубашке, серых брюках и перекинутом через плечо пиджаке. — Не пора ли тебе отдыхать?

— Здравствуйте, — затрепетала та, совершенно не задумываясь, что делает председатель в такое время на колхозном поле. — Я организовала соревнование, но в моей бригаде всего четыре человека, мы не можем тягаться с шестерыми за то же время...

— Слышал о твоих идеях, молодец! Справляешься!

— Спасибо.

— Что за сырость? — сбавил весёлость мужчина.

— Не поняла...

— Слезы откуда? — добродушно пояснил он.

— Да, это так, соринка попала...

— Нравишься ты мне, Людмила! Хорошая девчонка! Мне такие очень нужны!

Школьница зарделась. Не только от похвалы, но и от того, кто её произнёс.

— Останешься на будущий год комсоргом?

— Не знаю, как изберут...

— Ну-у, это обеспечим, — раскатисто рассмеялся Константин Петрович и подошёл ближе. — Наш колхоз передовой, а ты будешь помогать удерживать это достижение!

— Я бы с радостью, но не особенно получается... Видите, никто не захотел ударно поработать, все разбежались!

— А для этого у нас есть особое воспитание, — он приобнял её за плечи и повёл туда, где виднелся край колхозного поля. Подальше от любопытных глаз. — Ведь ты согласна — чтобы изменить мир, сперва надо изменить людей? А как их изменить, кроме как не воспитанием?

— Не знаю... — честно призналась та, с лёгкостью позволяя уводить себя от деревни.

— Кнутом, оно ведь редко когда работает, согласна?

— Наверное...

— Пряником-то вернее будет!

Люда расстроилась и опустила голову, что не осталось незамеченным.

— Ты чего, труженица? Выше нос! Я тебе сейчас тайну открою, как лучше всего народ вдохновить!

— Тайну? — загорелись глаза девушки.

— Да, в общем, ничего особенного, но действует наверняка! Нам, руководству, нужно держаться вместе, согласна?

— Наверное... — Люда робко подняла на мужчину глаза, и тот неожиданно ей улыбнулся. Девичье сердечко ёкнуло и счастливо забилось в груди.

— Только ты мне честно скажи — очень хочешь узнать?

— Очень!

— А дальше у нас останешься, в Аничкино? Или тоже в город пойдешь?

— Нет, я буду здесь! Своих не бросаю!

— Молодец, Люда! Ты — настоящий комсорг! Нам такие и нужны!

Он одобрительно потрепал её по плечу и осмотрел горизонт. Там, где заканчивалось поле свёклы, начиналась полоса деревьев и небольшая лужайка, где остался прошлогодний стог сена. Новосёлова слушала воодушевляющие рассказы Константина Петровича о сильном государстве, где каждый друг другу брат, о будущем, где есть непрекращающееся счастье и честный труд, о том, что люди по сути эгоисты и готовы выкладываться только

тогда, когда им за это что-то светит...

Новосёлова остановилась у стога. Она внимательно слушала и совершенно не переживала о двусмысленности ситуации. Что здесь такого? Она, комсорг, и он, председатель, ведут взрослую беседу о будущем Советского Союза. Константин Петрович делится с ней опытом, понимает, а, главное, разделяет её стремления, так какая разница, что уже темно, что они на краю деревни и рядом с ними ни души...

— Садись, в ногах правды нет! — захохотал мужчина и похлопал рукой по сену. Сам он уже давно забрался на невысокий стог.

На краткий миг Люда заволновалась. Но лишь на миг — горящие глаза председателя, честные, одухотворённые, так и манили за собой.

Девушка несмело забралась на сено и робко поджала под себя ноги. В потемневшем кустарнике пел соловей, в траве стрекотали кузнечики, а призрачные мотыльки лихо носились по воздуху.

— Значит, ты бы очень хотела построить коммунизм?

— Да, конечно. Для этого мы и работаем...

— И поддерживала бы его всеми силами?

— Конечно!

— И ты... — понизил голос мужчина и придвинулся к ней, — хотела бы моей помощи?

— Да...

Константин Петрович улыбнулся, задержал на девушке удивительно понимающий взгляд и вдруг набросился на неё.

Она закричала.

В кустарнике затихли соловьи, кузнечики остановили свою трель, а чудные мотыльки исчезли, будто их и не было...

Люда из 9 «Б» лежала на невысоком стоге сена, а над ней старался Константин Петрович. Он стонал и вздрагивал от удовольствия, а она безвольно смотрела в небо. Неужели это всё? Неужели её мечты о светлом будущем, где каждый будет уважать друга и стремиться к общему благу пошли прахом? Но ведь в школе её учили быть храброй, доброй, помогать другим, отдавать всего себя служению обществу! И она отдавала... В прямом смысле этого слова. А как же общество? Разве оно сделало хоть что-нибудь, чтобы она, Люда Новосёлова, не оказалась здесь, на краю колхозного поля на колкой подстилке мёртвой травы?..

Шею жгло огнём, тело крутило и ломило, а осознание происходящего никак не вязалось с действительностью. Школьница застыла — от ужаса, от боли, от предательства. Председатель пил её кровь как животное, но был человеком, он смаковал и не пытался скрыть торжество. Затем он оторвался от шеи и закрыл от наслаждения глаза. Губы, обогранные кровью, дрожали, лицо светилось от блаженства, но где-то завывала собака, и мужчина вскочил.

— Ничего, девочка, это пройдёт, — совершенно иным тоном проговорил он, достал ярко-красный платок-паше из кармана и принялся вытирать шею Людмилы. — Когда ты восстанешь, то поймёшь, о чём я говорил. Сама поймёшь, и будешь действовать! А пока полежи, отдохни, приди в себя. Скоро мы будем претворять в жизнь нашу мечту об идеальном обществе!

Константин Петрович забрал платок, пиджак, посмотрел на небо, вздохнул, будто только что случилось обыкновенное и очень приятное дело, и скрылся за кустарником.

А Люда продолжала лежать на сене. Где же её девочки? Где учительница и другие ребята? Почему они бросили её и позволили председателю сделать такое? И кто он сам? Не убийца, не умалишённый... Размышления прервал озноб. Дикий, тягостный, высасывающий все силы. Паника накрыла девушку страшной волной и утащила в безысходную черноту.

Глава 11

— Маша, девочки вернулись? — спросила Валентина Михайловна, когда столкнулась со школьницей на крыльце интерната.

— Нет, не вернулись.

— Что-то мне неспокойно. Скоро стемнеет, а их нет. Ладно, подожду ещё немного и сама за ними схожу.

— Возьмите и меня, — попросила ученица.

— Посмотрим.

Женщина вошла в интернат и глухо застучала каблуками по деревянному полу, а девочка вышла на улицу и села на толстый пень, что стоял неподалеку. Свежий июньский воздух настойчиво выдувал из головы тревожные мысли, но, когда Маша заметила в конце дороги Лиду и Иришу, сердце взволнованно забарабанило.

— Где Люда? — подбежала девочка к одноклассникам, не в силах ждать на пне.

— Разве она не вернулась? — спросила Козичева.

— Нет, но вы же пошли к ней после ужина?

Ириша виновато потупилась, а Лида с вызовом взглянула на Машу.

— Вы не ходили на поле?! — всё поняла та.

— Мы встретили Тоню... — тихо ответила Сидорова.

— Харитонову?

— И поболтали с ней немножко...

— Немножко — это сколько? — сильнее заволновалась девочка.

— Каких-то пару часов!

— Пару часов?!

— Да чего ты блажишь! — шикнула Лида на Машу. — Да, мы задержались, но потом сразу пошли на свёклу. Людки там не было. Мы подумали, что она ушла в интернат. А тут ты сидишь караулишь!

— Вот теперь я бы прочитала лекцию о правильном поведении!

— Ой да брось!

— Ты же сама говорила, что надо ей помогать! — с нажимом проговорила Маша.

— Ну так случилось!

— Надо рассказать Валентине Михайловне... — прошептала девочка и уже развернулась, как Лида больно схватила её за предплечье.

— Ириша, ты иди, а мне надо нашей фифе пару слов нашептать.

Сидорова удивлённо посмотрела на одноклассниц, пожалала плечом и направилась дальше по дороге. Когда Маша и Лида остались одни, они долго молчали. Но где-то раздался лай собаки, и Козичева заговорила:

— Может, ничего и не случилось, может, она к матери зашла или точно так же встретила кого-то из ребят?..

— Как вы могли оставить её одну?

— Ты уж не строй из себя! — возмутилась Лида. — Тонька такая расстроенная была...

Ходят слухи, что ей медаль не дадут...

— Как это? Почему?

— Ясно почему — в колхоз не пошла.

— Но она же отличница! — удивилась Маша. — Разве так можно?

— Без понятия.

— Может, просто сплетни?

— Дыма без огня, как ты знаешь...

— Нет, это точно сплетни...

— Считай, как хочешь.

Маша задумалась. Комсомол поддерживал учёбу, поощрял её, к ней призывал, и тот же комсомол с лёгкостью обесценивал старания Тони только потому, что она отказалась подчиниться. Значит, слепое смирение важнее лелеемых ценностей? Значит, тех, кто проявляет волю, надо наказывать, чтоб не повадно было? Так к какому светлому будущему мы стремимся, если там сплошная фальшь? Говорят и обещают одно, но с лёгкостью меняют мнение, как только человек захотел немножечко изменить траекторию движения. Да и какую траекторию? Всего-то — одной единственной своей жизни.

— Маша, Ма-а-аш, нам надо Люду найти, — вернула девочку на землю Лида.

— Сходим к ней домой?

— Ты что?! И подставим Валентину Михайловну?

— Точно... Я об этом не подумала...

— Видимо, и правда придётся всё ей рассказать. Ох и влетит нам с Иришей...

— Главное, чтобы с Людой всё было в порядке.

Девочки поспешили в интернат и едва переступили порог, как встретили взволнованную учительницу. Она торопилась на улицу, но, когда заметила своих учениц, моментально застыла. По их каменным лицам она быстро всё поняла и тихо сказала:

— Лида за старшую. Мы с Машей идём искать Люду.

— Пусть лучше Ириша останется, а я вам помогу... Втроём быстрее отыщем, — попросила Козичева.

Валентина Михайловна не спорила — сейчас она находилась в таком ужасном состоянии, что была готова согласиться практически на всё.

Колхозное поле стыло под темнеющим небом. Ширина и размах превращали его в плацдарм для ужасных дел. И об этих делах ежесекундно думали учительница и ученицы. Они продвигались в глубину, не уставали вертеть головами и вздрагивали от любого звука, что смутно доносился из отдалённых кустов. Никто не решался позвать Люду по имени — мало ли, кто выйдет на зов... Но время шло, ветер засыпал, сверху показался кусок бледной луны, затрещали кузнечики, и отчаяние в груди Валентины Михайловны приобрело панические ноты. Женщина остановилась, сняла круглые очки и нервно протёрла их подолом серой юбки.

— Давайте я сбегаю к ней домой? Я не буду ни с кем разговаривать, просто загляну в окна. Меня никто не увидит! — предложила Лида, хотя мало верила в свои слова.

— Не надо, — ответила учительница, — подождём ещё немного, а там...

— Или давайте я схожу к Галине Александровне? — менее уверенно продолжила девочка. — Если её нет дома, то...

— Исключено! Пока мы не убедимся, что она... вампир... — нехотя произнесла

женщина, которая до сих пор отказывалась в это верить, — ничего предпринимать не будем.

— На нас кресты, она не тронет, — поддержала подругу Маша. — Я могу сходить вместе с Лидой.

— Это слишком опасно... И у Галины семья, вдруг вас заметят.

— А мы усадьбами пройдем! — нашла Козичева, но сразу сникла — представила, как две беззащитные школьницы идут ночью по безлюдной стороне...

— Нет, девочки, это только моя вина, и вы не должны за неё расплачиваться. Я не должна была идти на поводу у председателя и позволять Люде задерживаться здесь. Всему своё время! Есть время для работы, а есть — для отдыха. Возвращаемся.

— Как?.. — прошептала изумлённая Маша.

— Подождём до утра. А там... Посмотрим.

Валентина Михайловна решительно направилась в деревню, не оставляя девочкам ни шанса. Они грустно поплелись следом, но часто останавливались, оборачивались и смотрели на чернеющую полосу деревьев за полем.

Утомлённые и встревоженные, все они вернулись в интернат и с изумлением увидели бледную растрёпанную Новосёлову. Девочка стояла на крыльце и смотрела на луну в странной задумчивости.

— Люда! — воскликнула учительница, но помимо радости в тоне зазвенела злость. — Ты где была?! Мы тебя обыскали!

— Простите, Валентина Михайловна, я очень устала и уснула. А когда проснулась, было совсем поздно и я пошла через колхозный сад — так короче, — поспешно ответила та. — Я готова понести заслуженное наказание.

— Живо спать! И чтоб из интерната — ни ногой! — воскликнула учительница, и комсорг покорно отправилась выполнять приказ.

— Люд, ты где была? — спросила Лида, когда вошла в общую комнату и прикрыла за собой дверь.

Маша направилась к кровати и покосилась на Иру — та понуро сидела, поджав под себя ноги.

— Я полола свёклу. А вот где были вы? — комсорг явно намекнула на неё с Иришей.

— Мы ходили за тобой, облазили всё поле, но тебя не нашли!

— Ложитесь все спать. Завтра ранний подъём.

Люда разделась, аккуратно сложила штаны и футболку и забралась под одеяло. Она закрыла глаза и игнорировала всяческие расспросы.

Лида подошла к ней сзади и неодобрительно покачала головой. Затем она пригляделась к волосам одноклассницы и осторожно вытянула сухую длинную травинку. По лицу пробежала довольная ухмылка — дескать, знаем мы, где ты пропадала, идеальный комсорг! Видимо, кто-то из ребят прибежал, вот они и прогулялись до какого-нибудь стога сена.

А Маше было беспокойно. И хотя в комнате выключили свет и всё закончилось благополучно, её тело не чувствовало облегчения. Девочка схватилась за крестик и долго лежала без сна. Бледный серп луны отбрасывал на яблоневый сад тусклый голубой покров. За окном неожиданно стихли все звуки, и Маша мгновенно открыла глаза. Между деревьями появилась знакомая тощая фигура, которая становилась всё ближе. Галина Александровна бесшумно залезла на стену с внешней стороны и потянулась к открытой форточке, под которой мирно сопела Лида. Чёрная тварь запустила руку и ухватилась за раму, чтобы подтянуться, но тут живо вскочила Новосёлова. Она тихо обошла свою кровать и

остановилась напротив секретаря. Маша задержала дыхание. Несколько томительных секунд растянулось в пространстве, а затем Галина Александровна послушно поползла обратно.

Комсорг развернулась, и Иванова поспешно закрыла глаза. Увиденное заставило её пересмотреть дневные тревоги — зря она боялась, что Люда куда-то пропала, бояться надо того, что она уже нашлась.

Глава 12

20 июня 1979, среда

Как только солнечные лучи плавно переползли из сада на окошко, Маша открыла глаза. Она почувствовала боль в ладони и посмотрела на неё — серебряный крестик впечатался в кожу и оставил ровные припухшие вмятины. Девочка приподнялась, и её сердце испуганно ёкнуло. Люда уже не спала. Она сидела на своей кровати в белой рубашке и, не моргая, смотрела на Машу. Так продолжалось несколько секунд, пока громогласный петух не заверещал и не привёл комсорга в чувства. Совершенно естественно Люда поднялась и стала собираться. В коридоре было тихо, до подъёма оставался час, и никто не тревожил покой интерната.

Перебарывая оцепенение, Маша тоже встала. Она быстро натянула штаны и футболку и выскользнула из комнаты. В нос ей ударил сладковатый запах дерева — так пахли все старые деревенские здания.

Девочка поспешила к учительнице и настойчиво застучала в дверь.

— Что случилось? — растрёпанная, заспанная, с перекошенными очками Валентина Михайловна выглянула в коридор.

Маша нахально прошла в комнату и остановилась. Подозрение, что с каждой секундой превращалось в уверенность, так и рвалось наружу.

— Что случилось?.. — не своим голосом повторила учительница.

— Люда стала пиявицей...

— Что?..

— Где она вчера была? И почему так поздно вернулась?

— Она же объяснила... — не слишком-то уверенно сказала Валентина Михайловна.

— Чтобы Люда — и опоздала? Люда — и где-то заснула? Да я скорее поверю, что на Марсе есть жизнь, чем в то, что она нарушила правила!

— Хочешь сказать, стратилат совсем рядом?

Женщина опустилась на стул, ощутив дурноту, и положила руку на грудь, где висел маленький крестик.

— Дайте мне немного святой воды, и я её проверю.

— Но как же так...

— Валентина Михайловна, надо действовать!

Девочка поймала взглядом кивок учительницы и бросилась к шкафу. Там она нашла трёхлитровую банку, быстро откупорила её и кое-как плеснула воду на руки. Она уже собиралась захлопнуть створки, как увидела под одеждой топор. Маша вопросительно посмотрела на женщину, и та, сморщившись, ответила:

— Сегодня отнесу его за поле. Там осинки растут...

— Я вам помогу!

— Не надо. Никто не должен заметить, поэтому я сама. Мало ли, зачем мне в кустики

понадобилось?

— Хорошо. Тогда я пойду, пока Люда опять куда-нибудь не пропала.

Школьница пулей выскочила от Валентины Михайловны и забежала в свою комнату. Новосёлова сидела на краешке кровати с идеально ровной спиной и тупо смотрела на стену. На ней застыли расплывчатые солнечные пятна в красивом узоре из ветвей.

— Я хотела помириться, — прошептала Маша и несмело двинулась к однокласснице. — Ты права, иногда меня заносит.

— Вы чего? — сонно спросила проснувшаяся Лида. Она открыла один глаз и недовольно щурилась им в сторону девочек.

— Ничего, спи, ещё не подъём, — испуганно проговорила Иванова — она боялась, что её проверка сорвётся. — Так что ты думаешь, Люд?

— Ты должна быть с нами, — ровным тоном сказала та и едва-едва повернула голову. — Ты можешь быть очень полезна.

Маша застыла. Что-то неуловимо изменилось в лице комсорга: то ли профиль заострился, то ли изменился взгляд, то ли кожа потеряла естественные краски жизни...

Люда подошла к однокласснице, осмотрела её лицо и медленно опустилась к шее, на которой не темнела тонкая нить.

— Я согласна мириться, — ответила она наконец и улыбнулась.

— Зам-м-мечательно, — заикнувшись, произнесла Маша и протянула руку точно так же, как когда-то Лида протянула ей.

Комсорг ничего не заподозрила и крепко пожала ладонь. Пару секунд ничего не происходило, а затем девочка отскочила от Ивановой и удивлённо на неё уставилась.

— Что-то не так? — проглатывая страх, спросила та.

— Всё в порядке. Пойду умываться.

Людмила рванула с места и выбежала из комнаты. Дверь за ней громко хлопнула.

— Уже подъё-о-ом?.. — застонала Ириша, перевернулась на другой бок и случайно оголила шею, на которой алели две красные точки.

Маша решительно двинулась к ней и схватила за руку.

— Ты чего? — удивилась та, но даже и не думала вырваться.

— Ничего... Я просто... Мне показалось, что ты сейчас упадёшь с кровати... — растерялась одноклассница.

— Да нет, не упаду.

Лида смотрела на странное поведение подруги с лёгким подозрением.

— Ну? — спросила она, когда её взгляд пересёкся с Машиным.

— Всё очень плохо... — ответила та. — Вставай, я расскажу.

***

Погода испортилась, и с неба сыпала мелкая морось. После обеда ребята хотели остаться в интернате, но никакие уговоры не смогли переубедить учительницу. Она подгоняла весёлым голосом, обещала вечером устроить игры, а сама торопилась вперёд. Женщина ловко закинула за спину большой жёлто-зелёный рюкзак, и вышла на дорогу. Школьники поплелись следом, тихо и недовольно гудя.

Колхозное поле значительно приободрилось. Зелень сорняков уже не так уверенно держала оборону. Лида и Маша снова пололи вместе и изредка поглядывали на Людмилу. Та держала правую руку в кармане или на колене и за весь день не вырвала ею ни единую травинку. Ириша всячески крутилась рядом, поддерживала, заискивала и вела себя немного

не так.

— Надо прижать её к стене и узнать, кто стратилат, — настойчиво уговаривала Лида.

— А если спугнём? Может, лучше проследить за ней? Ночью она уйдёт на охоту...

— Тебе лишь бы проследить! Любопытная какая!

— Это лучше, чем в открытую всё рассказать!

— А что рассказать? Ты повредила её руку святой водой, думаешь, она не понимает, что ты всё о ней знаешь?

Маша тяжело вздохнула и сказала:

— Она Иришу укусила, пока никто не видел... Что если ночью она выберет нас?

— Крестики спасут.

— В интернате полно других, и ни у кого нет защиты...

— Давай спрячем её значок? — загорелась Лида.

— А что это даст?

— Хотя бы днём никуда не выйдет!

— Днём она безвредна, она после заката пиявицей становится... Забыла, что ли? — буркнула Маша.

— Слишком много новых знаний, я не успеваю всё запоминать!

— А не мешало бы.

Лида подняла голову и увидела, как Валентина Михайловна пошла куда-то в конец поля. На её спине висел несуразный большущий рюкзак, в котором лежало что-то тяжёлое.

— Куда это она?

— Там осина растёт, — тихо ответила Маша.

Лида ошалело посмотрела на одноклассницу, как будто только что осознала — им придётся всадить в живого человека деревянный кол.

— Лучше бы этот стратилат сдох сам... — выдавила она и сглотнула.

— Нам бы его сперва найти, а там будем думать, как уничтожить, — будничным тоном ответила Маша. Она настолько свыклась с ролью охотника на вампиров, что совершенно не осознавала её реальный смысл.

— Ты вообще не боишься, что ли?

— Боюсь. Но не особенно.

— Да ладно, — оскалилась Лида, — в шалаше так и жалась ко мне как собачонка!

— Ты прям не жалась...

— А я и не скрываю, что боюсь. Это ты у нас героиня! По крайней мере на словах!

— А куда Ириша делась? — с тревогой спросила Маша.

— Не знаю, только что здесь была...

Девочки встали и огляделись, пока Лида не обнаружила пропавшую в конце поля.

— Да вон она! По-моему, она за Валентиной Михайловной пошла...

— Зачем? — задумчиво проговорила Маша, и в голову полезли странные мысли.

А в это время учительница брела по частому перелеску и внимательно осматривала каждый ствол. Вот белые берёзки с чёрными пятнами, вот и лещина с узкими веточками, вот липа, молодые дубки, тонкие, хрупкие, совсем ещё дети. Она проходила в глубь и левее, совершенно не замечая, что за ней следит пара внимательных глаз. Когда Валентина Михайловна увидела светлую и нежную кору осины, то даже не поверила — так долго искала, а теперь должна её срубить. От мысли, для каких целей она сюда пришла, её бросило в озноб. Но делать было нечего, в рюкзаке лежал топор, а времени осталось не так-то много.

Женщина вынула орудие, положила его под запутанную траву и набросала сверху мелких листьев. Пусть полежит пока, никто его не найдёт, а как только наступит вечер и ребята окажутся в интернате, она улизнёт на часок и нарубит крепких осиновых колов.

Валентина Михайловна убедилась, что топор надёжно спрятан, и побрела обратно. Когда она вышла из перелеска, то увидела впереди себя Иришу Сидорову. Девочка шла неподалёку, но не вызвала никаких подозрений. Мало ли, почему она в кустики ходила?

Глава 13

21 июня 1979, четверг

Очередной трудовой день, наполненный пылью, травой и усталостью подходил к концу. Школьники поглядывали на Валентину Михайловну, пока та не выпрямилась, не улыбнулась и не позволила отправиться на ужин. Верка Исаева с диким гоготом обсыпала Нефёдову землёй и, довольная удачной пакостью, поскакала дальше. Только чудом ей удалось уйти от осуждающего взгляда учительницы — та слишком поздно заметила шалость и не смогла понять, кто её провернул. И только Новосёлова с Иришей не поднимали головы и усердно трудились на благо народа.

— Маша, — вдруг позвала Люда, и одноклассница настороженно повернулась. — Нам нужна твоя помощь. Останься.

Лида метнула в подругу взгляд чёрных глаз и застыла.

— У меня голова разболелась, — соврала Иванова, — я больше не могу полоть.

— Валентина Михайловна! — коварно улыбнулась комсорг. — Можно Маша останется с нами?

— Что? — не расслышала учительница.

— Можно Маша останется с нами? — на всё поле выкрикнула Люда.

— Да!

— Вот видишь, она не против. Твоя грядка справа.

Девочка проигнорировала указание и демонстративно развернулась. Но не успела она пройти и трёх шагов, как Валентина Михайловна воскликнула:

— Маша! Ты почему не полешь?

— Это не моя инициатива!

— Но это твоя бригада, и ты обязана ей помогать!

Школьница ошеломлённо смотрела на женщину, что стояла неподалёку со строго сведёнными бровями. Никогда раньше девушка не видела такого выражения лица и не слышала такого тона...

— У меня к вам разговор! — выкрикнула Маша и побежала к учительнице. Когда она поравнялась с ней, то с удивлением заметила металлический блеск в глазах.

— Какой ещё разговор?

— Вы раздобыли колы? Когда вы нам их раздадите?

— Колы?

— Вы же вчера ходили...

— Маша, если ты хочешь прикинуться умалишённой и отвертеться от работы, у тебя не получится.

— Не поняла?

— Вот что я тебе скажу — нехорошо бросать друзей. Люда старается, помогает колхозу,

ты могла бы взять с неё пример.

— Что?..

— Поэтому давай-ка, помоги однокласснице! И чтоб без разговоров! — женщина отвернулась и, уходя, буркнула себе под нос: — Колы ей подавай.

— Ты что-нибудь понимаешь? — спросила Маша, когда к ней не спеша подошла Лида.

— Нет... Почему Люда не захотела меня оставить, а привязалась к тебе?

— Она меня ненавидит, вот и решила поиздеваться... За святую воду наказать...

— Останешься? — серьёзно спросила подруга.

— Останусь, не хочу ругаться с Валентиной Михайловной. Что на неё нашло?.. — девочка повернулась к удаляющейся фигуре учительницы. — А ты попробуй выяснить, что там с осиновыми колами.

— Ладно.

Одноклассницы попрощались, и Маша нехотя поплелась к Люде по серой комковатой земле. Комсорг посмотрела на неё спокойно, ровно, без тени торжества и уткнулась в свою грядку.

Скомканные облака цвета ртути протянулись до горизонта. Дождь то накрапывал, то переставал, и Маша продолжала надеяться, что на её несчастную голову всё-таки обрушится ливень. Но погода точно состояла в сговоре с Людой, которая без усталости драла подростки сорняки.

Сколько прошло времени, Маша не знала, но очнулась от монотонности пейзажа лишь тогда, когда серая тьма заметно опустилась на поле. Девочка подняла глаза и посмотрела туда, где обычно разгорался яркий закат. Внутри что-то ёкнуло, упало, и вязкий страх понемногу расплзся по коже. Тучи настолько заволкли всё вокруг, что спрятали важное солнце. Люда резко перестала полоть и поднялась. Она развернулась к Маше одним мощным движением и уставилась на неё.

— Н-н-наверное, нам п-п-пора, — попятилась та.

— Сними его... — прошипела комсорг, вдыхая воздух.

Девочка схватилась за крестик, готовясь дать отпор, но с изумлением обнаружила, что приказ адресовался другому человеку. Ириша покорно направилась к ней. В стеклянных глазах отражался холодный, бездушный мир, и Маша побежала. Она перескакивала через грядки, если не успевала, то топтала свёклу, соскальзывала с крупных комьев, путалась в повиликке... До деревни было слишком далеко, где-то глубоко внутри она понимала это, но отчаяние захлестнуло её адреналином и отключило мозг.

— Стой! — выкрикнула Люда и появилась прямо на пути. Нечеловеческая скорость помогла ей не только догнать, но и перегнать.

— Пожалуйста, не надо... — заговорила Маша, понимая, в какую глупую попала ловушку. — Ты же человек, вспомни это! Мы одноклассницы! Учимся в одной школе! Живём в одном селе!

Пиявица бездушно разглядывала выбранную жертву, но не приближалась. Ветер развеивал её волосы и трепал одежду, от чего та выглядела ещё страшнее. Но сейчас не она представляла главную опасность. Маша обернулась — к ней неумолимо подходила Ира.

— Ты не знаешь, от чего отказываешься, — хищно улыбнулась Люда. — Всем нравится. И тебе понравится.

— Нет!!!

Девочка рванула в сторону, но комсорг быстро догнала её и перерезала путь. Тогда

Маша вытащила крестик и побежала на Люду. Та отпрыгивала, шипела, бросала злобные взгляды на Иришу, которая почему-то всё время отставала.

— Сними его сама и тебе не будет больно! Я обещаю! — разносилось шипение.

— Нет!

Маша кинулась влево, но Ира со всего маху навалилась на неё и придавила к земле.

— Отдай по-хорошему! — нашептывала пиявица. От правильного комсорга в ней ничего не осталось.

Ириша тянула за тонкую нить, но девочка крепко держала единственную защиту от вампира.

— Давай же, Ирка, быстрее! Что ты возишься! — кружила Люда, изнемогая от жажды.

Небо прорезала яркая молния. Разразился грохот, и на землю обрушились крупные капли. Маша пыталась скинуть глупую тушку, но та намертво вцепилась острыми пальцами. И откуда только в ней столько силы? Вроде не крупная, не жилистая, а держит, как медведь!

Вскоре под руками развезло, стало жидко, Маша неудачно повернулась и упала лицом в грязь. Ириша ловко запустила под неё руку и со всей силы дёрнула тонкую нить. Серебряный крестик взлетел в воздух и упал в царство сорняков.

— Йи-и-и-и-и-и! — жутко завизжала пиявица. Она отбросила тушку, точно мешок, и, не давая Маше встать, оседлала её.

— Люда! Это я! Твой заклятый враг! — вдруг заговорила одноклассница, и от страха её сознание прояснилось.

Комсорг медленно открывала рот, в котором показались острые клыки. Она не торопилась испить кровь и наслаждалась предвкушением.

— Если ты сделаешь это, то да, безусловно покоришь! — попыталась убедить Люду Маша. — Но ты же всегда следовала правилам! Ведь только правила могут обеспечить порядок! Вампирство — не по правилам! Даже если ты подчинишь меня физически, внутри я останусь всё той же упрямой городской фифой!

— Это не важ-ж-жно.

Комсорг уже потянулась к шее, но девочка из последних сил упёрлась в нечисть руками.

— Ты же так мечтала о справедливом обществе! Хотела, чтобы все помогали друг другу! Трудились для общего блага! Были добрыми, отзывчивыми, честными! Но разве сейчас твои действия приближают это будущее?!

Люда ослабила натиск, и впервые в её глазах проскользнуло человеческое выражение — озадаченное, испуганное, виноватое...

— Стратилат — зло! Он убивает людей! Пользуется ими! Ему наплевать и на страну, и на общество! Он кровожадный вампир! А ты — отличница, комсомолка, ты — комсорг, и столько всего можешь сделать! Ты пример для всех нас, Люда! Не трогай меня, пожалуйста...

— Вы меня предали... — прошептала девочка.

— Нет, нет, Люда, никогда! Если хочешь, я буду полоть с тобой, буду рисовать стенгазеты, поддерживать соревнование!

— Где вы были, когда он сделал меня такой...

Маше было страшно, но теперь её дыхание перехватило совсем от другого.

— Кто — он? Кто сделал тебя такой?!

— А-а-а-атвали от неё!!! — раздалось где-то совсем рядом, и кто-то с остервенением сшиб комсорга на землю.

Неудавшаяся тушка ошалело посмотрела в сторону и увидела разгорячённую Лиду. В левой руке та держала крест, а в правой — полено. Вряд ли оно было осиновым, но и предполагалось для другой — Ириша испуганно попятилась.

— Вставай! — рывкнула Лида, и Маша, поскользнувшись и падая, с трудом поднялась. — Пошла отсюда! — обратилась спасительница уже к комсоргу.

Пиявица шипела с привыванием, кружила на месте, но близко не подходила. Она примерялась для прыжка, жутко и неестественно, но Лида твёрдо стояла на ногах с вытянутой вперёд ладошкой, к которой был накрепко привязан крест.

— Ничего... — перестала двигаться Людмила и растянула зловещую улыбку. — Сама его снимешь.

Затем она развернулась и мгновенно исчезла за стеной дождя. Ириша глупо хлопала глазами.

— Ты всё испортила... — раздражённо буркнула Маша.

— Всегда пожалуйста! — насупилась Лида.

— Она почти рассказала, кто стратилат, а ты сшибла её!

— Да она чуть не сожрала тебя! Или у вас в городе все так благодарят за спасённую жизнь?!

Маша рассерженно пнула ком земли.

— Девочки, а что мы тут делаем? — нелепо открывая рот, спросила Ириша, и одноклассницы раздражённо уставились на неё.

— Иди отсюда, — грубо сказала Лида.

— Да что я сделала-то?

— Иди уже! А мы следом!

Сидорова понурилась и поплелась в сторону деревни.

— Пиявцы управляют тушками, — сообщила Маша, когда Ира оказалась на почтительном расстоянии.

— Я уже догадалась.

— Как же я раньше не поняла? Матрёна Петровна не сказала об этом напрямую, а я не связала ничего. погоди, ты догадалась?

— Когда я ушла на ужин, то стала наблюдать за Валентиной Михайловной. Вроде всё как обычно. А когда мы пришли в интернат, она загнала всех по комнатам и не устроила игры, как обещала. Раньше такого не было. А потом я увидела укусы на шее... Тогда и поняла, почему она Люду поддержала. Ну и я побежала за тобой. Уже солнце садилось...

— Наша Валентина Михайловна — тушка Люды?! — отчаянно воскликнула Маша.

— Получается, что так.

— Что же нам теперь делать?! А как же осиновые колы?!

— Нет никаких колов. Ирка сдала. Не зря она вчера за ней ходила. Всё Людке рассказала, и та, видимо, решила устранить опасность...

Маша села на корточки и схватилась за голову. По лицу стекали струи дождя, но это несколько её не беспокоило.

— Я крестик потеряла, — сообщила она Лиде трагическим голосом.

— Да ладно?! Когда?!

— Ириша вырвала и бросила...

— Ты запомнила где?! Надо его найти! — одноклассница кинулась к участку с примятой травой и удивлённо повернулась — размытая дождём фигура Маши не двинулась с

места.

— Да это бесполезно...

— Ты же теперь без защиты!

— Сходим к Матрёне Петровне? Может, у неё есть лишний крестик?

Лида растерянно покачала головой, а затем сказала:

— Тогда идём прямо сейчас! Если ты заночуешь в интернате, тоже станешь тушкой!

Глава 14

Деревенская дорога, скользкая и размытая, терялась за дождём. Девочки тащили на ногах тяжёлые галоши из земли и не пытались обходить лужи — они шли вброд, по щиколотки в темно-серой воде, пытаясь отделаться от вездесущей липкой грязи. Им никто не встречался: ни вампир, ни человек, но подруги не переставали оглядываться и держались за холодные руки друг друга. Когда они дошли до избы Матрёны Петровны, небо разрезала молния. Она осветила зловещую, почерневшую от влаги обитель, которая через мгновение вновь утонула в сырой темноте.

— Стучи, — сказала Лида и подтолкнула оробевшую Машу.

Девочка вышла вперёд и мелко забарабанила в дверь.

— Может, она спит? — приблизилась подруга и прислонила ухо к размякшей древесине. Но этого ей оказалось мало. Девочка взялась за ручку, и та неожиданно легко поддалась. Из чёрной щели потянуло тяжёлым стариковским запахом.

— Пошли отсюда, — испугалась Маша и отшатнулась.

— Да ладно, она спит, наверное, разбудим...

Лида проскользнула в дом, а за ней, чтобы не бросать подругу, без желания протиснулась и Маша.

Из маленьких окон лился мрачный дымчатый свет, и подруги с трудом заметили чёрную фигуру, что сидела за столом.

— Здравствуйте... — проговорила Маша с запинкой, но хозяйка промолчала. — Мы к вам за помощью... Можно?

Лида изо всех сил вглядывалась в очертания человека. Она хорошо знала матушку Матрёну, но отчего-то сейчас по её замерзшей коже пробежали мурашки. Затхлое тепло дома казалось мерзким, грохот непогоды добавлял неприязни, а сердце, как нарочно, стучало слишком громко.

— Мы... — продолжила Маша, но подруга резко схватила её за руку и рывком дёрнула на улицу.

В этот миг чёрная фигура ожила и с животной прытью бросилась к двери.

Девочки в ужасе рванули под ливень, поскользнулись, и обе упали в склизкую жижу.

— До-о-обрый ве-э-эчер!!! — разнеслась над ними бешеная радость Галины Александровны.

Лида перевернулась, точно рыбка в воде, закрывая собой одноклассницу, и выставила вверх руку с крестом.

— Дай прикоснуться... — зашипело где-то рядом. — Попробовать... Тебе понравится...

Маша тряслась от страха и холода. С трудом ей удалось уговорить себя подняться. Затем она помогла подруге встать, чтобы та держала вытянутой руку, и они вместе направились в интернат. Отовсюду хлюпало и чавкало, шипело и порывкивало, и девочки хорошо

чувствовали на себе взгляд вампирских глаз. Но они шли сквозь ливень и тьму, заперев дикий ужас где-то в глубине груди, и надеялись, что этот вечер закончится спасением.

Когда дорога вильнула и жаркие окна интерната оказались на виду, звуки, что сопровождали их на всём пути, куда-то делись. Остался мерный шелестящий шум дождя.

— Вы где были?! — встретила их расшарканная Валентина Михайловна. Её коричневая блузка распахнулась, и Маша заметила две красные точки немного выше ключицы.

— Положи, а потом нас застал ливень, — на одном дыхании соврала Лида. — Мы хотели переждать под деревьями, но становилось только хуже. Поэтому решили пойти так и промокли.

— Живо в комнату! Полотенца есть?

— Есть.

— А где ваш крестик? — неожиданно спросила Маша и упрямо посмотрела на учительницу.

— Потеряла, — небрежно ответила та.

— А где?

— Да какая разница! Мне эта глупость не нужна!

— Если вам не нужна, отдайте мне!

Лида удивлённо, но в то же время понимающе посмотрела на подругу. Та не спускала решительного взгляда с Валентины Михайловны, хотя выглядела довольно жалко — мокрая, продрогшая, грязная...

— Да пожалуйста! Пошли!

— Ну ты даёшь... — одними губами сказала подруга, и Маша поспешила за учительницей. Спустя минуту она вышла с желанным крестом. — Получилось?

— Да, вот он.

— Ты меня поразила, — с восхищением призналась Лида. — Я бы не додумалась.

— Просто не хочу быть лёгкой добычей.

— Мы и не будем! Ладно, идём сушиться, а то ещё заболеем.

Девочки вошли в комнату и застыли. Ириша сидела на кровати бледная, усталая, покорная, а рядом примостилась Люда. Она впиалась в шею одноклассницы и тихо постанывала от удовольствия.

— Пошла вон, нечисть проклятая! — взвизгнула ошалевшая Маша, и пиявица вздрогнула.

— Я здесь живу. И она живёт, — вампирша с любовью посмотрела на Иришу.

— Отвали от неё! — Лида выставила руку и смело пересекла комнату.

Люду перекосило, она дернулась раз, другой, и нехотя отползла от тушки под кровать.

— Ир, ты как? — потормошила девочку Маша, и та блаженно улыбнулась. Но было в этой улыбке что-то чужеродное, противное, так что хотелось скорее отвернуться.

— Вы всё равно ничего не сделаете. Она придёт ко мне, куда бы я ни позвала, — слизывая кровь из уголков губ, проговорила пиявица.

— А ты тоже придёшь, куда бы тебя ни позвали?! — разгневанно воскликнула Маша.

— С радостью!

— И когда вам назначена встреча?

Лида метнула на Машу изумлённый взгляд.

— Не скажу, — улыбнулась комсорг.

— Он сделал из тебя послушную куклу, и ты была недовольна! Так зачем поступаешь точно так же с остальными?!

— Иначе не добиться идеального общества.

— Значит, насилие и есть единственный путь к счастью?

Людмила заколебалась, но всего на миг:

— Пока ты не с нами, ты не знаешь, как это хорошо...

— Нет, пить кровь людей — нехорошо! — воскликнула Маша. — Это противоречит всему! Природе, обществу, здравому смыслу!

— Я ничего не могу поделать, — прошептала вампирша. И в эту секунду выражение её лица напомнило Галину Александровну. Когда-то и она с тоской смотрела на купающихся школьников, но не могла ни присоединиться к ним, ни отступить. Тогда Машу посетила новая догадка — что-то человеческое всё же остаётся у пиявцев, нужно только хорошенько раскопать. И она попыталась.

— Это не по-комсомольски, Люда! — взяла девочка привычный тон комсорга. — Ты предаёшь общее дело! Предаёшь друзей, школу, страну!

— Нет, не предаю...

— Ты так долго пыталась объяснить мне важность взаимовыручки, поддержки, что наконец я поняла, но ты — забыла!

— Я помню...

На глазах у вампирши выступили слёзы, и Маша бесстрашно приблизилась к ней.

— Кто он, Люда? Кто стратилат?

Но та лишь отрицательно покачала головой.

— Тогда хотя бы скажи, кого он выпьет следующим?

Снова та же реакция.

— А луна?! В какую луну всё произойдёт?..

Комсорг оживилась. По лицу проскользнула мимолётная радость.

— Темно... Очень темно... — прошептала она.

— Новолуние! — воскликнула Лида. — Оно же вот-вот наступит!

Но в этот миг подкралась Ира. Она сдёрнула с Маши крестик, и пиявица с ликованием подмяла её под себя.

— Машка!!! — зазевавшаяся подруга бросилась оттащить вампиршу и случайно коснулась крестиком её голого локтя. Кожа зашипела, лопнула, Люда завизжала и отлетела назад. Утробный рык разнёсся по стенам, будто разразилось слабое землетрясение. Разозлённая нечисть сузила глаза и не выпускала жертв из виду.

— Видимо, больше снов здесь мы не увидим! — испуганно бросила Лида Маше. Та тяжело дышала и оставалась между кроватями, боясь пошевелиться. — Кресты не особенно полезны, пока эта тут, — девочка презрительно кивнула на Иру.

— Что нам делать? — затравленно спросила Маша.

— Будем спать по очереди.

— А ничего, что мы при ней это решаем? — девушка посмотрела на затаившуюся Люду. Если бы не дикий блеск в глазах пиявицы, можно было бы подумать, что та подвержена кататонии...

— Она сама всё увидит. А вот у меня возник прекрасный план, о котором я тебе расскажу завтра без посторонних! — Лида говорила нарочно громко, но даже не догадывалась, что её словам не суждено было сбыться.

Рот Людмилы скривился в коварной улыбке. Её тело ожило, зашевелилось, будто каждая конечность вела собственную жизнь, и понесло пиявицу в форточку. В комнату ворвался сырой воздух, перемешанный с микроскопическими каплями дождя. Как только вампирша вылезла, Лида поспешно запрыгнула на кровать и громко захлопнула створку. Она обернулась и посмотрела на девочек: Ириша сонно моргала, словно ничего не произошло, а Маша испуганно застыла.

— Спорим, когда ты приехала в Аничкино, то и не думала, как тут будет весело? — попыталась снять напряжение Лида, хотя у самой сердце едва не выскакивало из груди.

Глава 15

22 июня 1979, пятница

Угрюмое утро медленно вползло в комнату вместе с Новосёловой. Довольная и сытая, она спустилась из форточки ящерицей под презрительным взглядом Лиды. Девочка хранила чуткий сон подруги, но, заметив, как знакомая фигура выталкивает створку внутрь, содрогнулась и случайно разбудила Машу.

— Подъём, — улыбнулась пиявица и стряхнула с волос крупные капли.

Не успела она это произнести, как в коридоре раздался звонкий голос Валентины Михайловны.

— Сегодня будет прекрасный день, — зловеще заявила Люда, но ей так никто и не ответил.

Интернат зашевелился, загудел, донёсся суматошный топот самых голодных ребят. Девочки собрались быстро и вышли к мокрым умывальникам, где уже столпилась очередь.

— Вечером приходи ко мне, — шепнула Маша Лиде, когда Новосёлова и Сидорова оказались далеко от них.

— А твоя бабушка не будет против?

— Да нет, не думаю. Наоборот обрадуется.

— Почему? — спросила девочка и пытливо заглянула в большие глаза подруги.

— У меня наконец-то появился друг, — совершенно серьёзно ответила та.

— Только вряд ли она обрадуется таким друзьям...

— Каким это — таким?

Лида замолчала. Она опустила голову и принялась ковырять носком яркие от влажности травинки. Только она собралась с духом, чтобы ответить нечто откровенное, а Маша поняла это точно — по дрогнувшим губам, по печали, нехарактерной для девочки, как где-то запели:

Что стоишь качаясь, тонкая рябина, Головой склоняясь до самого тына...

Лида мгновенно напряглась, застыла, маленькими рывками повернула голову к дороге и приоткрыла рот. Там, из влажной серости тумана, показались две фигуры. Одна — тонкая, угловатая, ветром дунешь — упадёт, и другая — коренастая, округлая и очень звонкая.

— Это кто? — удивилась Маша.

Но подруга почему-то не ответила. Она сорвалась с места и кинулась к разгульным силуэтам.

— Нет!!! — донеслось категоричное заявление, и плотно сбитая тётка с лёгкостью поволокла на себе пушинку-мужичка, обходя девочку вокруг.

— Смотрите-смотрите, — донеслись смешки, — это ж мамка Лидкина...

Заинтересованные ребята зашумели, утренний сон как рукой сняло. И только одна фигура в разношерстной толпе школьников выделялась иным отношением: Люда с торжеством глядела на разгоравшийся позор. И тут Маша ответила на все свои вопросы...

Из интерната вышла Валентина Михайловна в тёмном шерстяном костюмчике. Она живо уловила в воздухе скандал и посмотрела на дорогу. Лида шла спиной вперёд и что-то яростно втолковывала маме, но та ни в какую не соглашалась и лихо тащила на себе местного алкаша Николая. Впрочем, тот был не против и любовно закатывал глаза, когда доярка обращала на него мимолётное внимание.

— Я просто спрошу, как тут моя дочура! — убеждала Лиду мама, когда троица оказалась в ста метрах от интерната.

— Не надо, просто иди домой, — втолковывала девочка, и у Маши от жалости стиснуло в груди — такой растерянный и подавленный был голос у подруги.

— О! Валентин Мхална! — отодвинула в сторону дочь женщина. — Как моя Лидуся?

Учительница опешила, не зная, как себя вести, а затем то ли получила приказ от пиявицы, то ли разозлилась сама:

— Как вам не стыдно! Вы почему пришли сюда в таком виде?

— А ты меня не учи! У самой-то, небось, тоже рыло в пуху?

— Мам, пожалуйста, уходи, — Лида вцепилась в руку матери и пыталась оттащить её назад, но дядя Коля позорно щёлкнул её по лбу. Тогда девочка отстала.

— Вот они, умные-образованные! — уткнула руки в бока мама Лиды. — А мы, значит, хуже тебя?! Мордой не вышли?!

— Простите, я забыла, как вас зовут? — учительница подошла немного ближе.

— Лизавета я, — сообщила женщина, а затем, гордо выпятив грудь, добавила: — Викторевна!

Ребята захихикали, и Валентина Михайловна строго на них посмотрела.

— Елизавета Викторевна, вам лучше уйти. Сейчас мы умываемся и идём завтракать, а затем...

— Так мы с вами пойдём, да, Коль? — пихнула женщина алкаша в бок и залилась противным смехом. — По пути и побалакаем!

Лида, бледная и затравленная, на каменных ногах вернулась к умывальникам. Она не смела поднять глаз, но боковым зрением прекрасно видела, как Верка Исаева беззвучно пародирует её мать.

— Не расстраивайся... — тихо подбодрила Маша, и подруга сжала кулаки.

— Не понимаю, почему она это сделала... Она же не пьёт... Что на неё нашло?.. Дяде Коля во всём виноват... Постоянно к нам шастает... Но раньше она его выгоняла... Почему сейчас не выгнала?..

— Твоя мама ни при чём, — одноклассница взяла Лиду за руку и заставила поднять голову. — Это Люда.

Подругу точно ударила молния — она посмотрела на мать, которая не переставала пререкаться с учительницей на потеху ребятам, а затем на комсорга. Та не просто светилась от удовольствия, а сияла как бенгальские огни.

— Я её убью! — рванула Лида к пиявице, и Маша с трудом её удержала.

— Она это не сама! Её заставляют, понимаешь?

— Никто её не заставляет! Она могла выбрать любую тушку, но хочет меня!

— Если ты ей поддашься, то... — девочка не договорила и ошеломлённо уставилась на

подругу.

Лида оттягивала на шее нить и уже не слушала Машу. Её внимание было слишком далеко, чтобы снова до него добраться.

— Я! Я вырастила её одна! — закричала Елизавета Викторовна и рванула на себе халат, из-под которого вылезли чашечки бюстгалтера. — Мне никто не помогал! Все рожу воротили! Плевали, как на собаку! Нет! Хуже! Собаке хоть кость перепала, а мне что?!

Пьяные глаза женщины пылали. В них плескались не только боль и возмущение, но и вызов, раздражение, праведный гнев. Эти чувства, как и многие другие, копились в сердце много лет, а теперь излились на самого неподходящего человека.

— Пожалуйста, успокойтесь, — подняла ладошки учительница, но вместо того, чтобы принять этот жест как примирение, Елизавета вдруг существенно толкнула Валентину Михайловну в плечо. Крепкая рука доярки заставила простодушную женщину покачнуться и едва не упасть.

Все вокруг затихли.

— Не могу больше... — прошептала Лида и сдёрнула крестик.

Пиявица сверлила девочку глазами, но как только единственная защита пала, она подошла к Елизавете Викторовне и совершенно серьёзно произнесла:

— Идите домой, выпитесь. И вам следует извиниться перед нашей учительницей.

В тот же миг выражение лица доярки прояснилось, и в нём отразился ужас и стыд.

— Простите меня, бога ради! — искренне прижала она руки к груди и оттолкнула от себя сухопарого Николая. — Не понимаю, что на меня нашло...

— Лиз-з-за, — плохо ворочая языком, позвал алкаш. — Идё-о-ом. У меня там эт-та... Эта... Там... — Он неуклюже махнул рукой на деревню. — Спрятано... О! — Мужчина икнул и осоловело пошатнулся. — Там у меня... — повторил он непонятно кому. — Пошли, кароч...

— Да отстань ты! — совершенно очнулась доярка. Она стыдливо запахнула халат, нашла глазами дочь и виновато махнула ей на прощание.

— До свидания, Елизавета Викторовна, — испуганно сказала учительница и как можно быстрее вернулась к притихшим ребятам.

— Лида, что ты наделала... — прошептала Маша, когда представление было закончено.

— Так надо...

— Она же этого и добивалась! Нельзя подчиняться шантажисту!

— Я же говорила — сама снимешь, — подошла к девочкам комсорг. Она смотрела на одноклассниц свысока и не скрывала этого.

— Ты совсем обалдела?! — накинулась на неё Маша.

— Не надо, — убито остановила Лида. — Она победила...

— Нет! Не вздумай так считать!

Пиявица триумфально прошествовала мимо замолкнувших школьниц, будто совершенно потеряла интерес. К ней живо подбежала Ириша, и они затеяли какой-то очень интересный разговор — жестикулировали и смеялись. В глупых кривляньях Лида увидела нечто знакомое. Щёки залила густая краска, чёрные глаза куда-то провалились, а её бесконечный запал совершенно иссяк.

— Пойдём вечером ко мне, — сказала Маша, осенённая идеей. — Пусть она добилась одного, но не добьётся другого.

— Мне к маме надо...

— Она того и ждёт! Специально нас разделяет! По одиночке мы слабее! — выпалила девушка, не осознавая, как сильно изменилась всего-то за несколько дней. А, может, не изменилась — просто выползла из оболочки горя.

— Посмотрите на меня, посмотрите! — завизжала Исаева и выпятила несуществующую грудь, как только учительница исчезла в интернате. — А это мой новый хахаль! — и она изобразила Николая. Тупо, грубо и совершенно не похоже. Но кого это волновало, когда все и без того понимали, о ком идёт речь?

— Не слушай их! — уговаривала Маша. — Вечером — ко мне!

Но Лиду раздавили. Бездумно, беспощадно, жёстко. Столько лет она смывала пятно, которое вольно или невольно поставила мать. Она училась изо всех сил, хотя не особенно любила сидеть за книжками, участвовала во всём, до чего могла дотянуться, стала пионером, вступила в комсомол, висела на доске почёта. И даже смоляные волосы да чёрные глаза со временем перестали казаться чем-то особенным, но сегодняшний день всё перечеркнул. Ладно Верка Исаева, ладно Варька Кисёлева, на этих плевать, эти пусть думают, что захотят, но здесь стояла Женя, Саша, Ириша, Сонечка Нефёдова, а главное — Маша Иванова. Почему-то сейчас, когда городская фифа наконец-то стала её подругой, Лиде было больнее всего.

Не по-летнему холодный ветер врезался в кроны и стряхнул на землю холодные капли ночного дождя. Ребята двинулись к столовой, взбудораженные и взволнованные от остренького случая, который подкинула Лидина мама. И пусть в открытую никто не говорил, не обсуждал, пусть Валентина Михайловна строго следила за всеми, но убийственные взгляды, среди которых было мало сочувствия, не уставали обращаться на девочку. Та волочилась в конце толпы, пытаясь укрыться от стыда, и не понимала, что делала хуже — останься она среди всех, то растворилась бы, затерялась, а так невольно оказалась на виду.

Маша теребила пальцами крестик подруги, который сразу же подобрала с травы. Она ждала момента, чтобы его вернуть, но тот никак не наступал. Лида категорически отказывалась разговаривать, а под конец, разозлившись, сказала:

— Просто найди стратилата сама! Я не могу...

Ошеломлённая Маша не ответила, а просто отстала. От горьких слов подруги в ней проснулась небывалая решимость — она обязательно найдёт главное зло, и тогда её рука не дрогнет... Надо только раздобыть осиновый кол! А уж об этом она позаботится. Сегодня пятница, сегодня она вернётся в бабушкин дом и обязательно заглянет в сарай. Там наверняка припрятан топор, который ей-то и поможет.

Дождик накрапывал, тучки сгонялись, и школьники нехотя покидали тёплую столовую. Маша вышла одной из первых и рассеянно окинула унылые деревенские дома. Сколько в Аничкино тушек? А сколько пиявцев? Все люди кажутся обычными, ничем не выделяются, но у кого-то из них есть страшная тайна... Неожиданно в конце дороги появился Игорь. Он шёл в куртке, джинсах, а за спиной висел увесистый рюкзак. Когда парень оказался ближе, то скользнул по девушке холодным взглядом, и он точно нож прорезал ей грудь.

— Подожди! — выкрикнула Маша и пробежалась.

— Чего тебе?

— Ты уезжаешь?

— Уезжаю.

— Так быстро?

— Домой пора. А то загостился.

Школьница виновато потупилась.

— Зачем ты подошла? — с надеждой спросил парень, и его тон смягчился.

— Попрощаться... — с трудом выдавила Маша. — Хоть бы сказал, что уезжаешь. Не пришёл ведь ни разу.

— А зачем? Ты же настучала тёте, что я тебя достаю. Вот она и запретила к тебе не подходить.

— Достаёшь? — только сейчас девочка начала понимать, что произошло. Она невольно обернулась к столовой и заметила обеспокоенную Валентину Михайловну. Та не выглядела тушкой, жестокой и безропотной, сейчас в ней читалась мольба маленького человечка, который не в силах ничего изменить. — Не то чтобы достаёшь...

— Тогда что?

Маша посмотрела на Игоря. Симпатичный молодой человек колебался. Скажи она ему сейчас остаться, он бы точно никуда не уехал. Возможно, даже помог бы найти стратилата... Но учительница так просила за него, так боялась, что с ним что-то случится! Неосознанно, но она переносила нерастраченное, не до конца вылупившееся чувство материнства на племянника.

— Езжай, Игорь, — тяжело вздохнула Маша. — Нам всё равно не по пути.

— Так я и думал!

— Не обижайся, пожалуйста. Я ничего такого не имела в виду...

— Ясно! — оскорбленно ухмыльнулся он. — Ну, бывай!

Девушку затопила обида. Разве она виновата в том, как всё вышло? Разве она придумала вампиров, которые заполонили Аничкино и могли изуродовать его жизнь? Да он и не знает, в каком кошмаре ей приходится жить! Пусть радуется, что его мир остался целым и понятным, а не раздробленным на куски отчаянием и шоком... Маша смотрела на парня, который становился всё дальше и дальше. Наверное, так даже лучше. Разбитое сердце ничто по сравнению с преждевременной смертью и отнятой волей.

***

За окном тихо капало. Серые тени опустились с неба и добили и без того унылое настроение Маши. Она сидела в большой комнате в красном кресле и смотрела, как опускаются во тьму цветочное панно на стенке, коричневый ковёр, сервиз в широком шкафу. На кухне сутилась бабушка. Она гремела кастрюлями, бурчала под нос, словно что-то шло не так, и топала по деревянному, покрытому лаком полу. Маша не слышала, когда всё затихло, и вздрогнула от осторожного голоса Аграфены Степановны:

— Машенька, идём ужинать.

— Не хочу.

Женщина терпеливо прошла в комнату и села в соседнее кресло.

— Что у тебя случилось? Всё молчишь и молчишь.

— Ничего.

— Расскажи, кровиночка, полегчает.

Но Маша безмолвно смотрела на чернеющие за окном ветви и не собиралась говорить. Теперь она снова одна в этом бушующем грозами мире... Как такое объяснить?

— Как в лагере? Никто не обижает?

— Нет.

— А Галина Александровна? — изменённым голосом спросила бабушка. — Она больше

ничего не делала?

— Нет.

Аграфена Степановна вздохнула и бросила случайный взгляд на шею Маши.

— Вижу, крестик-то не сняла...

Впервые лицо девочки оживилось, смущённо, испуганно, но она быстро взяла себя в руки и бесцветно ответила:

— Мне всё равно. Что он есть, что его нет.

— Ты носи, носи его, кровиночка. Он плохого не сделает.

Бабушка осторожно коснулась плеча внучки и вздохнула.

— Пойдём, Маш, всё же стынет! — нарочито весёлым тоном воскликнула женщина.

Девочка нехотя поднялась и пошла в столовую, где ждал накрытый, едва ли не праздничный стол: дымилась ароматная варёная картошка с маслом и петрушкой, стояла банка молока и тонкие ломтики варёной колбасы закрывали собой белую тарелку. От запаха еды в животе у Маши заурчало. Она сглотнула слюну и охотно пододвинула коричневый стул. Но не успели они сесть, как в дверь негромко постучали.

— Кого это нелёгкая принесла? — не то испугалась, не то удивилась бабушка. — Ты сиди, я посмотрю.

Аграфена поспешно выбежала в терраску, а с терраски на крыльцо. Девочка смутно слышала разговор, и голоса гостей показались ей знакомыми. Она вылезла из-за стола и тихо прокралась к двери.

— Я всё сказала, — строго проговорила бабушка и внезапно распахнула ту самую дверь, за которой пряталась Маша.

Девочка отпрянула от неожиданности, но успела зацепить взглядом свою одноклассницу.

— Лида! Ты пришла! — обрадовалась она и хотела обойти бабушку, как та крепко схватила её за руку.

— Ты не пойдёшь.

— Это моя подруга!

— Мда? Подруга? Ну посмотри, какова подруга.

Маша раздражённо вырвалась и вышла на порог. Перед ней стояла непривычно весёлая Лида и спокойная Люда.

— Ты меня приглашала в гости, — сладким голосом произнесла Козичева. — И я пришла. Но случайно встретила Люду и взяла её с собой. Ты же не против?

Позади возмущённо хмыкнула бабушка и, не дав внучке ответить, сказала:

— Нечего вам тут делать! Идите по домам!

А Маша боролась с горечью, чувствуя, как сожаление выжигает в груди сердце.

— Мы ненадолго, — вступила в разговор пиявица. — Можно войти?

— Нет, нельзя! — выкрикнула бабушка и с угрозой шагнула вперёд.

— Мы же договаривались... — вскинула брови Лида и озадаченно посмотрела на Машу.

— Всё, идём, — Аграфена Степановна попыталась развернуть внучку за плечи, но та твёрдо отстранилась.

— Лида, ты можешь войти, — жёстко произнесла девочка.

— Это мой дом и только у меня есть право в него пускать! — разозлилась бабушка.

— Но мы с ней дружим!

— Нечего с такими водиться!

Маша виновато посмотрела на подругу. Воспоминание о позоре, которое той пришлось пережить из-за матери, чётко всплыло в голове. Девочка вдруг возненавидела и деревню, и вампиров, и сырость, и даже сегодняшней вечер.

— Я не позволю тебе загубить свою жизнь, — серьёзно проговорила Аграфена Степановна, и внучка ошеломлённо посмотрела на неё. Нет, не о разгульной доярке она говорила, не о ночных посиделках с неугодными девчонками... Понимание туго доходило до Маши, но всё же дошло.

— Так ты всё знала?..

Девочка отшатнулась от бабушки и едва не свалилась с порога. Только крепкая рука Аграфены Степановны удержала её от острых клыков счастливой пиявицы. А та замерла, точно зверь перед прыжком.

— Дома поговорим, — бросила женщина, а затем со злобой посмотрела на вечерних гостей и отрезала: — Не пуцу! Никого не пуцу!

— Ей нужна помощь, — попробовала переломить ситуацию Маша. — Лида не виновата, что с ней такое сделали!

— Нам бы кто помог! Иди в дом!

— А ты кроме себя способна думать о ком-нибудь ещё? — съязвила девочка, но пожалела. Она не хотела обижать бабушку, но беспощадность и безразличие последней её сильно задела. Когда умерла мама, она не сказала ни одного доброго слова в адрес усопшей, а когда Маша приехала к ней жить, делала вид, будто ничего не случилось.

— Когда не можешь справиться, брось, отойди! — ответила Аграфена Степановна и вновь попыталась затащить Машу в дом. Но та словно с цепи сорвалась...

— Люда, слушай меня! Я ни за что не стану тушкой, ясно?! Скажи ему, пусть сам приходит! Тогда поговорим!

— Ты что несёшь... — едва не задохнулась бабушка и даже привалилась от шока к мокрой стене дома. — Рехнулась, что ли?.. Ты кого в дом зовёшь, бестолковая?!

Вампирша внимательно наблюдала за Машей, а затем коротко кивнула.

— До свидания! — бодро попрощалась Лида, и две одноклассницы весело зашагали к калитке.

Аграфена Степановна долго не могла отойти. Уже и внучка забежала в дом, уже и пиявица с тушкой вышли на дорогу, а она продолжала стоять, прислонившись к холодной стене. Женщина отдышалась, испуганно оглядела цветастый палисадник и так резво заскочила в дом, будто ей было восемнадцать. Она звонко закрыла дверь на клин и вбежала в столовую.

— Ты что наделала, бестолочь?! Ты хоть понимаешь, какую беду накликала?!

Маша усиленно жевала суховатую картошку и смотрела в стол.

— Стратилат — это тебе не пиявцы! Он сильнее во сто раз! Хитрее, умнее!

— Но в дом-то он войти не может.

— Умная больно! Кто тебе рассказал о них?!

— Когда ты узнала, что здесь живут вампиры? — не ответила внучка. Её горло стиснуло, и она едва проглотила картошку.

— Давно. Они здесь уже лет десять, если не больше.

— Папа знает?

Аграфена Степановна замолчала и опустила на стул.

— Папа знает?

— Знает, — ответила женщина.

— Мы поэтому никогда у тебя не бывали?

— Поэтому. Он как прознал о вампирах, так сразу и... — Аграфена с сожалением махнула рукой. — Не хотел он тебя сюда отпускать...

— Но отпустил.

— Выхода у него не было...

— Избавился... — выдавила Маша и с хрустом откусила солёный огурец, а у самой по щекам побежали слёзы.

— Кровиночка, девочка моя дорогая, ты чего, он же любит тебя до безумия! Он сразу сказал, что ни за что тебя здесь не оставит! Это я, я дура старая настояла! Я же тебе в еду воду святую подливала, и крестиков накупила, везде по дому разложила, и тебя всё заставляла носить! Но ты же — ни в какую! Пока сама не пришла!

— Поэтому меня никто и не трогал?

— Думаю, поэтому, кровиночка! Да и хоронятся они, осторожные уж больно!

— Лучше бы он меня с собой, на север забрал... — глотая слёзы, проговорила Маша.

— Нельзя туда! Нельзя, понимаешь?! Говорила ж тебе, вопрос стоял так: либо детский дом, либо сюда...

— Мама бы так не поступила... Она любила меня...

— Да что ж ты душу мне рвёшь! — вдруг запричитала женщина, вскочила и обняла внучку за голову.

Та усиленно жевала картошку, вкуса которой не ощущала, и от внезапной ласки, которой она всегда сторонилась, слёзы полились ещё сильнее.

— Вот и пусть меня стратилат сожрёт... Я всё равно одна... Так хоть какое-то время побуду нужной...

— Машенька, Маша, кровиночка, ты что! — бабушка покрывала поцелуями голову девочки и у самой в глазах стало влажно. — Мы все тебя любим, оберегаем! Ты не одна!

— Одна... Мамы нет...

— Горе, ой горе-то... — заскулила Аграфена Степановна. — Ни за что тебя упырю этому не отдам! Ни за что!

Так прошло несколько минут. Они плакали, раскачивая тела в скорбном такте, и, когда острая боль отпустила, когда Маша захлюпала носом, бабушка произнесла:

— Я и забыла сказать тебе со всем этим... Папка-то наш звонил!

— Звонил?! Когда?! — встрепенулась девочка и едва не вскочила со стула.

— Да на прошлой неделе ещё... Помнишь, ты просила меня забрать тебя из лагеря? Вот за пару дней до этого и позвонил...

— И ты мне не сказала?

— Да замоталась я, забыла, Машенька! Ты уж прости меня, дуру старую! Я же не со зла! Я же всё для тебя стараюсь делать, кровиночка ты моя!

— Что он сказал? Когда он приедет? — игнорируя мольбу о прощении, жёстко спросила Маша.

— Там связь такая плохая была, я ничего не разобрала! Но, кажется, у него всё хорошо, он скучает по тебе.

— А про приезд ничего не говорил?

— Не поняла я, не знаю! — виновато опустила глаза бабушка. — Может, и говорил! Да там не слышно ничего! Один скрежет!

— Спасибо за ужин, — после небольшой паузы сказала девочка и высвободилась из объятий. Она ушла в комнату и больше не выходила.

Аграфена Степановна неподвижно сидела за столом, горестно подперев рукой лоб. В горло кусок не лез да она и не думала ужинать. Вот как бывает в жизни, берегаешь, сдуваешь пылинки, стараешься наладить давно потерянную связь, а потом оказываешься предательницей, лгуньей, от которой хочется сбежать.

Глава 16

23 июня 1979, суббота

Маша беспокойно ворочалась в кровати, ещё не понимая — пора вставать или на улице раннее утро. Погода не менялась, и хмурая серость неизменно тащила из дня в день. Девушка нехотя разлепила глаза и внезапно вспомнила сон. Как будто за окном её комнаты стоит высокий мужчина. Его голова торчит над подоконником, а лица не видно. Но от незнакомца веет такой замогильной жутью, что кровь в венах обращается в кристаллы льда. Неприятное впечатление надолго забралось в Машу, и она вышла в столовую такая уставшая, точно не спала.

— Машуля! Доброе утро! — выглянула из кухни бабушка.

— Здравствуй, — ответила та, мгновенно стирая сон и воскрешая вчерашний вечер.

— Кашки рисовой сварила! Будешь?

Девушка без желания села за стол и не ответила. Морить себя голодом казалось ей глупостью, но принимать еду из рук женщины, которая скрыла от неё слишком много важных вещей, также шло вразрез её чувствам. Не успела она додумать дальнейшие действия, как перед носом стукнула о стол тарелка. Из неё поднимался тёплый и такой желанный в непогоду пар, что у Маши собралась слюна. В конце концов, не с голоду же ей умирать...

Аграфена Степановна села напротив и с аппетитом запустила в рот ложку, полную каши.

— По-моему, сахарку маловато, — сказала она и насыпала ещё немного полупрозрачного песка. — Добавь, Машуль.

Но девочка не ответила и ничего не сделала.

— Давай мы сегодня сходим на почту и позвоним папе?

Глаза Маши загорелись, и она впервые открыто посмотрела на бабушку.

— Да? Хороший план? — обрадовалась та, угадав желание внучки. — И спросим, когда у него отпуск. А, может, его вообще обратно переведут!

— Пойдём после завтрака?

— Пойдём, кровинка, обязательно пойдём!

В дверь глухо постучали, и Аграфена Степановна изменилась в лице. Она поймала настороженный взгляд внучки, встала и произнесла:

— Что-то к нам зачастили...

Женщина вышла, а девочка поспешно посмотрела в окно. Но гость стоял слишком близко к ступеням, и Маша никого не увидела.

— Заходите, Константин Петрович! — донёлся радостный голос бабушки, и через пару мгновений в плохо освещённую столовую вошёл председатель. А вместе с ним влетел приятный запах одеколona, свежесть утра и неизменно чудесное настроение!

— Ах, простите, я отвлек вас от завтрака! Давайте попозже зайду?

— Ничего страшного, проходите, садитесь! Хотите, я и вам кашки положу? Свеженькая, только сварила!

Мужчина размышлял несколько секунд, и на его красивом лице отражалась вся гамма эмоций. Затем он энергично махнул рукой, захохотал и опустился на стул:

— А давайте, Аграфена Степановна! Я сегодня не завтракал! И, не поверите, никто не предложил!

— Как так не предложил? — поддержала его задорный тон женщина.

— Да вот так! Обхожу, значит, наших односельчан, а они ни гу-гу!

Бабушка скрылась на кухне и загремела ложкой в кастрюле, а председатель положил локти на стол, от чего его плечи стали чуть выше, и улыбнулся Маше такой улыбкой, что девочка не сдержалась — покраснела до кончиков ушей.

— Вот, держите, вам маслечка ещё добавить?

— Нет, спасибо, и так хорошо!

Аграфена задержалась на внучке мимолётным взглядом и обратилась к гостю:

— Как идут дела в колхозе?

— Да как-как?! Всё так же! Вы мне лучше вот что расскажите, каковы у вас планы на будущий год?

— Планы? — удивилась женщина, пока не понимая, о чём тот говорит. — Никаких.

— Маша, тебя ведь Маша зовут? — обратился председатель к девочке. — Ты после десятого что хочешь делать?

— Ой, мы и не думали так далеко... — похолодела Аграфена Степановна. Скандал с Харитоновой ещё гулял по всей деревне.

— У меня скоро освободится место секретаря.

— Да вы что? Неужто Галина Александровна уходит?

— Да, к сожалению, наш бессменный товарищ меня покидает!

— А почему? С чем это связано?

— Устала, говорит. Да и здоровье, сами знаете, — он сочувственно вздохнул.

— Да-да, здоровье дело такое, — поспешно подтвердила женщина и посмотрела на внучку.

— Так вот я и подумал, колхозу нужна новая кровь, молодая, сильная, с новыми идеями! Ты как, Маша, интересуешься сельским хозяйством? — мужчина пытливо и несколько наивно уставился на девочку, запустив в рот полную ложку рисовой каши.

— Не знаю... Пока не думала об этом... — смутилась девушка.

— А ты подумай. Я уже со многими переговорил, кто более или менее подходит, вот, решил, может и вашей внучке дать шанс?

Глаза бабушки загорелись. Не то от радости, не то от удивления.

— Даже и не знаю, что сказать... Нам ещё год учиться... Да и Паша...

— Паша? Кто такой Паша? А, отец, наверное? — догадался председатель.

— Да. Если он вернётся раньше, то Маша уедет в город, — плохо скрывая грусть, ответила Аграфена Степановна.

— Не знал, — озадаченно почесал висок мужчина и обратился к девочке: — Что ж, если вдруг ты надумаешь остаться в колхозе, я готов рассмотреть тебя на должность секретаря.

— Ой, спасибо! — едва не задохнулась от радости бабушка, а Маша ошеломлённо посмотрела на неё.

— Аграфена Степановна, у вас чудесная каша! Вкуснее не ел! — поднялся мужчина из-за стола, оставляя совершенно чистую тарелку.

— Да вы мне льстите! — засмеялась женщина каким-то тихим залиvistым смехом, а внучка с удивлением повернулась к ней. Да-а-а, красавец-председатель мог достучаться даже до самых уснувших сердец!

Когда он ушёл, а расцветшая бабушка понесла на кухню тарелки, Маша сказала:

— Девочек моих вчера не пустила, а этого без размышлений позвала.

— Это же председатель! Он у нас лет десять как работает!

— М-м, тоже десять лет, — подловила внучка, и бабушка вернулась с кухни перепуганная и расстроенная. Она уставилась на девушку, как будто ждала, что та развеет все её сомнения, но та добила: — И Галина Александрова пиявица. Его правая рука.

— Он кашу ел!

— И что?

— А то, что в ней вода святая! Но смотри! Всё чисто! Не поперхнулся даже!

Она побежала на кухню, схватила тарелку председателя и в доказательство перевернула её доньшком к девочке.

— Тогда почему ты так беспокоишься? — спросила внучка, у которой застыли поджилки.

— Тьфу на тебя, Машка! У меня слова твои вчерашние из головы не идут! И надо ж было тебе такое ляпнуть! Да кому! Прихвостням его!

— Лида не пиявица, она тушка...

— Да какая разница! Они все заодно! Пусть тушка кровь не пьёт, зато разговоры слушает да приказы исполняет!

На кухне застыла неприятная тишина. Бабушка и внучка, не говоря ни слова, смотрели друг на друга несколько минут. Неизвестно, сколько бы ещё они немо обменивались опасениями, но новый стук в дверь заставил обеих подскочить с места.

— Тьфу! Что б вас всех черти драли! — воскликнула перепуганная Аграфена Степановна.

Она пошла на терраску, но не успела открыть дверь, как в столовую влезла ошалелая голова соседки Нюры, которая шепеляво доложила:

— Флыхали? Магуфка Матвёнуфка фкончалась! Зафтва поховоны! Бедняфка, уфе фонячь натяла! Вот фто фначит — одинотефство!

— Так, иди-ка отсель, — разнервничалась бабушка и выпроводила соседку.

Когда она вернулась, Маша сидела бледная, едва дыша.

— Ты чего это, а? — перепугалась Аграфена Степановна и потрепала внучку по щекам.

— Её Галина Александровна убила... Я была там... С Лидой...

— Ох-хо-хо... — сочувственно закачалась из стороны в сторону женщина.

— Мы должны что-то сделать... — Девочка подняла на бабушку огромные глаза.

— Пойду-ка я за дровами... — рассеянно сказала Аграфена Степановна. — А ты посиди, кровинка, отдохни.

Маша осталась в пустом доме наедине со своими страхами и обидами. Вдруг по столовой пролетел холодный и сильный сквозняк. Непослушными ногами девушка протопала на кухню и с силой захлопнула форточку. Не успела она отойти от окна, как вернулась бабушка и принесла охапку очень странных дров. С одной стороны концы тупые, с другой — мастерски заострённые, а ещё их покрывала светло-серая кора...

— Пусть полежат здесь, а то отсыреют, — бросила Аграфена Степановна колья у печки.

— И в комнатах пусть полежат! — подхватила Маша. — Что б в каждой — по несколько штук!

— Согласна!

***

Здание почты, маленькое и неказистое, располагалось в посёлке, а не в селе, и бабушка с Машей поплелись в резиновых сапогах по единственно возможному пути — раскуроченной дороге, полной глубоких луж. Девочка не могла вспомнить, когда в последний раз слышала голос отца, и теперь тщательно копалась в своей голове, изредка пугаясь, когда нога соскальзывала в ямку. Павел, человек молчаливый и строгий, обладал редкостным качеством — настоящей добротой, но доброта не чуткость, не интуиция, и она не смогла ему помочь в отношениях с дочерью. Он не любил писать письма, не любил долгие душевные разговоры, а, может, просто не мог выразить собственные чувства, поэтому после смерти обожаемой Татьяны замкнулся, заполз в скорлупу скорби и совершенно искренне не знал, каково его Маше.

— Наконец-то, дошли! — тяжело дыша, сказала бабушка и остановилась напротив затёртой двери. — Ой, дай минуту передохнуть, и зайдём.

Девочка терпеливо ждала и рассматривала блёклую застройку поселковых двухэтажных домов. Какая-то беспросветная унылость таилась в тусклых окнах с разводами после дождя, и не было ни выхода, ни спасения...

— Идём, Машуль!

Аграфена Степановна открыла свистнувшую несмазанными петлями дверь и ввалилась в полутёмное помещение с двумя окошками. Она подошла к одному из них и сказала:

— Здравствуйте. Я заказывала на сегодня звонок в пятнадцать часов...

Маша отвлеклась и ощутила, как колотится сердце. Неужели сегодня она поговорит с папой? Неужели сможет спросить его обо всём, что тревожит? Вампиры и страшный стратилат отошли на задний план, скрылись за мутной поволокой. Полгода она не получала ни письма, ни телеграммы, всё крайнее общение происходило через бабушку, через её редкие прогулки в посёлок на почту. Вдруг Машу толкнуло изнутри: а почему она сама не решилась сходить и позвонить?! Почему просто жила и терзалась сомнением? Ответа не было, лишь тихая серая тьма в том месте сознания.

— Аграфена Степановна! Соединили!

Девочка прошмыгнула вперёд бабушки и юркнула в кабинку. Она схватила холодную трубку и дрожащей рукой прислонила её к уху.

— Папа?

С той стороны донеслись скрипы, трещание, тщетно мужской голос на другом конце страны пытался докричаться. В отчаянии Маша глянула на бабушку. Та подроспела на помощь, выхватила телефон и громко заговорила:

— Паша?! Сынок?! Ты нас слышишь?!

И тут же вернула трубку внучке.

— Папа?

— Да? Я слушаю, говорите! — прозвучало очень далёким родным голосом с помехами, и у девочки ёкнуло сердце.

— Папа, это я...

— Плохо слышно! А, чёрт! Почему никто не может починить эту...

И связь оборвало.

Маша растеряно вернула трубку на место и разочаровано вышла из кабинки.

— Там что-то на линии, — участливо высунулась в окошко почты женщина с пышной причёской. — Уже несколько дней то и дело срывается. И не прозвонить...

— Как жаль-то! Как жаль! — запричитала бабушка, боясь, как бы эта новость не огорчила внучку и не вернула её прежнюю полную замкнутость.

— Тогда идём домой? — спросила Маша, а у самой наворачивались слёзы.

— Пусть пройдёт немного времени, — подошла бабушка, ободряюще обняла девочку за плечи и повела в село. — Они там всё починят, поправят, и я снова закажу звонок. В субботу или воскресенье, когда ты точно будешь дома.

Маша кивнула и позволила себя увести.

— Давай завтра сходим к Матрёне Петровне на похороны? — неожиданно попросила девушка.

— Зачем это?

— Она была хорошей...

— Не она ли и рассказала тебе о вампирах? — с подозрением покосилась Аграфена Степановна.

— Да, она.

— Вот ведь старая калоша, а!

— Не говори так о ней!

— А как мне ещё говорить?! Как ей ума-то хватило! Не её это дело, детям ужасы такие рассказывать!

Маша разозлилась, отскочила от бабушки и выпалила:

— А чьё это дело?! Родителей? Так их у меня нет! Или бабушки?! Так я спрашивала, а она ответила, что Галина Александровна бесноватая! И отправила меня в самую гущу вампиров! Без защиты, без знаний, с одним лишь крестиком!

— Машенька... Я же о тебе переживала... Когда не знаешь, так ведь лучше...

— Так переживала, что готова была отдать на съедение?!

— Ну вот что, — бабушка больно схватила её за руку и потащила в село, — говори да не заговаривайся! Я оградить тебя хотела!

— Оградила!

— Да! Как умела! Твои родители тоже хороши! Увезли незнамо куда, я и видеть тебя не видела!

— А причём здесь это? — не поняла внучка, и Аграфена Степановна спохватилась.

— Расстроилась я, вот и мешаю старые обиды в одну кучу! Идём домой, у меня полно дел!

Девочка не стала спорить и нехотя пошла позади раздражённой бабушки. Машу вновь швырнуло в бездну уныния, и как бы она ни карабкалась, как бы ни просила о помощи, всё было пустынно и одиноко. Затем она вспомнила обаятельного Константина Петровича. Было в нём что-то притягательное, но в то же время отталкивающее, рядом с ним её колени подкашивались, а сердце замирало, и всё же это не была влюблённость. Совершенно очевидное теперь отсутствие чувства заставило Машу посмотреть на мужчину иначе. По тонкой ложбинке позвоночника пополз холод, и страшная догадка, даже не догадка, а явная уверенность ударила в девочку невидимым разрядом. Нет, неспроста он заявился к ним в дом... Впрочем, может оно и к лучшему. Все они говорили, что это приятно: и Люда, и

Галина Александровна. Может, и ей стоит попробовать? Ведь за последние полгода она не ощущала ничего хорошего.

Глава 17

Тягучий день неторопливо перетёк в тревожный вечер. Чем темнее становилось на улице, тем порывистее бабушка делала дела. А когда стрелка старых часов указала на восемь, Аграфена Степановна захлопнула входную дверь, как будто от силы нажатия могло что-то измениться, и звонко задвинула клин. Маша сидела в столовой и безуспешно читала книгу. Она видела метания бабушки, но не пыталась ей помочь. Вместо этого девочка мрачно ожидала, когда к ним в дом постучит стратилат. Она была уверена, Люда передала её послание, да и неспроста он приходил сегодня днём... Маленькое сомнение всё же терзало Машу — вдруг председатель просто председатель, а остальное она подрисовала?

За окном совсем стемнело, Аграфена Степановна села рядом с внучкой и сказала, с опаской поглядывая на тёмно-серое небо:

— Сегодня днём мы слишком разволновались, напридумывали ерунды...

— По-моему, ты не веришь в то, что говоришь.

— А ты почём знаешь?

Девочка не ответила и опустила глаза в пол.

— Машуль, ты не обижайся на меня, а?

— Я не обижаюсь, — донёсся безразличный ответ.

— Мало того, что Паша по военному делу и сам себе не принадлежал, да ещё и тебя таскал повсюду. Ну и маму твою... — поспешно добавила она под конец. — А я тут одна куковала, всю жизнь...

— А дедушка?

— Рано он ушёл... Мне было всего-то сорок с небольшим.

— Мне об этом не рассказывали, — смягчилась девочка.

— Потому что ты со мной-то и не была! Я бы тебе всё-всё рассказала! Но Паша как узнал про упырей этих...

— По-моему, он всё правильно сделал. Увёз семью подальше.

— А я-то?! Я-то не семья?! — с обидой хлопнула ладонью по груди бабушка.

— Ты могла уехать за ним.

— Мы с дедом дом этот сами строили! На каждом кирпичике наш пот и кровь! Как я его брошу?! А хозяйство?! Кур куда? Гусей?!

— И это гораздо важнее того, что в любой день тебя могут убить?

— Но не убили же! — наивно и немного глуповато воскликнула бабушка, отчего у Маши поднялась тошнота. — К ним ведь привыкаешь, к вампирам этим... Они как болото гадкое, как лес дремучий, есть и есть, ничего поделаешь! А жизнь-то идёт!

Девочка ошеломлённо посмотрела на женщину и онемела.

— Ну живут они себе под боком, ну промышляют... Звери же дикие тоже едят людей!

— Поэтому мы и построили города, чтобы быть в безопасности и не хоронить родных...

— Маша, кровиночка, послушай! Мне надо, чтобы ты всё поняла... — Аграфена Степановна выглядела отвратительно: заискивающе, виновато и вместе с тем непоколебимо. — Упыри эти просто как особенность нашего села!

У внучки снова пропал дар речи. Она и без того не испытывала к бабушке глубоких

чувств, самое большое — благодарность, но теперь, когда от слов женщины повеяло смрадом и глупостью, Маша осознала — понятно, почему отец сбежал и забрал с собой семью. Но не понятно, почему полгода назад всё-таки бросил её, родную дочь...

Маша лежала в кровати без сна. Воздух в комнате казался спёртым, но она не могла открыть окно — воспоминание о ползущей Галине Александровне твёрдо засело в голове. Но несмотря на это, девочка с романтической тоской подумала о стратилате. Вот бы он всё-таки пришёл, укусил её, и боль от прожитой короткой жизни стёрлась, позабылась, а на её место пришло бесконечное блаженство. Затем она подумала о крови — ей предстоит пронзать тонкую кожу шеи и впиваться клыками в горячую плоть... Маше стало не по себе, и слабые рвотные позывы скрутили челюсти около ушей. Она бросила рассеянный взгляд в окно, за которым чернели ветви слив, и вздохнула. Постепенно зрение соединилось напрямую с осознанием, и девочка быстро села в кровати: за стеклом торчала чья-то голова. Сколько бы раз Маша ни моргала, ни протирала глаза, ни щипала себя за руку — видение не исчезало.

Девочка бросилась к бабушке, громко топоча по полу босыми ногами. Женщина тоже не спала. Она стояла в углу своей комнаты и крепко сжимала осиновый кол. Её расширенные от страха глаза смотрели в окно — там, в удобной для вампиров темноте стоял человек. Ничего не говоря, Маша кинулась в третью комнату, к третьему окну — и там стоял жуткий незнакомец...

Аграфена Степановна, точно тень, выплыла из убежища и крепко взяла внучку за руку. Ей бы отругать негодную, наказать за приглашение! Но плотно сжатые губы молчали, а глаза слепо взирали во тьму.

— Что делать?.. — не помня себя от страха, спросила Маша, и романтические мечты о будущем в вампирском теле уступили самому обычному человеческому ужасу.

— Оборону держать... — шепнула бабушка и сунула ей в руки кол. — Стой здесь, а я за святой водой.

— Я с тобой! — выпалила девочка и больно сжала руку женщины.

Две светлые ночные сорочки двинулись на кухню по коридору, что выходил в столовую. Проходя мимо своей комнаты, Маша посмотрела в окно — голова так и осталась торчать в неподвижности. Они окружены вампирами и некуда бежать...

— Стой здесь. Там форточка открыта, — Аграфена Степановна силком установила внучку в угол, а сама двинулась на кухню.

— Почему ты её не закрыла? — сдавленно пропищала Маша, давясь сердцебиением.

— Тебя забыла спросить, — рыкнула бабушка, чей страх на мгновение угас перед виной девочки.

Осторожные шаги женщины свернули за дверь и притихли. Дом напряжённо застыл. Звенящая тревога пронизала воздух и осела в чёрных мрачных углах. Терпение Маши дало слабину. Она высунулась из-за косяка и посмотрела на кухню. Стол, рукомойник и полки находились всё там же, но бабушки не было. Куда она могла спрятать святую воду? Да и звуков никаких нет... Неужели стоит и вспоминает?!

Девушка вернулась на прежнее место и ощутила, как ужас покалывает кожу и умиряет волю. Она понимала — надо выйти или позвать бабушку, но что-то внутри бастовало с решимостью капризного ребёнка.

Сколько бы ещё прошло времени, прежде чем она решилась бы выйти, Маша не знала. На кухне послышался шорох — нечто тяжёлое, но не твёрдое упало на пол. Девочка кинулась

в комнату. Там громоздился огромный шкаф. Она живо открыла его и забралась в дальний угол, обнаруживая в себе проворство кошки. Сверху на неё легли подола платьев, юбки, брюки, папины рубашки. С боков подпирали высокие баулы старой одежды. Маша до боли сжимала осиновый кол и успокаивала себя призрачным контролем над ситуацией.

Шли минуты, и долгое время дом молчал. А затем по коридору нарочито громко зашагал человек. Стук каблуков оглушительно разносился в напряжённой тишине и замер в комнате, где пряталась девочка. Кто-то сел в кресло — оно скрипнуло по своему старческому обыкновению.

— И сколько мы будем там отсиживаться? — спросил председатель. — Я слышу каждый удар твоего сердца, Маша. Ты могла бы от меня спрятаться, если б умерла, но так... Ты просто оттягиваешь неизбежное.

У девочки защипало в глазах. Она поняла, что бабушка затихла не без причины, и острая вина вперемешку с ужасом затопила её и без того пострадавшее сердце. Где же смелость? Куда пропала храбрость? Сперва Маша рвалась в бой и собиралась лично засадить кол в сердце стратилата, затем хотела стать одной из них, а теперь позорно сидит в шкафу и надеется, что вампир блефует...

— Так гостей не встречают, — разочарованно произнёс Константин Петрович. — Хватит, вылезай уже. А то пылью надышишься, тебе же хуже будет.

Снова тишина.

— Маша, ты ведь сама позвала меня! Признаться, я возмущён! — слабо хохотнул он. — Это детский сад, в самом деле. Вылезай. Тебе ничего не угрожает.

Как только последняя фраза вылетела из уст стратилата, девочка дёрнулась. Нет, она несколько не поверила в данное обещание, но оно стало удивительным толчком к обретению власти над собственным телом.

Маша зашуршала баулами, загремела деревянными вешалками и едва не вывалилась в комнату. Мужчина в тёмном костюме насмешливо качал головой.

— Доброй ночи, — вежливо поздоровался он, а девушка покосилась на окно — чья-то голова по-прежнему торчала снаружи.

— Что с бабушкой? — дрогнувшими губами произнесла Маша.

— Она отдыхает. Не волнуйся, с ней всё в порядке.

— Зачем вы пришли?

— А зачем позвала? — председатель подался вперёд и очаровательно улыбнулся. Его лицо было чудовищно красивым, и Маша невольно задержала на нём взгляд. Бывает же такое — самый опасный вампир обладал внешностью, до которой большинству мужчин не просто далеко, а как до соседней галактики.

— Я не подумав...

— О как, — обиделся он. — А я пришёл, гостей привёл... Не хочешь их пригласить?

— Ни за что.

— Ну и ладно, ну и без них хорошо посидим.

За окнами зашуршали, и девочка испуганно посмотрела на улицу — несколько человек растворялось в сырой темноте уснувшего сада...

— Это вы им приказали?

— Да, я. Восхищает?

— Как?

— Вот так, — мужчина коснулся виска указательным пальцем и растянул улыбку. —

Когда ты будешь со мной, тоже услышишь все мои мысли.

— Это больно?

— Ну, дорогая моя, всё самое приятное сначала больно, — засмеялся он. — Зато потом открывается такое... Так расскажи мне, чего бы тебе хотелось больше всего?

— Чтобы вы ушли и больше никогда сюда не приходили...

— А ещё? — нисколько не обиделся стратилат. — Самое сокровенное?

— Это и есть самое сокровенное...

— На моё место захотела? Сильно.

— Пожалуйста, уходите, я не подумав позвала...

Взгляд мужчины ожесточился. И хотя в комнате стояла темнота, Маша разглядела, как его губы перестали улыбаться, а лицо точно вытянулось.

— У меня не так много терпения, как кажется, — проговорил председатель и встал. — Мне всегда интересны настоящие мысли живых людей, а то потом от вас одно раболепство, даже иногда скучновато... Но не стоит долго тянуть.

Он подошёл к ней, высокий, статный, окружённый ароматом «Шипра», и девочка задрожала.

— Брось ты этот бесполезный кол. Ты уже приняла решение.

— Да, приняла.

— О-о-о, — отступил Константин Петрович и засмеялся, — героиню решила из себя сделать! Ну слушай, героиня. Чтобы всадить в меня кол, сперва ты должна разорвать остриём вот этот великолепный пиджак, затем рубашку, майку, затем мышцы, дальше ты должна попасть между рёбрами да попытаться их раздвинуть, чтобы коснуться сердца. Как, потянешь? А, ещё забыл, и всё это время я собираюсь сопротивляться. Так как? Справишься?

С каждым насмешливым словом Маша теряла надежду.

— Давай так, приведу три примера, чтобы ты поняла, от чего по глупости отказываешься. Первый — Галина Александровна, мой секретарь. Бедняжка мучилась от рака, врачи были бессильны, но посмотри — я дал ей жизнь! Женя Самойлов, мой механизатор, второй пример. У него на редкость стервозная жена, все соки из него выпивала, он думал в петлю, а теперь гляди — покорней женщины нет на селе! Ну и третий пример, хорошо знакомая тебе Люда.

Стратилат сделал паузу, наслаждаясь внезапно участившимися ударами сердца Маши, а затем продолжил:

— Ей так хотелось быть частью ладного механизма, чтобы все один за одного, чтобы общее дело и цель, и снова помог именно я! Теперь Люда получила инструмент, который позволил ей добиться прекрасного поведения от остальных!

— Но какой ценой...

— У каждого свой срок пребывания на земле. Кто-то умирает раньше, кто-то позже. Так к чему жизнь, когда цель достигнута? Эти трое получили то, что хотели, кто-то из них уже наслаждался сполна. Ведь когда больше не к чему стремиться, всё тщетно, верно?

— Им есть к чему стремиться... Просто их стремления отняли и заменили подделкой.

— Ого, какие глубокие размышления! — расхохотался мужчина. — Не ожидал, скажу прямо!

— Вы отняли их волю, они всего лишь марионетки...

— Заметь, счастливые марионетки, — назидательно поднял палец он. — Вот ты можешь сказать, что счастлива?

Стратилат ударил по больному, и Маша не нашлась, что ответить.

— Так к чему воля, если она не приносит тебе никакой радости? И вообще, кто сказал, что воля — это хорошо? Может, как раз наоборот от неё все беды. Только подумай, каким бы славным был наш мир, если бы не было кто в лес, кто по дрова? У всех была бы единая цель и все бы радостно к ней стремились!

— А у вас какая цель?

Константин Петрович оскалился, и девочка впервые увидела два острых длинных клыка. Она застыла, глядя на них, и смогла оторваться только тогда, когда мужчина заговорил, скрывая их под губами:

— У меня — великая!

— А подробнее?

— Когда станешь по одну сторону со мной, сама всё поймёшь. Ответы появятся в твоей голове, как будто всегда там были. Ты ощутишь полную осмысленность существования, обретёшь цель, получишь силы для её достижения. Я не смогу передать этого словами.

— Накормить вас. Вот и вся цель... — выдавила Маша и удивилась, что ей хватило на это духу.

Мужчина двинулся на неё, но затем застыл и неприязненно сказал:

— Когда ты снимешь крестик, мы покончим с разногласиями.

— Разве он на вас действует?

Стратилат не ответил.

— Вы сегодня съели кашу со святой водой и не поперхнулись...

— Так вот почему она немного покалывала... — задумчиво проговорил он. — Но твоя бестолковая бабушка почти всю её выпарила. Да и вода эта так, комариный укус. Я бы и крестик мог сорвать, но хочу, чтобы ты это сделала сама.

— Не сниму...

— Ладно, — охотно согласился он, легко развернулся и зашагал в коридор.

Девушка ещё не поняла, что он уходит. Облегчение толкнуло в грудь секундой позже. Маша улыбнулась от внезапной радости и направилась следом, чтобы проверить, как там бабушка. Но через пару мгновений застыла.

Константин Петрович и не думал уходить. Он схватил Аграфену Степановну за ворот сорочки и потащил по полу, словно женщина весила не больше кошки. Немереная сила бурлила вокруг стратилата, он словно стал выше, его черты заострились, огрубели, пропало волшебное очарование, он превращался в монстра.

Мужчина бросил бабушку у ног оцепеневшей Маши и сказал совсем другим тоном:

— Я выпью её до последней капли, если ты не снимешь крест.

— Но это будет не по моей воле... — выдавила девочка. Она смотрела и смотрела на бессознательную женщину, гадая, жива ли она...

— Нет, по твоей. Я даю тебе выбор, — проскрежетал он, и на его лице надулись вены, окончательно обезображивая некогда прекрасного мужчину. Раздался треск — тёмный пиджак разошёлся по швам и оголил светлую рубашку, под которой видоизменялись мышцы.

Огромными длинными руками стратилат сгрёб Аграфену Степановну к себе. Он небрежно поднял её над полом, грубо толкнул голову в бок, оголяя шею, и жадно присосался к коже.

Маша слушала мерзкое чмоканье, вздохи удовольствия, сопения, и ничего не могла сделать. Вот сейчас бы, когда он занят, размахнуться получше да и проткнуть его колом!

Мысль о том, чтобы сдёрнуть крестик, её не посетила. Точно так же, как и чувство вины.

— Она умирает... — пробасил-проскрежетал он, и глаза сверкнули чистыми удовольствием.

Тогда девочка медленно двинулась к нему. Она ещё не знала, как поступит, но руки крепко держали осиновый кол. Темнота сильнее обступила, одурманила, играла на стороне вампира. Но Маша решилась. Она резко подсунула кол под пиджак, и тут же полетела назад. Стратилат зарычал, сверкнул бешеными глазами и кинул бабушку на внучку.

— Беги... кровинка... — на миг очнулась Аграфена Степановна и вновь потеряла сознание. По шее струилась липкая, противная кровь, и вокруг запахло железом.

— Тебе не сбежать, — проговорил председатель и улыбнулся широким нечеловеческим ртом.

Он шагнул вперёд, чтобы взять огромной лапищей свою добычу, но странно охнул.

— Сбежать, ещё как сбежать! — раздался позади чудовища знакомый голос.

— Папка... — прошептала Маша и заплакала.

Обезображенное вампиризмом лицо председателя удивлённо вытянулось. Длинные губы искривились в подлой ухмылке. Стратилат заскрежетал:

— Я не один... Придёт другой... Вы все — будущие тушки...

— Падаль! — плюнул Павел и толкнул монстра ногой, от чего тот завалился на бок. Из груди Константина Петровича, левее, торчал острый конец окровавленного осинового кола.

Мужчина бросился к матери и зажал ей шею пальцами.

— Включи свет и принеси тряпки, — приказал отец, но девочка застыла. — Маруська, ты чего стоишь? — более мягким тоном проговорил он.

— Ранки сами затянутся... Я знаю... — едва выговорила та.

Павел отнял руки и посмотрел на две ровные дырочки, которые действительно не кровоточили. Возможно, и никогда не кровоточили, просто стратилат не умел есть аккуратно...

— Уложим её, помоги мне...

Они приподняли бабушку и дотащили её до кровати. Женщина не приходила в сознание, но её дыхание выровнялось, хотя и было едва различимым.

Отец и дочь долго смотрели друг на друга в ставшей безопасной темноте. В соседней комнате испепелилось крупным чёрным крошечком тело стратилата. Но никто из них не видел этого. Это было и не важно. Важно, что он больше не убьёт.

Маша хлопнула носом и покачнулась. Павел развёл руки в стороны, и она с чувством бросилась к нему.

Девочка ревела. Ревела так, что перед глазами поплыли жёлто-зеленые круги, а внутри всё разметало: и боль, и страх, и одиночество. Забрехала обида. Маша подняла на папу красные глаза, но он не смог ответить ей тем же.

— Прости меня, Маруська... — сипло произнёс он и сглотнул. Тогда девочка поняла, что он давит горькие слёзы. — Если бы я знал, ни за что бы не отпустил... Лучше детдом, чем это...

— Не... не знал? — переспросила заикающаяся от рыданий дочь.

— Не знал... Мать сказала, вампиров убили. Я поверил... Разве она может так тобой рисковать? Особенно после смерти... Тани...

Они не сговариваясь посмотрели на бабушку. Спокойное лицо женщины казалось безмятежным, едва не ли не ангельским.

Глава 18

24 июня 1979, воскресенье

Аграфена Степановна открыла глаза. Она удивилась радостному щебетанию за окном и яркому солнцу. Тело ломило, как при простуде, голова кружилась, а ноги и руки мелко дрожали от слабости. Женщина поспешно поднялась и села на краю кровати. Комната немедленно завалилась в сторону и заставила перетерпеть. А терпеть Аграфена уже устала. Она живо вспомнила вчерашний поздний вечер, а, может, и ночь. Тревога беспощадно затопила её и погнала из комнаты вон.

— Маша... — с трудом пробираясь по стеночке тихо кричала она. Но голос совсем не напоминал крик, так, чуть взволнованный шёпот. — Ты где?.. Маша?!

Навстречу ей выбежал всполошённый Павел в простых чёрных штанах и старой рубашке. За ним показалась и внучка.

— Папа... Ты?.. — не веря собственным глазам спросила женщина.

— Я, мам, я. Иди ложись, ты много крови потеряла.

Но раздосадованная собственной слабостью Аграфена всё же попыталась выйти в коридор. Только вовремя подскочивший сын успел задержать её тело в полёте.

— Сказал же, ложись! Вечно ты никого не слушаешь!

Когда мужчина отвел мать в постель, она взяла его за руку и пустила слезу.

— Пашенька, сынок... Как же ты здесь оказался? Мы же вчера с тобой говорили...

Но над Пашенькой сгустилась туча. Он мягко, но уверенно высвободил руку и поднялся. Из-за двери выглядывала Маша.

— Говорили не со мной. Возможно, позвали кого-то другого, по ошибке, — нехотя ответит тот и продолжил металлическим тоном: — Почему ты сказала, что вампиров в Аничкино больше нет?

Бледное лицо женщины перестало светиться блаженным экстазом. Она прерывисто вздохнула и уставилась в потолок.

— Ты лишил меня внучки.

— И ты решила в отместку лишить меня дочери?!

— Папа, Папа! — резко села на кровати женщина, и комната вокруг неё снова поплыла. — Не уходи!

— Я подал в отставку, — холодно ответил он. — Завтра мы с Машей уезжаем в Москву.

— В отставку? Да тебе до пенсии осталось всего ничего!.. — возмущённо задрожал голос властного родителя, но тот же голос через мгновение стал умолять: — Пожалуйста, Пашенька... Как же ты не понимаешь, что делаешь со мной! Ты же меня по живому режешь!

— Не знаю, какое объяснение тебе надо придумать, чтобы получить моё прощение.

— А я и не прошу прощения! — твёрдо заявила женщина, хотя побледнела ещё сильнее. — Мне всего лишь надо, чтобы ты понял!

— Опять — мне надо! Мне надо! — взмахнул в ярости руками Павел. — Всю жизнь — мне надо! Ты только о себе и говоришь!

А внучка и дочка, из-за которой разгорелось столько битв, безмолвно стояла, прижавшись к косяку двери. Она слушала и слушала бесконечные выяснения отношений между отцом и бабушкой, и смутно вспоминала, как когда-то в детстве что-то похожее уже происходило. Она хорошо понимала, это не её история, не её вина и не ей судить, кто прав,

кто виноват. Позже, когда они оба остынут, она постарается их примирить, но... всё равно уедет в Москву.

Маша тихо ушла. Она села на пороге и осмотрела воспрявший после дождя палисадник. Казалось, цветы распушились сильнее, листва приобрела глубокий оттенок изумруда, а небо, чистейшее и голубое, никогда ещё не было таким настоящим. Не успела девочка надыхаться свободой, как у калитки появилась бледно-синяя Люда Новосёлова. Лида поддерживала её согнутую фигуру и молила глазами войти.

От неожиданности Маша поднялась.

— Привет, к тебе можно? — спросила Козичева издали.

— Если вы люди, конечно... — ответила девочка. И хотя сегодня утром она выметала чёрный пепел из комнаты, слова стратилата, что он не один, пустили в ней корни.

— Уже люди... — тихо сказала комсорг.

Калитка обиженно скрипнула, и гости не спеша вошли. Новосёлова не смогла подняться по ступеням и села в самом низу. Её мелко потрясывало, и она обнимала себя за плечи, чтобы скрыть неприятную дрожь.

— Прости меня... — просипела комсорг. — Делать то, что ты не хочешь, очень сложно.

— Я...

— Подожди, иначе собьюсь с мысли, — попросила Люда, всё ещё не в силах встретиться с одноклассницей глазами. — Теперь я понимаю, что такое, когда тебя принуждают. И вроде бы цель кажется благородной и важной, но внутри всё обрывается... Всё так запутанно и сложно, но, оказалось, воля — важная часть нас.

— Не надо... — попросила Маша. Ей стало невыносимо жаль бывшую пиявицу.

— Нет, послушай... Важная потому, что мы всегда хотим поступать так, как считаем правильным, а когда этого не происходит — ужасно страдаем... Ну и много чего ещё... Я не понимала тогда, до стратилата, что у каждого своя правда и эта правда не всегда зло. В отличие от той, которая была у меня, когда я пила кровь... Надеюсь, более или менее объяснила... Я готовилась... Поэтому, прости, что всячески стыдила тебя и приставала из-за того, из-за чего не нужно... Я была неправа...

— Но и одному трудно, — грустно ответила девочка. — Идти поперёк всех очень тяжело... Да и не всегда правильно.

Люда повернулась к Маше с робкой надеждой.

— Я тоже многое поняла. Особенно за вчерашнюю ночь... Действительно, сила — это когда мы все вместе, всё это правильно и верно, в этом есть смысл. Было так страшно, когда я осталась один на один со стратилатом... Мне помогло только чудо. Поэтому и ты меня прости. Понимаю, что была сущей занозой и местами вела себя вызывающе. Но... я привыкла к другому, не подходит мне ваша жизнь. Не моё это. Но это не значит, что я обязательно плохая!

— Нет, конечно, не плохая, — печально, но совершенно согласно покачала головой Люда.

— А ещё я думала про Тоню... Раньше может быть и нужна была простая физическая сила и всех заставляли её использовать. Да никто ничего особо и не умел. Я про колхоз и все эти работы сельскохозяйственные... Но ведь страна развивается, теперь ей нужно не только это, но и знания. А какие будут знания, если все, даже самые умные ребята, останутся в колхозе?

— Да, понимаю, — кивнула комсорг.

— Пусть даже год. Но ведь этот год, считай, для них потерян.

— Но можно пойти учиться потом...

— Жизнь не такая уж длинная, как оказалось, — вздохнула Маша, и Люда виновато потупилась. — Да, можно и потом, но это труднее. Мама всегда говорила, что учиться нужно, пока молодой, потом и не захочется, и мозги уже не так работают... Да и какая польза для Тони от того, что она год пробудет в колхозе? И колхоз не особенно выиграет. Думаешь, она станет хорошим работником?

— Нет, не станет, — нехотя признала Люда.

— Нельзя насильно заставлять делать то, что не хочешь. А потом ещё и наказывать за то, что ты отказался. Сплошная повинность, как будто не жизнь, а тюрьма. У любого же всё лучше получается, когда с желанием. Да и вообще...

Девочка немного помолчала, посмотрела на черноглазую Лиду с явными цыганскими корнями, а затем на Люду, у которой не было ни капли крови другого народа, кроме русского.

— Вообще, я думаю, — всё-таки решилась договорить Маша, — вернее, мне кажется, что если все будут принимать других такими, какие они есть, и позволять использовать свои сильные стороны, а не сгребать метлой в одну кучу, вот тогда и будет настоящее правильное общество.

Люда горячо закивала, неожиданно для себя соглашаясь с выводом Маши, а затем спросила:

— Значит, мир?

— Конечно, мир!

Они немного посидели в безмолвии и послушали, как расчирикались на штакетниках воробьи. Соседская чёрно-белая кошка, не мигая, смотрела на них из-под кустов, и только кончик тонкого хвоста мелко отбивал по земле.

— А ко мне папка приехал, — поделилась радостью Маша. — Завтра мы уезжаем в Москву.

В глазах Люды пронеслось былое возмущение, — а как же колхозная свёкла?! — но быстро погасло. Она печально улыбнулась и сказала:

— Тогда хорошего тебе пути. Будешь писать нам письма?

— Если вы хотите... — растеряно посмотрела девочка на Лиду.

— Да конечно хотим! С кем ещё можно поговорить про ту мерзкую тварь! — Козичеву передёрнуло от воспоминания о ночи в шалаше.

— Она такая же жертва, как и мы все. К тому же теперь она умирает... — заступилась Маша.

— Надо её навестить, — предложила комсорг.

— У тебя сил-то хватит? — с сомнением прищурилась Лида.

— Не знаю... Рвало всю ночь, а сейчас такое чувство, что я пустая, как банка.

— А ты знаешь, каково пустой банке?

— Я понимаю тебя, — поддержала Люду Маша, и та благодарно улыбнулась. — Сегодня похороны Матрёны Петровны, и я хотела бы сходить... Может, ты пока передохнёшь, а к Галине Александровне вечером заглянем?

— Или завтра? — вставила и своё слово Лида, а затем печально отозвала предложение: — А, я забыла, что ты уезжаешь...

— На самом деле... — замялась Маша. — Я так подумала... Наверное, ничего

страшного, если я задержусь до конца лагеря и помогу колхозникам? Думаю, папа не будет против...

— Правда?! — Глаза комсорга ожили впервые за сегодняшний день.

— В конце концов, когда ещё у меня будет такое приключение?

— Это полоть свёклу-то — приключение? — грубовато усмехнулась Лида.

— Для городской фифы ещё какое! — немедленно ответила Иванова.

Девочки засмеялись, и впервые за долгое время Маша ощутила лечебное единение дружбы, от какого сторонилась целых полгода. Конечно, боль от потери мамы ещё не прошла, но притупилась, забралась немного глубже, в те архивные отделы памяти, из которых её легко можно было достать, но которая всё-таки лежала там.

Одноклассницы ушли и договорились, что после того, как Люде станет лучше, они обязательно навещат Галину Александровну, возможно, смогут ей в чём-то помочь. Маша смотрела, как неудачно прыгнула за воробьём кошка и тот мгновенно вспорхнул вверх, уводя за собой всю ораву крикливых собратьев. Надо же, как бывает... Иногда какие-то несколько дней переворачивают всю жизнь и заставляют посмотреть на мир иначе. И люди кажутся уже не теми, кем были раньше, да и сами мы бесповоротно изменились, а события, которые недавно являлись одними, предстают совсем в другом свете. Маша очнулась от размышлений и удивилась собственным мыслям. Нет, не быть ей хорошим колхозником! Из дома доносился возмущённый голос отца, который пытался переломить тупую непреклонность бабушки, и девочка решила — хватит. Она поднялась по ступеням и направилась в прохладные комнаты, чтобы попытаться помирить двух последних родных ей людей.

Послесловие

Галина Александровна скончалась через три месяца после смерти стратилата. 24 июня в новолуние он собирался её выпить, но не успел.

Расследование об исчезновении Константина Петровича зашло в тупик.

Парторг Василий Иванович бросил пить. Нового председателя встречал как родного сына.

Механизатор Женя Самойлов развёлся с женой, забрал детей и переехал в соседнюю деревню.

Маша Иванова вернулась с отцом в Москву через месяц. Как только они добрались, девочка написала Люде и Лиде. Их переписка длилась всю жизнь.

Аграфена Степановна осталась в Аничкино. Павел с Машей иногда её навещали и часто звонили.

Тоню Харитонову лишили золотой медали и не допустили до экзаменов ни в один вуз из-за характеристики. Она была вынуждена пойти в простецкий техникум соседнего городка. Её жизнь оказалась тяжелой.

Валентина Михайловна не вышла замуж и не родила. Всю жизнь прожила одна, боясь осуждения. Получила звание заслуженного учителя РСФСР.

В 1980 в Москве прошли летние Олимпийские игры.

В 1980 десятиклассников заставили остаться в колхозе. Разразился новый скандал.

В 1981, 1982 и т. д. десятиклассники свободно окончили школу. Ни о каком колхозе речи не шло.

Больше книг на сайте - Knigoed.net